

*Посвящается 85-летию со дня образования
Ханты-Мансийского автономного округа*

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть V

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2015

ББК 63.3(253.3-6Хан)

П 99

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных
работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Авторы:

В.В.Митрофанов (разд. 1, гл. 1); *М.М.Чореф* (разд. 1, гл. 2);
Я.Г.Солодкин (разд. 1, гл. 3—4); *О.П.Цысь, В.В.Цысь* (разд. 1, гл. 5);
А.А.Любимов (разд. 1, гл. 6); *Ю.В.Феоктистова* (разд. 2, гл. 1);
В.В.Мошкин (разд. 2, гл. 2); *Л.В.Алексеева* (разд. 2, гл. 3; разд. 3, гл. 1—2);
К.Г.Букренева (разд. 2, гл. 4); *Н.С.Салимова* (разд. 2, гл. 5);
В.В.Филатов (разд. 4, гл. 1); *Н.М.Игнатова* (разд. 4, гл. 2);
Г.Ю.Колева (разд. 4, гл. 3); *Н.В.Сапожникова* (разд. 4, гл. 4)

Под общей редакцией

доктора исторических наук, профессора *Л.В.Алексеевой*

Рецензенты:

доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин филиала Южно-Уральского
государственного университета в г.Нижевартовске *В.В.Митрофанов*;
доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных
и экономических дисциплин филиала Тюменского нефтегазового
университета в г.Нижевартовске *В.Я.Мауль*

П 99 **Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы:** Коллективная монография. Ч. V / Под общ. ред. проф. Л.В.Алексеевой. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2015. — 269 с.

ISBN 978–5–00047–240–8

В монографии рассматривается широкий спектр проблем политической, экономической и социокультурной истории Ханты-Мансийского национального (автономного) округа.

Книга предназначена для студентов-историков, аспирантов, специалистов, а также всех, кто интересуется историей Югры и сопредельных территорий. Монография может быть использована при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири.

ББК 63.3(253.3-6Хан)

ISBN 978–5–00047–240–8

© Издательство НВГУ, 2015

Уважаемые читатели!

Перед вами пятый выпуск коллективной монографии «Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы», посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа. Округ был создан 10 декабря 1930 г. и за эти годы прошел путь от традиционного к современному. Одним из важнейших достижений ХМАО является создание высших учебных и научных учреждений, позволяющих округу начать модернизацию экономики на инновационных основах.

В монографии представили результаты научных исследований, отражающих широкий спектр проблем по истории автономного округа и сопредельных территорий, историки Ишима, Магнитогорска, Тюмени, Сыктывкара, Нижневартовска и Нижневартовского района.

Коллективная монография предназначена студентам-историкам бакалавриата и магистратуры, аспирантам, специалистам, а также всем, кто интересуется историей Югры, Севера, Сибири, Уральского федерального округа. Данный труд может быть использован при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири. Материалы монографии могут найти применение и в школьной практике: при подготовке учителей к занятиям по истории, при изучении тем региональной истории.

Всем авторам большое спасибо! Выражаем надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Л.В.Алексеева
*доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки ХМАО — Югры*

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА III (XIX) ВСЕРОССИЙСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ

Состоявшийся в 2011 г. III (XIX) Всероссийский археологический съезд в Великом Новгороде и Старой Руссе является продолжением замечательной дореволюционной традиции, продолжавшейся почти 50 лет¹. Она связана с именем крупного организатора археологической науки в России А.С.Уварова, которого С.Ф.Платонов назвал «первостепенной силой, одним из самых горячих и высоких умов», «универсальной творческой силой»².

Среди десятков докладов и выступлений на форуме историков и археологов представляют закономерный интерес те, которые раскрывают проблемы археологии Западной Сибири. Следует сделать оговорку, что мы привлекаем материалы съезда, в которых границы археологических исследований охватывают территорию нынешней Тюменской области в целом, т.е. с автономными округами, а также территории бассейна Верхней Оби.

Вопросы изучения городищ Южного Иртышья были затронуты в сообщении С.Ф.Кокшарова и А.И.Казанцева. Авторы отметили постоянный интерес специалистов разных направлений к остяко-вогульским княжествам. В докладе представлена периодизация изучения городищ сибирских аборигенов. Предложено начальный период относить к XI—XVI вв., а конечными событиями считать начало эпизодических походов новгородцев в Югру и известный поход Ермака. Главными источниками по истории городков этого времени авторы называют отрывочные летописные сведения. При этом исследователи отмечают, что «вряд ли этот этап можно охарактеризовать как научно-исследовательский»³, что совершенно справедливо. К этому времени относятся и известные труды С.Герберштейна и Э.Марша⁴. Второй период начинается на рубеже XVI—XVII вв. и продолжается до второй половины XIX в., а среди известных исследователей Сибири названы С.У.Ремезов и Г.Ф.Миллер. Третий этап датируется рубежом XIX—XX вв. и связывается с именами С.К.Патканова, Б.Мункачи и А.Каннисто,

отмечена активная деятельность сотрудников Тобольского губернского музея по пропаганде исторических знаний о средневековых древностях региона.

Четвертый этап охватывает почти весь советский период с 20-х и до 90-х гг. XX в. В это время В.Н.Чернецовым были предприняты первые археологические раскопки в Западной Сибири, появилась первая крупная работа С.В.Бахрушина «О вогуло-остяцких государственных образованиях»⁵. Последняя «стимулировала полемику среди историков, этнографов и археологов», в центре которой оказались проблемы «социально-экономического развития местного населения». Нефтяной «бум» способствовал активизации археологической деятельности, однако работы велись без какого-либо плана, без «соблюдения выработанных методик и отличались невысоким качеством».

Пятый этап охватывает последние 20 лет, он характеризуется «плановыми исследованиями» и связан с именами В.М.Морозова, С.Г.Пархимовича, А.Н.Зыкова, С.Ф.Кокшарова, С.Ю.Каменского и А.Е.Жирных. В этот период выдвинуто предложение рассматривать остяко-вогульские «княжества», как один из вариантов «военных вожеств».

В докладе с привлечением давно опубликованной, но «ускользнувшей от внимания исследователей»⁶ царской грамоты от 11 июля 1606 г. в Пермь Великую⁷ Я.Г.Солодкин (пожалуй, самый авторитетный современный источниковед и историограф) приводит веский аргумент о датировке похода Ермака в 1582 г. Возможно, это позволит положить конец дискуссии, продолжающейся не одно столетие, о начале «бессмертной» экспедиции в Сибирь.

Проблемы средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху великого переселения народов были предметом выступления Н.П.Матвеевой. Докладчица сделала вывод о «довольно существенном» влиянии миграционных процессов на северные народы в IV—V вв., отметив при этом, что пока не все они изучены, например, не ясен «механизм возникновения кушнаренокских комплексов»⁸. Подобные вопросы, относящиеся только к Зауралью, анализировала Т.Н.Рафикова. Автор обратилась к ряду археологических культур: бакальской, оформившейся к IV в., юдинской, датируемой более поздним временем — VI—IX вв., и кушнаренокской, время появления которой специалисты относят к VI в.⁹

Ю.А.Васильева и В.Б.Малиновский, сотрудники института археологии и этнографии СО РАН, представили небольшое сообщение на тему «Могильник Заречно-Убинское-I как источник по реконструкции этнических процессов на границе таежной и лесостепной зоны Западной Сибири»¹⁰. Впечатляют приведенные сведения о масштабах самого могильника и его раскопках: 160 курганов, из которых 79 исследованы только в последние пять лет. Обнаруженные материалы уже сегодня позволяют судить о контактах этнических групп южных ханты, селькупов, барабинских и чатских татар в середине II тыс. н.э. Дальнейшие работы позволят конкретизировать эти связи.

В.В.Горбунов положил в основу своего доклада материалы раскопок могильника Иня-1¹¹. Археологические материалы из 29 вскрытых курганов, которые находятся в поле зрения археологов с 1951 г. и до настоящего времени, позволяют говорить о взаимодействии народов промыслового таежного населения со скотоводческими племенами Средней и Центральной Азии в середине I тыс. н.э., что и привело к формированию на территории Лесостепного Алтая сруктинской культуры.

Материалы археологических раскопок в Нижнем Приобье, в частности городища Бухта Находка, позволили О.В.Кардаш конкретизировать некоторые остающиеся не до конца исследованными вопросы торгово-меновых отношений «аборигенов субарктики в XIII—XIV вв.». Автор утверждает, что древнерусское население в это время создало на севере Западной Сибири «сеть торгово-промышленных факторий»¹² в Надымском городке и Тазовскую. Факты же наличия в Надымском городке срубных строений, костей свиней и лошадей в слоях XIV—XV вв. приводят автора к предположению о длительном проживании в этих местах выходцев из Северо-Восточной Европы. Если же эти факты найдут дальнейшее подтверждение, тогда можно будет ставить вопрос о пересмотре представлений о времени заселения русскими районов Нижнего Приобья.

О времени возникновения свиноводства у аборигенов Сибири говорилось и в докладе Т.В.Лобановой и О.П.Бачура. Они, как и О.В.Кардаш, датируют время появления этого вида животных в сибирском регионе XIII—XIV вв. Раскопки в Мангазее, Березове и других русских городах севера Западной Сибири позволили

выявить значительное количество костей свиней, что привело докладчиков к выводу о том, что «свинья являлась одним из наиболее многочисленных видов» животных, которых разводило здешнее население. Появление этого животного на данной территории связывается с приходом сюда русских переселенцев или «непосредственными контактами аборигенов с населением Северо-Восточной Европы»¹³.

Первым русским поселением на севере Сибири посвящен был доклад Г.П.Визгалова. Автор подчеркнул, что эта проблема остается малоизученной ввиду «труднодоступности и больших затрат» в организации раскопок. К тому же из 50 названий поселений, упомянутых в письменных источниках, к настоящему времени идентифицированы на местности только 19. Хронологически они относятся к XVI—XVIII вв., при этом подчеркивается «малочисленность выявленных русских памятников» по причине «их нетипичного расположения»: «среди или рядом с широкой поймой», на «надпойменных террасах», «прибрежных валах», возле «высоких коренных берегов»¹⁴.

Аналогичные проблемы изучения материальной культуры в Сибири затронуты Л.В.Татауровой. Исследовательница выделила две проблемы — «соотнесение городской и сельской культуры и построение типологии предметов на единой основе». Действительно, если раскопки в первых городах Зауралья в последние годы приняли целенаправленный характер, то сельские поселения остаются «мало изученными» в археологическом плане¹⁵.

А.А.Пушкарев остановился на датировке погребений с привлечением нумизматических предметов — счетных жетонов и монет¹⁶.

С 2007 г. НПО «Северная археология-1» проводит комплексное исследование Новой Мангазеи. Участники этой экспедиции на съезде представили несколько докладов. Особенно активно город развивался в XVII—XVIII вв. Находки позволили сделать вывод о «преимуществах традиций русского домостроения и непрерывности проживания русского населения» в этих суровых местах с середины XVII в.¹⁷ Между тем, интерес к истории северного города наблюдается постоянно¹⁸.

О Мангазейских «кониках», найденных во время раскопок в 2002—2009 гг. на одноименном городище, представил информацию

С.Г.Пархимович. Коллекцию из 14 «коников» автор относит к «атрибутам строительной магии». Примечательно, что до сих пор «оригинальное явление древнерусской культуры», как называют «коников», за пределами Новгорода встречалось только в Старой Ладоге и Пскове. Но ранее найденные фигурки интерпретировались исключительно как детские игрушки. Новые находки «расширяют географию и хронологические рамки этого явления»¹⁹.

Об активизации археологической деятельности в бассейне Оби свидетельствуют доклады о недавних раскопках. Так, в течение целого десятилетия, с 2000 по 2010 гг., экспедиции УРГПУ и УрГУ проводили «охранные исследования» в бассейне р. Большой Юган, где было вскрыто 3800 м². Среди важных открытий следует указать на три кузны времен карымской культуры, которые являются «самыми ранними в регионе»²⁰.

Примерно в этих же местах в 2009—2010 гг. экспедиция ООО «НПО “Северная археология-1”» вела раскопки городища Стрелка, расположенного в Сургутском районе, близ поселка Угут, относящегося к рубежу I—II тыс. Результаты работы представлены в докладе одним из руководителей раскопок Т.М.Пономаревой²¹. В Среднем Приобье к этому времени относится не менее 15 памятников, о них находим фрагментарные упоминания у Н.В.Федоровой, Ю.П.Чемякина, К.Г.Карачарова, А.П.Зыкова. Экспедиция, изучавшая «остатки фортификационных сооружений, построек», составила коллекцию находок из 16000 предметов. В результате анализа 300 сосудов были определены их характерные черты, которые относятся к важпайскому типу и датируются серединой IX — началом XI вв.

Район обеих названных экспедиций проходит через населенный пункт Угут, который Ю.П.Чемякин называет селом, а Т.М.Пономарева — поселком.

История раскопок в Нарымском Приобье имеет давнюю историю, начиная с конца 1930-х гг., когда П.И.Кутафьев раскопал Гребенщиковский некрополь. Затем были другие раскопки, в частности, Урлиновского и Усть-Озёринского могильников и др. Находки позволяют говорить о «массовом русском привозе», который в начале XVIII в., по утверждению А.И.Бобровой, «захлестнул сибирский рынок» и привел «к упадку собственного производства у коренных жителей Нарымского Приобья»²².

Интересные сведения о торговле текстильными изделиями на территории Западной Сибири привели Т.Н.Глушкова и А.Н.Шулаева — сотрудники Сургутского государственного педагогического университета. Отметив, что по свидетельству письменных источников на территорию Сибири ткани ввозились как из Европы, так и из Азии, докладчики обратили внимание на единичный к тому времени известный факт, отмеченный еще О.В.Вилковым, о производстве тобольского «слободского» сукна и холста. Сегодня археологические находки позволяют говорить о целом «комплексе текстильных находок» в Сургутском Приобье, Мангазее и других местах. Следовательно, письменные источники нашли подтверждение вещественными, т.е. археологическими. Важным выводом исследователей следует считать доказательство о «взаимодействии текстильных технологических традиций аборигенного и русского населения»²³.

В 2010 г. ИПОС СО РАН были организованы раскопки в Нижнетавдинском районе, где, по словам И.Ю.Чичуновой, «получен уникальный материал» по этнокультурным процессам на рубеже «перехода от раннего железного века к Средневековью»²⁴. Ряд исследователей из Томска представили доклад по археологии Притымья, который граничит с более южным Нарымским Приобьем. Авторы подчеркнули недостаточное археологическое изучение региона. Так, из 165 известных памятников изучено всего 25, при том что основными захоронениями здесь являются грунтовые могилы. Для датировки могильников применялся метод аналогии с подобными захоронениями в Сургутском, Юганском, Нарымском и Томском Приобье. Эта близость позволила авторам доклада сделать предположение об «участии в этногенезе нарымских селькупов угорского компонента»²⁵.

Находки кровельной черепицы в Тобольском кремле в 2006 г. позволяют дополнить факты, не зафиксированные письменными источниками, о ее местном производстве в период 1750 — не позднее 1788 гг. «Использование черепицы в каменном строительстве Тобольска можно считать небольшим эпизодом в общей истории России»²⁶, — к такому выводу натолкнула неожиданная находка. История Тобольска с привлечением археологических материалов была представлена группой тюменских исследователей²⁷. В докладе отмечается, что «представления о тобольской

старине основаны на изысканиях историков и архитекторов, а отнюдь не археологов». Тюменские археологи ведут раскопки в Тобольске с 2007 г. Интересные сведения получены в Гостиных (первом и втором), Октябрьском, Чукманском раскопах, которые позволяют дополнить имеющиеся письменные известия, а порой и новые данные о деревянных сооружениях, крепостных стенах, хозяйственных постройках. Была обнаружена, в оценке докладчиков, «уникальная находка» — «меднолитая позолоченная панатия», относящаяся к XVI—XVII вв. Археологические находки «позволяют осуществить достаточно объективные реконструкции историко-культурного облика города».

В небольшом по объему сообщении Г.П.Ведмидь рассмотрела проблемы охранных зон культурного наследия в Сургутском Приобье. Автор выделила две региональные особенности — «природно-ландшафтный» и «техногенный» факторы. Они касаются известных археологических комплексов — «Барсовой Горы», «Священного оз. Имлор» и других «особо значимых мест, расположенных вблизи г. Сургута»²⁸. Об этом же говорила и А.В.Носкова, предложившая активнее «включать объекты наследия» Сургутского района в «современную жизнь» через сочетание «рационального использования» и «надежной охраны». Сотрудники Центра охраны культурного наследия г. Ханты-Мансийска Т.Н.Собольникова и Е.А.Зайцева на примере Согомского археологического микрорайона, где выявлено около 200 объектов археологии, рассматривают проблемы охраны так называемых «достопримечательных мест»²⁹.

Два сообщения следует рассматривать в контексте программы по сохранению археологического наследия ХМАО—Югры³⁰. Масштабы работ впечатляют. Например, выявлено «более 300 неизвестных ранее археологических объектов». Мероприятия охватывают разные направления, остается надеяться, что для их реализации будут привлечены соответствующие научные силы и, конечно, обеспечено финансирование. Об этом в представленном материале, к сожалению, не упомянуто.

Начало истории археологического исследования Ямала было положено в 1916 г. сотрудником Тобольского губернского музея Г.М.Дмитриевым-Садовниковым, когда он в Надымском городке собрал «первую коллекцию находок». А.Н.Сабаров прослеживает

хронологию дальнейшего археологического изучения региона, выделяя ключевые моменты и называя многочисленных исследователей — Д.Н.Редрикова, В.П.Евладова, В.Н.Чернецова, В.С.Андрианова, В.И.Мошинскую, Л.П.Хлобыстина, Л.П.Лашука, М.И.Белова. В результате их планомерной работы на Ямале выявлено 649 археологических объектов³¹.

На примере Тюменской области А.А.Коновалов и С.Н.Иванов рассмотрели метод реконструкции палеоклимата по групповым палиноспектрам³². Группой исследователей из Сибирского отделения РАН был представлен доклад о Тюменском Приишимье³³.

Таким образом, археологическое изучение Западной Сибири активно продолжается в разных направлениях с применением современных методов. Перспективы этой работы многообещающие, а достигнутые результаты позволяют констатировать, что рассматриваемый регион в археологическом отношении изучен недостаточно. Проведенные исследования показывают и многочисленные проблемы, прежде всего в охране уже выявленных археологических объектов. На их решение направлены и утвержденные программы, упомянутые выше. Следует констатировать, что археологическое изучение ведут как признанные специалисты-археологи, так и сотрудники музейных и археологических учреждений.

Примечания

¹ Смирнов А.С. Археологические съезды и внутренняя политика Российской империи // Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011; XV археологический съезд в Новгороде. 1911: Путеводитель / Сост. П.Г.Гайдук, Н.Н.Жерве. М., 2011; Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов на всероссийских Археологических съездах // Роль С.Ф.Платонова в развитии российской историографии в конце XIX — первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск, 2011. С. 132—164; Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды. Казань, 2014.

² Митрофанов В.В. Некролог С.Ф.Платонова о графе А.С.Уварове // Российская археология. 2008. № 4. С. 167.

³ Кокшаров С.Ф., Казанцев А.И. Из истории изучения средневековых городищ таежного Обь-Иртышья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (далее — Труды). СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 51—52.

⁴ Данилов П.Г. Находка кровельной черепицы в Тобольске // Там же.

⁵ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935.

⁶ Солодкин Я.Г. В каком году началась сибирская экспедиция Ермака? // Труды. С. 260.

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 123—124.

⁸ Матвеева Н.П. Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху великого переселения народов // Труды. С. 69—70.

⁹ Рафикова Т.Н. Формирование средневековых культур лесного и лесостепного Зауралья // Там же. С. 90—91.

¹⁰ Васильева Ю.А., Малиновский В.Б. Могильник Заречно-Убинское-I как источник по реконструкции этнических процессов на границе таежной и лесостепной зоны Западной Сибири // Там же. С. 12.

¹¹ Горбунов В.В. Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII—IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1) // Там же. С. 19—21.

¹² Кардаш О.В. Торговые отношения населения Нижнего Приобья в XIII—XIV вв. (по материалам археологических исследований) // Там же. С. 42—43.

¹³ Лобанова Т.В., Бачура О.П. Проблема свиноводства у русского и аборигенного населения Севера Сибири в XV—XVIII вв. // Там же. С. 240.

¹⁴ Визгалов Г.П. Топографические особенности первых русских поселений на Севере Сибири // Там же. С. 225—226.

¹⁵ Татаурова Л.В. Проблемы изучения материальной культуры русских Сибири по данным археологии // Там же. С. 264—265.

¹⁶ Пушкарев А.А. Проблемы датировки погребений с нумизматическими находками на могильниках Западной Сибири XVI—XIX вв. // Там же. С. 257.

¹⁷ Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Постройки на территории посада Староурханского городища (Новой Мангазеи) // Там же. С. 226—227.

¹⁸ Мартышок Н.П. Основные направления изучения Мангазеи // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2008. С. 31.

¹⁹ Пархимович С.Г. Деревянные «коники» Мангазеи и Великого Новгорода // Труды. С. 174.

²⁰ Чемякин Ю.П. Древнейшие кузны в таежном Приобье // Там же. С. 110—111.

²¹ Пономарева Т.М. Поселенческий вещевой комплекс вожпайского типа из Среднего Приобья (по результатам исследований городища Стрелка 2009—2010 гг.) // Там же. С. 87—88.

²² Боброва А.И. Предметы массового русского привоза в некрополях Прикестья // Там же. С. 214.

²³ Глушкова Т.Н., Шулаева А.Н. Археологический текстиль XVI—XIX вв. в Западной Сибири // Там же. С. 227—228.

²⁴ Чикунова И.Ю. Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье // Там же. С. 112—113.

²⁵ Боброва А.И., Березовская Н.В., Торощина Н.В. Обряд погребения средневекового населения Притымья (XII—XVII вв.) // Там же. С. 215—216.

- ²⁶ Данилов П.Г. Находка кровельной черепицы в Тобольске // Там же. С. 234.
- ²⁷ Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII—XVIII вв. По археологическим данным // Там же. С. 244—245.
- ²⁸ Ведмидь Г.П. Архитектурная планировка территорий охранных зон объектов культурного наследия Сургутского Приобья // Там же. С. 278.
- ²⁹ Соболевникова Т.Н., Зайцева Е.А. «Достопримечательное место» как форма охраны объектов археологического наследия: на примере Согомского археологического микрорайона в Нижнем Приртышье (ХМАО—Югра) // Там же. С. 299—300.
- ³⁰ Кондрашев А.Н. Долгосрочные программы по сохранению объектов археологического наследия, реализуемые на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Там же. С. 294.
- ³¹ Труды. С. 392—393.
- ³² Коновалов А.А., Иванов С.Н. Метод реконструкции палеоклимата по групповым палиноспектрам // Труды. Т. II.
- ³³ Рябогина Е.Н., Иванов С.Н., Якимов А.С. Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергень 6 в Тюменском Приишимье // Там же. С. 403—404.

Глава 2

К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СИБИРСКОМ ХАНСТВЕ

Одной из основных, можно даже сказать вечных, задач, стоящих перед исторической наукой, является ввод в научный оборот вновь найденных артефактов, а также уточнение трактовок уже давно известных. Немаловажно и ее методическое значение, поскольку преподавание истории без должного иллюстрирования материала весьма затруднительно. В этом ключе крайне важна разработка и обоснование технологии работы с нумизматическими материалами как самыми наглядными и довольно широко распространенными, однако до сих пор незаслуженно относимыми не к историческим, а к документальным источникам.

Эта проблема актуальна и для историков-сибиреведов. Правда, в нашем регионе древние монеты крайне редки, но сам факт их обнаружения в закрытых комплексах побуждает исследователей тщательно их учитывать и атрибутировать. Однако существование противоречивых точек зрения по поводу определения и датирования этих артефактов не позволяет задействовать их должным образом, даже для освещения «белых страниц» истории.

Особо остро стоит этот вопрос перед исследователями, изучающими историю Сибирского ханства. В результате до сих пор нет единства по вопросу о наличии денежного обращения на территории этого государства. Так, ряд исследователей, таких как В.И.Соболев¹ и Г.А.Федоров-Давыдов², заключили, что жители джучидской Сибири не использовали монеты как средство обращения и вели меновую торговлю. В то же время их оппоненты А.А.Адамов³, И.В.Зайцев⁴, Д.М.Исхаков⁵, Л.Р.Кызласов⁶ и А.Г.Нестеров⁷ придерживались противоположного мнения. С учетом этих обстоятельств предметом нашего исследования стали монеты, найденные на землях Сибирского ханства или на сопредельных с ними территориях, время выпуска и периоды обращения которых, безусловно, относятся интересующей нас эпохе.

Речь пойдет о небольшом монетном комплексе, найденном в 1912 г. уральским археологом Ю.А.Аргентовским в ходе раскопок

дюн у деревни Могилевой близ Шадринского уезда Пермской губернии. Исследователь обнаружил четыре стертые⁸ серебряные монеты с арабографичными надписями⁹ (рис. 1). Он не смог их атрибутировать и обратился за консультацией к А.К.Маркову — одному из виднейших на тот момент нумизматов-ориенталистов. Ученый откликнулся на просьбу Ю.А.Аргентовского. Он установил, что легенды их аверса содержат фразу «ابراهيم خان» — «Ибрахим хан». Основываясь на этом, А.К.Марков заключил, что эти монеты могли быть выпущены в Казани от имени хана Ибрахима бен Махмуда бен Мухаммада (1467—1479)¹⁰.

Рис. 1. Монеты, найденные Ю.А.Аргентовским

Примечательно, что ученый основывал свою атрибуцию исключительно на прочтении легенды аверса. В то же время он не считал возможным обратить внимание на оформление реверса, в частности, на тамгу «𐰽». Чтобы исправить это упущение, А.Г.Нестеров собрал статистику использования данного знака. Ученый установил, что его проставляли на монетах чекана Хаджи Тархана и Орду Базара, выпускавшихся от имени Мухаммада бен Тимура (Кичи Мухаммада) (1431—1443, 1443—1455), Махмуда бен Мухаммада бен Тимура (1459—1465), Мустафы бен Гийас аддина (1444?) и Даулат Бирди (1426—1427). А.Г.Нестеров справедливо заметил, что эти ханы принадлежат к разным ветвям Джучидов¹¹. Учитывая данное обстоятельство, ученый пришел к выводу, что тамга «𐰽» не была свойственна какой-либо группе родственных ханов. Далее он предположил, что она могла служить своеобразным символом Хаджи Тархана¹².

Развивая этот тезис, А.Г.Нестеров допустил, что монеты, найденные Ю.А.Аргентовским, не могли быть выпущены от имени Ибрахима бен Махмуда бен Мухаммада, т.к. он не владел Хаджи Тарханом¹³. Кроме того, вышеупомянутый хан не был единственным Джучидом, носящим имя *ابراهيم*. Как верно заметил А.Г.Нестеров, известны Ибрахим бен Муслике бен Гийас ад-дин (?) — потомок Туга Тимура и шейбаниды Ибрахим бен Пулад (? — ок. 1410) и Саййид Ибрахим бен Хаджи Мухаммад хан (1464—1495). Но эти династы также не могли править Хаджи Тарханом¹⁴. А.Г.Нестеров предположил, что интересующие нас монеты могли быть выпущены от имени Саййид Ибрахима хана (Ибака) — правителя Сибирского юрта, совершавшего походы в Нижнее Поволжье. В ходе одного из них, произошедшего в 1481 г., этот джучид разгромил правителя Большой Орды Ахмад хана и увел за собой в Туру его кочевую ставку¹⁵. Ученый заключил, что найденные Ю.А.Аргентовским монеты были выбиты в Ченги Туре, в которой находилась ставка вышеупомянутого правителя, именуемая по традиции Орду Базар¹⁶. Действительно, на двух монетах (рис. 1,2,3) читается соответствующее указание на место выпуска — «*اردو بازار*».

Вскоре после выхода в свет работ А.Г.Нестерова на научное обсуждение были вынесены атрибуции этих же монет, предложенные А.К.Бустановым¹⁷. Этот исследователь, опираясь на прочтение легенд, выполненное Р.Ю.Ревой¹⁸, заключил, что они не могли быть выбиты в Сибирском ханстве¹⁹. Далее он предположил, что эти монеты могли быть выпущены в Поволжье во второй половине XV в.²⁰ Игнорируя факт обнаружения монет на территории, сопредельной с землями этого государства, А.К.Бустанов допустил, что экономика джучидской Сибири не нуждалась в денежных средствах, т.к. ее торговый оборот существовал в основном в форме мены товара на товар²¹.

Однако оппоненты А.Г.Нестерова не выработали сколько-нибудь убедительной атрибуции этих памятников. Так, им не удалось разобрать в легендах изучаемых ими монет имена ханов на аверсе и указания на дату выпуска на реверсе. С целью исправить данное упущение попытаемся разработать и вынести на научное обсуждение нашу атрибуцию этих нумизматических артефактов.

Начнем с монеты²², изображение которой приведено на рис. 1, I. На лицевой ее стороне видны следы трехстрочной надписи, сильно искаженной при прорисовке²³. Определенно читается первое слово سلطان — «султан»: хорошо видны символы ل, ط, ا و ن. От буквы س сохранилась только ее правая часть, но это не должно нас смущать — слово, безусловно, читается.

Куда сложнее ситуация со второй строкой легенды аверса. Начнем с того, что под словом سلطان, по логике вещей, должно было быть размещено или указание на почетное прозвище, или же имя правителя. Так, в Золотой Орде государя титуловали: الاعظم — «верховный», المعظم — «высочайший»²⁴ или عادل — «справедливый, правосудный»²⁵. Хотя могли обойтись и без подобного словословия. Причем дело тут не в успешности правителя. Как известно, вышеперечисленные эпитеты отсутствует на серебре государей, при которых Золотая Орда достигла пика могущества: Узбека (1313—1341) чекана Азака²⁶, Булгара²⁷, Крыма²⁸, Мохши²⁹ и Сарая ал-Махруса³⁰ а также Джанибека (1342—1357), выбитого в Сарае ад-Джадид³¹ и в Хорезме³². В любом случае Р.Ю.Рева разобрал во второй строке легенды аверса вполне допустимое عظم³³. С учетом того, что в третьей строке исследователь прочитал خان — «хан», то у него в результате получилось: «خان ... عظم ... سلطان»³⁴.

На первый взгляд, эта реконструкция вполне логична. Однако она имеет ряд слабых моментов, которые мы не имеем права обойти вниманием. Начнем с того, что она не позволяет установить правителя-эмитента. И дело тут даже не в том, что его имя, по логике Р.Ю.Ревы, не сохранилось на монете. Куда существеннее то, что на него попросту не должно остаться места — в легенде аверса было разобрано три строки, и все они, вроде бы, заполнены.

Это очевидная и серьезная проблема. Преодолеть ее можно одним единственным образом — предложить новое прочтение легенды, в частности, ее второй и, вероятно, третьей строк.

Сразу же заметим, что мы считаем эту задачу не только решаемой, но и, безусловно, актуальной. Дело в том, что у нас есть весьма веские основания не доверять прочтению интересующего нас текста, приведенного А.К.Бустановым. Чтобы совершенно в этом удостовериться, рекомендуем обратить внимание на приведенное им написание имени хана, якобы по А.Г.Нестерову оно,

вместо очевидного **ابراهيم**, приведено в немыслимой форме **ابرحيم**³⁵, хотя уральский исследователь не допустил эту грубейшую ошибку³⁶. Учитывая данное обстоятельство, вернемся к прочтению, предложенному А.Г.Нестеровым.

Действительно, у нас есть все основания допустить, что в третьей строке надписи различимы сочлененные символы «ه» и «م», очевидно, являющиеся элементами слова **ابراهيم**. Далее, само расположение этих символов дает нам основания предполагать, что в надписи присутствовало славословие в адрес правителя. Судя по наличию различных «م» и «ظ», занявших до половины второй строки, это было **الاعظم**. Собственно, это также допускал А.Г.Нестеров³⁷. В результате получаем: **[سلطان الاعظم ابراهيم خان]** — «султан верховный Ибрахим хан».

Значительно проще ситуация с прочтением легенды реверса. Судя по тому, что надпись заканчивалась на «زار», вслед за А.Г.Нестеровым допускаем, что она включала в свой состав вполне возможное **اوردو بازار** — «Орду Базар». Полностью же легенда должна была выглядеть так: **صرب اوردو بازار** — «чекан Орду Базара».

Если методика нашего прочтения верна, то на монете, изображенной на рис. 1,2, были оттиснуты те же надписи, что и на ранее изученной. Допускаем, что и она была выбита от имени Ибрахи-ма на монетном дворе Орду Базара.

Несколько сложнее ситуация с монетами, изображения кото-рых приведены на рис. 1,2,3. Проблема в том, что их издатели привели только рисунки реверсов, что, как мы понимаем, явно недостаточно для их атрибуции. Однако очевидно, что эти моне-ты также были отчеканены в Орду Базаре — на первой из этих монет (рис. 1,3) легенда читается полностью, а на второй (рис. 1,4) различимо буквосочетание «زار».

Итак, если наши рассуждения верны, то А.Г.Нестерову, безус-ловно, удалось разобрать монетные легенды. Попробуем теперь проверить его точку зрения о расположении центра их эмиссии. Сразу же заметим, что сам факт слабой изученности нумизматики Золотой Орды XV в., а также то, что заинтересовавшие нас вы-пуски были выбиты в Орду Базаре, т.е. в кочевой ставке, а не в каком-либо точно локализуемом населенном пункте, не позволя-ют безусловно принять точку зрения этого исследователя. Дело

в том, что подобные монеты довольно хорошо известны и за пределами Сибири, в том числе в Поволжье³⁸, на что, собственно, обратил внимание А.К.Бустанов³⁹. На рис. 2 мы приводим фотографии таких выпусков (рис. 2,1—4). Добавим, что они встречаются и в Крыму (рис. 2,5)⁴⁰. Примечательно, что на них полностью сохранились легенды аверса и реверса, причем выполненные тем же почерком, что и на монетах, изученных А.Г.Нестеровым. Действительно, есть все основания считать, что их чеканили в Поволжье, на мобильном денежном дворе, действующем в основном в районе Хаджи Тархана. Но даже это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о том, что население джучидской Сибири не использовало монеты как средства обмена. Сам факт значительной изношенности найденного Ю.А.Аргентовским серебра, и в то же время отсутствие на нем отверстий, убедительно свидетельствует о том, что оно представляло собой сокровище в денежной форме, а не тривиальный драгоценный металл — материал для украшений. Основываясь на этом факте, допускаем использование денег и жителями городов, в частности, Ченги Туры.

Рис. 2. Серебро Ибрахима чекана Орду Базара

Учитывая результаты нашего исследования античных кладов варварских народов Северного Причерноморья⁴¹, допускаем, что найденный Ю.А.Аргентовским комплекс представлял собой сокровище моментального накопления, собственность небольшой группы жителей окраины Сибирского ханства, схороненное на приметном месте до лучших времен.

У нас есть все основания полагать, что монеты, поступавшие на территорию Сибирского ханства, как правило, попадали в подобные сокровища. Мы учитываем то обстоятельство, что Ермак во время своего похода в Сибирь захватил «серебро и золото», хранимое Кучумом в Искере⁴².

Основываясь на полученных результатах, заключаем, что в Сибирском ханстве своих монет не чеканили, а использовали иностранные, поступавшие в регион в результате торговли. Причем значительная их часть выпадала в сокровища, накапливаемые местными феодалами и вождями, что было вполне характерно для варварских народов, перенимающих достижения более развитых соседей.

Полагаем, что акцентируя внимание на этом обстоятельстве, мы сможем не только избежать неверных атрибуций монет, находимых в нашем регионе, но и привлечь к их изучению обучающихся, что, безусловно, позволит им конкретизировать свои навыки и умения, а также приобщиться к научному изучению артефактов Средневековья.

Примечания

¹ Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1994. С. 35; Он же. Раннесредневековые города татарского населения Западной Сибири // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е.И.Соловьевой. Новосибирск, 1988. С. 57.

² Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М., 2001. С. 221.

³ Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск; Омск, 2000. С. 63.

⁴ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 29.

⁵ Исаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 19.

⁶ Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. М., 1992. С. 47.

⁷ Нестеров А.Г. Монеты Ибрагим хана // Уральский следопыт. 1990. № 12. С. 29—30; Он же. Монеты Сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения: Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 57—63; Он же. Монеты Сибирских Шейбанидов // Восток—Запад: диалог культур Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия / Под

ред. А.А.Бурханова. Казань, 2001. Вып. 2. С. 274—279; Он же. Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в XV в. // Уральское востоковедение: Междунар. альманах. 2007. Вып. 2. С. 78—84.

⁸ Мы находим это обстоятельство очень важным и вернемся к нему в свое время.

⁹ Аргентовский Ю.А. Археологические находки в дюнах близ деревни Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1912. Т. XXXI. Вып. 1. С. 39—40.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Нестеров А.Г. Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в XV в. С. 81.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бустанов А.К. К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе в XIV—XVI вв. // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков: Тр. V Междунар. нумизматической конф. Волгоград, 18—23 сентября 2006 г. М., 2008. С. 163.

¹⁸ Он не нашел в надписи реверса имени ابراهيم (См.: Там же).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Бустанов А.К. К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе... С. 165.

²² Мы выбрали ее, т.к. ее легенды довольно хорошо различимы.

²³ С целью оптимизации изложения материала мы несколько модифицировали их изображения, приведенные А.Г.Нестеровым (См.: Нестеров А.Г. Монеты Сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения. С. 58), т.е. привели их по правилам, принятым в современной нумизматике, — сначала аверс, а потом реверс.

²⁴ На монетах Туда-Менгу (1282—1287) чекана Крыма (См.: Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М., 2005. С. 11. № 38).

²⁵ Этот эпитет употребляли и с определенным артиклем — в форме العادل.

²⁶ Там же. С. 21. № 184.

²⁷ Там же. С. 21. № 185, 186.

²⁸ Там же. С. 22. № 188, 189.

²⁹ Там же. С. 22. № 196.

³⁰ Там же. С. 23. № 201.

³¹ Там же. С. 24, 27. № 213, 240.

³² Там же. С. 30. № 268.

³³ Бустанов А.К. К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе... С. 163.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Нестеров А.Г. Монеты Сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения... С. 59; Он же. Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в XV в. С. 80, 81.

³⁷ Там же. С. 81.

³⁸ На рис. 2. приведены изображения таких монет, опубликованные на сайте Zeno.ru (См.: Ibrahim, 885-900. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=144371>; Ibrahim, 885-900. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=144403>; Ibrahim, 885-900. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=130088>; Ibrahim, 885-900. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=144372>).

³⁹ Бустанов А.К. К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе... С. 163.

⁴⁰ Хан Ибрагим? URL: <http://forum.violity.com/viewtopic.php?p=8080600&highlight=#8080600>.

⁴¹ Чореф М.М. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства // Stratum plus. 2013. № 4. С. 191—216.

⁴² [Спасский Г.И.] Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии сибирской земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествующих этому событий: Издана с рукописи XVII века. СПб., 1821. С. 40.

Глава 3

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО РУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ

Немало проблем раннего (конца XVI в.) русского градостроительства на землях бывшего «Кучумова царства» до сих пор остается дискуссионным. О двух таких проблемах пойдет речь в настоящей работе.

1. К предыстории Тюмени и Тобольска

Примерно через два года после гибели Ермака, тогда, когда «срубленный» воеводой И.А.Мансуровым Обский городок не просуществовал и года, отряд служилых людей под началом В.Б.Сукина и И.Н.Мясного возле развалин Чимги (Чинги, Цимги)-Туры — бывшей столицы Тюменского ханства — заложил «над Турою и над Тюменкой реками»¹ первый русский город в Сибири. Его название, как представляется В.В.Полищуку, «придумали» основатели, узнав от местных жителей наименование притока «большого гидронима». Но исследователь сам процитировал (вслед за А.А.Преображенским и А.Т.Шашковым) сообщение из наказа приставам у польско-литовского посла М.Б.Гарабурды Е.Ржевскому и Г.Васильчикову за февраль 1586 г. о возведении царем Федором города на Тюменском городище, т.е. руинах прежней Тюмени², о которой в Москве было известно и ранее³. О Тюменском городище, на котором в 1586 г. вырос русский город⁴, как отмечал С.В.Бахрушин, упоминается и в Новом летописце (далее — НЛ)⁵, по-видимому, вслед за созданным в Москве в связи с учреждением Тобольской епархии (1620 г.) протографом Краткого описания о Сибирстей земли ... (далее — КО)⁶. Стало быть, В.Б.Сукину и И.Н.Мясному, видимо, предписывалось заложить крепость именно на этом городище, и назвали ее отнюдь не «первопроходцы». (Утверждение В.И.Сергеева, будто И.А.Мансуров приказывалось вместе с ермаковцами закрепиться в Тюмени и летом 1585 г. через нее он следовал к Искеру⁷, безосновательно).

Вероятно, на развалинах бывшей столицы Тюменского ханства побывали сподвижники «ратоборного» атамана, если также и не голова И.Глухов, вернувшиеся на «Русь» в 1585 г., и их показания, а возможно, и свидетельства Маметкула, превратившегося в служилого царевича⁸, побудили московское правительство основать город в «Закаменской стране». Пользуясь теми же сообщениями, да и, не исключено, донесениями В.Б.Сукина и И.Н.Мясного (отряд которых воевал с «кучумлянами»⁹), русские власти решили выстроить Тобольск близ недавнего «царствующего града» Сибири, к тому времени занятого Сейдяком.

Согласно упомянутому наказу приставам Е.Ржевскому и Г.Васильчикову, «поделал государь (Федор Иванович. — Я.С.) города в Сибирской земле — в Старой Сибири и в Новой Сибири, на Тюменском городище и на Оби на усть Иртыша тут город те государевы люди поставили». А.А.Преображенский, не исключавший, что здесь «желаемое выдано за действительное», находил, что под Новой Сибирью подразумевается Тобольск, тогда как в представлении В.И.Сергеева Старая Сибирь — это бывшая ханская резиденция Искер, а Новая — Тюмень¹⁰. (Повторим, однако, что о сооружении русского города на Тюменском городище сказано следом. Искер же, занятый Сейдяком, едва ли в начале 1586 г. мог считаться Старой Сибирью). В Новой Сибири, о которой шла речь в указанном документе, А.Т.Шашков, подобно А.А.Преображенскому, усматривал Тобольск («срубленный», впрочем, без малого через полтора года). Как думалось видному уральскому историку (также полагававшему, что в предназначенном М.Б.Гарабурде «сообщении руководство Посольского приказа кое-что из желаемого выдало за действительное»), с основанием Тюмени намечалось восстановить контроль «над Старой Сибирью, для чего и было запланировано строительство Новой Сибири (будущего Тобольска)»¹¹. А.П.Зыков считал, что Д.Д.Чулков «поставил» городок Новая Сибирь, чуть позже названный Тобольском¹². Сведениями о том, что будущий «стольный град» Азиатской России вначале именовался Новой Сибирью, мы, однако, не располагаем. На взгляд Ю.М. и А.Ю.Коновых, Тобольск в отличие от Кашлыка иногда считался Новой Сибирью¹³. Тобольск порой признавали «новым градом» сравнительно со Старой «Кучумовской Сибирью»¹⁴, он часто определялся как «столнейший», «преславный»,

«царствующий», «начальный», «началнейший», «пресловущий первоначальный», «именитый», «первоименитый», даже святой град, «старейшина» сибирских городов¹⁵, но прямо Новой Сибирью не объявлялся. В Погодинском летописце, где наиболее обстоятельно повествуется об основании Тобольска, подчеркнуто, что он был наречен «реки ради Тобола», причем не со временем, а при возникновении. В Книге записной и более поздних разновидностях Сибирского летописного свода читаем, что этот город получил название «по реке Тоболу именованием»¹⁶. В протографе КО и многих летописях, сложившихся в XVII — первой половине XVIII вв. на востоке России, констатируется, что Тобольск был основан в устье Иртыша и Тобола или возле устья Тобола¹⁷.

С.В.Бахрушин указывал, что, по-видимому, в состав юрта Кучума входила территория бывшего Тюменского ханства¹⁸. Возможно, именно оно, а вовсе не Кашлык (Искер), и было названо русскими дипломатами в 1586 г. Старой Сибирью.

Известно, что Кучуму удалось существенно расширить пределы Искерского княжества¹⁹. Поэтому можно думать, что Старой Сибирью считались прежние владения Тайбугидов, а Новой — та территория, которая была присоединена к ним незадолго до 1582 г.

Примечательно, что в жалованной грамоте Ивана IV Я.А. и Г.А.Строгановым от 30 мая 1574 г. упоминается «за Югорским каменею, в Сибирской Украине, меж Сибирью и Нагаи, Тахчеи и Тобол река с реками и с озера, и до вершины». В знаменитой «опальной» грамоте «яростиваго» самодержца «в Чюсовую» М.Я. и Н.Г.Строгановым от 16 ноября 1582 г. называются «пелыньские и сибирские места»²⁰, подобно тому как несколько позднее русские дипломаты перечисляли Сибирь, Югру, Конду, Пелымское княжество, земли по Туре, Иртышу, Оби, «Иргисское государство», «Пегие колмаки»²¹.

Кроме того, что в сибирских летописях говорится о Мансуровском, Верхтагильском, Лозьвинском городках, указывается на остроги²², а Тюмень и Тобольск последовательно называются городами²³.

Вопреки мнению ряда тюменских историков²⁴, в Повести о городах Таре и Тюмени нет датировок основания двух первых русских городов Сибири, а в Книге записной и последующих редакциях Сибирского летописного свода возникновение Тюмени приурочено

не к 1583—1588, а к 1584/85 и 1585/86 гг., а Тобольска — не к 1585—1589, а к 1585/86 или 1586/87 гг.²⁵

Вывод о том, что строительство в середине 1580-х гг. крепостей в Западной Сибири и Поволжье, на Поле, Северном Кавказе и северо-западе России входило в общий план «государственных мероприятий по возведению новых и реконструкции старых крепостей»²⁶, относительно «Закаменской страны» кажется сомнительным, «поставление» там Тюмени и (год спустя) Тобольска²⁷ определялось целями колонизации громадного края.

2. Основание Сургута: в продолжение споров

В одной из статей Л.Е.Морозовой Тюмень, Тобольск, Тара, Пелым, Березов, Сургут и Нарым упомянуты как города, сооруженные отрядами И.Мансурова, В.Сукина, И.Мясного, Д.Чулкова, В.Кольцова-Мосальского²⁸. В этом перечне отсутствуют фамилии действительных основателей Нарыма (кстати, представлявшего собой острог), Пельима, Березова, Сургута и Тары, зато исследовательницей ошибочно указаны И.Мансуров, под началом которого служилые люди «срубили» поздней осенью 1585 г. Обский городок, и князь В.В.Кольцов-Мосальский, воеводствовал в Тобольске в 1588—1590 гг.

Г.Ф.Миллер, следуя некоторым летописным известиям и учитывая косвенные данные, отнес возникновение Сургута к 1593 г., а пользуясь наказом и памятями князю А.В.Елецкому, ратью которого был выстроен «Тарский город», предполагал, что русская крепость в Среднем Приобье появилась год спустя²⁹. Последнее заключение подтвердилось с находкой П.Н.Буцинским в конце XIX в. наказа о строительстве Сургута. Тем не менее, до сих пор историки-любители, например, А.Ичев и Л.И.Важенина, пишут о сооружении этой крепости в 1593 г. (Первый из них даже называет «Сургуцкий город» острожком³⁰, а В.Н.Адаев считает Сургут первых лет его существования остяцкой крепостью или городищем³¹).

Недавно Н.С.Харина вслед за Г.Ф.Миллером и Х.Атласи сочла, что решение о «поставлении» Сургута, как и Березова с Пелымом, было принято в 1592 г.³² Данными об этом мы, однако, не располагаем, и подобно А.А.Бродникову можно думать, что правительство

«бодроопасного» Бориса Годунова нашло целесообразным заложить «Сургуцкий город» в начале 1594 г.³³

А.С.Хромых считает основателем Сургута воеводу князя Ф.П.Барятинского³⁴. Документы о возникновении Тары в 1594 г., однако, свидетельствуют о том, что стены и башни крепости, заложенной на землях Бардакова княжества, начали сооружать под руководством письменного головы В.В.Аничкова, Ф.П.Барятинский же присоединился к нему, видимо, спустя не одну неделю. (Молодого князя, находившегося в Тобольске, собирались на первых порах с плотниками из Перми послать «на Тару»).

Как представляется В.Д.Пузанову, В.В.Аничков к 1594 г. был известным воеводой, Ф.П.Барятинский же, только начинавший службу, получил задание «ставить» Сургут и управлять этой крепостью в силу принадлежности к знатному роду и главным образом потому, что отец, являясь в 1592 г. одним из четырех тобольских воевод, через два года управлял будущей сибирской столицей лишь с князем Ф.М.Лобановым-Ростовским, т.е. положение видного дворянина, сосланного с детьми в «далечайшую государеву вотчину», упрочилось³⁵. Барятинские, однако, происходившие из захудалой ветви черниговских князей, относились в конце XVI в. не к знати, а к верхнему слою провинциального дворянства³⁶. Сведений о военной карьере В.В.Аничкова до его определения в экспедицию, призванную заложить Сургут, и следом в письменные головы этого города не сохранилось, да и нижегородский городской дворянин³⁷ ранее и не мог занимать воеводскую должность. Федор Петров сын Барятинский вместе с братом Яковом, в будущем тоже сургутским воеводой, «в подрындах ... у большово саадака» участвовал еще в Шведском походе царя Федора Ивановича зимой 1589—1590 гг. (П.И.Барятинский в этом походе, кульминацией которого стала осада Нарвы (Ругодива), являлся головой «у государева кошу»)³⁸. В начале 1594 г., да и год спустя, П.И.Барятинский воеводствовал в Тюмени³⁹. Накануне, согласно разрядной книге редакции 1605 г., князь Петр входил в число тобольских воевод⁴⁰. Скорее всего, Ф.П.Барятинский, являясь помощником отца⁴¹, приобрел административный опыт, почему в Москве и решили возложить на него функции первого сургутского воеводы.

Судя по наказу, врученному в «царствующем граде» В.В.Аничкову, там весьма четко представляли, где следует заложить новую

сибирскую крепость — в «Сургуте» или «Безекове волости в Лумпеках (Лумпуках)». Вероятно, при впадении Бардаковки в «великую» Обь побывала разведывательная экспедиция русских служилых людей, как вскоре произошло накануне возведения Верхотурья и Томска.

На взгляд Д.Я.Резуна, историкам до сих пор не удалось объяснить любопытную фразу из наказа воеводе О.Т.Плещееву и письменному голове И.И.Колемину, назначенным в Сургут в феврале 1595 г.: эти администраторы должны были просить атамана Т.Иванова и его казаков потерпеть и еще послужить в местном гарнизоне. По мысли новосибирского ученого, такая необычная просьба вызвана тем, что Т.Иванов возглавлял станицу вольных казаков⁴². Д.Я.Резун не учел, что атаман Т.Иванов «с товарищи» на время были переведены в Сургут из Пельма⁴³ (в 1594/95 г.⁴⁴, скорее всего, в первые месяцы существования города в устье Сальмы), да и показавшаяся видному историку фраза отнюдь не оригинальна⁴⁵.

Вопреки мнению, что при основании Сургута «годовальщиков из Обского городка по наказу князя Федора Лобанова-Ростовского следовало отправить в Тобольск»⁴⁶, согласно распоряжению царя Федора, а не тобольского воеводы, этим годовальщикам надлежало влиться в состав сургутского гарнизона⁴⁷, а в будущий «столнейший град» Сибири следовало прибыть лишь возглавлявшему отряд служилых людей в «срубленном» И.А.Мансуровым остроге Г.Лутохину — видимо, стрелецкому или казачьему голове, если не сотнику⁴⁸.

Е.В.Вершинин и А.Т.Шашков сомневались в том, что в самом начале XVII в. в Сургуте нес службу голова М.В.Лодыгин, который упоминается в «разрядах» как участник «поставления» острога в Пегой орде⁴⁹ (вероятно, Кетска), ибо среди известных по документам и летописям сургутских письменных голов он не значится. Но М.В.Лодыгин мог являться в этом городе стрелецким или казачьим головой, подобно, например, В.В.Аничкову в Сургуте (в 1595—1596 гг.), С.С.Рупосову в Тобольске и М.П.Норову в Березове в последние годы XVI в.

В одной из работ Д.Я.Резуна Сургут отнесен к числу тех сибирских городов, где с самого начала за пределами бревенчатой крепости размещался посад⁵⁰. В действительности, как отмечал еще В.И.Сергеев, на первых порах Сургут представлял собой «служилый город», в котором посада не существовало⁵¹.

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 138. Ср.: С. 233. Примеч. 43—44; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 632. Заметим, что начало «постоянному русскому присутствию в Сибири» было положено строительством не Тюмени с Тобольском (Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. Вып. 10. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 47), а Обского городка.

² Полищук В.В. Тюмень изначальный // Историческая наука в Тюменском государственном университете: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посв. 75-летию вуза и 60-летию ист. факультета. Тюмень, 2005. С. 46, 48; Он же. Тюмень изначальный // «Сулеймановские чтения — 2006»: Мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тюмень, 18—19 мая 2006 г.). Тюмень, 2006. С. 86, 88. Примеч. 7; Он же. «Ермаковы казаки» и царевы воеводы: роли в основании Тюменя и Тоболеска // Казачество Сибири от Ермака до наших дней (история, язык, культура): Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (31 октября 2009 г.). Тюмень, 2009. С. 120.

³ См., напр.: Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (По восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 14; Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV—XVI вв. // «Сулеймановские чтения — 2006» ... С. 39; Файзрахманов Г.Л. Русские источники средневековых татарских государств Западной Сибири // Сулеймановские чтения (десятые): Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 18—19 мая 2007 г.): Мат-лы и докл. Тюмень, 2007. С. 110, 111. Относить Чимги-Туру к городам ханства Кучума (см.: Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы междунар. конф. Курган, 2011 (далее — ИЭК). С. 75) вряд ли оправданно.

⁴ Л.Е.Морозова заблуждается, утверждая, что это случилось в течение 1584—1585 гг. (Морозова Л.Е. Федор Иванович // Вопросы истории (далее — ВИ). 1997. № 2. С. 58; Она же. Два царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 171. Ср.: С. 390). Следует отклонить и мнения о возникновении Тюмени в 1585 (Костанов А.И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 26, 57; Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронта: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2008. С. 86; Балюк Н.А. Путеводитель по Тобольскому тракту. Тюмень, 2011. С. 18, 57; Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 95, 308), в 1587 (Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 81) или следующем году (Тапаева А.Б. Расселение сибирских татар на территории Северо-Восточного Казахстана и Западной Сибири в средневековье // «Сулеймановские чтения»: Мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. по теме «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке». Тобольск, 2008. С. 243).

⁵ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 477.

Заметим, что в жалованной грамоте, выданной в августе 1586 г. Лугую, речь идет вовсе не о тюменских воеводах, как подчас считается (Симачкова Н.Н. О «ясачных» функциях первых администраторов Сибири // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 64; Она же. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI — начало XVII вв.). Тюмень, 2006. С. 76), а о «начальных людях» Обского городка, да и на Вымскую землю власть этого остяцкого князя отнюдь не распространялась.

⁶ См.: Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская) (далее — СЛ). Рязань, 2008. С. 310; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 34; Т. 36. С. 74. Ср.: С. 73, 78. В одном кратком летописце самого начала XVII в. говорится о сооружении русского города «на Тюмени (Юмени)» (Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 231; Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. 33. 10. 13. Л. 691).

Считать, что в летописи Саввы Есипова о закладке Тюмени говорится в соответствии с НЛ (Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 50), нет должных оснований.

⁷ Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы ... С. 23, 24. Заметим, что дожившее до нашего времени представление о захвате Тюмени «дружиной» Ермака (Ярков А.П. Кучум и Ермак ... С. 26), восходящее к Ремезовской летописи (далее — РЛ) и почти синхронному ей Описанию Сибири, с должными основаниями признали несостоятельным еще С.В.Бахрушин и Р.Г.Скрынников. Мнение о сооружении Тюменского острога вслед за вступлением русских в город Чинги-Туру (Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007—2009 гг.) // ИЭК. С. 12, 15) не подкреплено какими-либо доводами.

Ошибочен и взгляд, повторяющий указание сибирских летописцев XVII — первой половины XVIII вв., о «поставлении» Тюмени на месте татарского поселения (Козляков В. Борис Годунов ... С. 95).

⁸ Как писал А.Т.Шашков, «в ноябре 1585 года племянник Кучума уже участвовал в шведском походе в качестве первого воеводы полка левой руки» (Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина (далее — Тобольск). С. 7). Этот поход, однако, лишь намечался, но был отложен. См., напр.: Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 29.

Версия о зимовке в Тюмени отряда И.Глухова и И.Мясного (Долгих А.И. Из истории сибирского казачества // Вопросы истории и философии: Науч. тр. Омской высшей школы милиции. Вып. 4. Омск, 1970. С. 164) — несомненный домысел, как и представление Н.А.Миненко, что, видимо, Мансурова послали за Урал заложить Тюмень (Миненко Н.А. Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 41).

⁹ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 283.

¹⁰ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 49, 50; Сергеев В.И. Источники и пути исследования ... С. 23, 24. А.С.Хромых признает версию Посольского приказа о возведении русской крепости на Тюменском городище вполне достоверной (Хромых А.С. Русская колонизация Сибири ... С. 85).

Е.А.Рябинина, излагая содержание ответа приставов М.Б.Гарабурде, упоминание о Старой и Новой Сибири опустила. См.: Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582—1598 гг. // ИЭК. С. 91.

В 1587 г., кстати, московские дипломаты различали Рим Старый и Рим Новый — «царствующий град Византию» (Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Стлб. 55; Примеч. 161).

¹¹ Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 124; Он же. Лодейный город. С. 10; Очерки истории Югры (далее — ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 119, 120; Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 29, и др. Ранее мы держались того же мнения (Солдкин Я.Г. О начале превращения Тобольска в «царствующий град» «Сибирской страны» // Социально-экономические, гуманитарные и правовые аспекты регионального развития: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 17 апреля 2009 г. Нижневартовск, 2009. С. 156).

¹² Зыков А. Искер — забытая столица Сибири // Тобольск. С. 12. Следует учитывать, что место для Тобольского острога (в полутора десятках верст от Кашлыка) было выбрано именно Д.Д.Чулковым (ПСРЛ. Т. 36. С. 136. Ср.: С. 66, 139, 190).

С.В.Бахрушин (в одной из ранних работ) и Н.И.Никитин тоже писали, что небольшой острожок, построенный Д.Чулковым, со временем стал называться Тобольском (Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг., 1922. С. 29; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 15). По словам А.Т.Шашкова, с основанием Тобольска это произошло почти сразу (Шашков А. Лодейный город. С. 8).

¹³ Конев Ю.М., Конев А.Ю. Роль Тобольска в формировании сибирской региональной идентичности // Тобольск — врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII—XX вв.: Тематический сб. науч. тр. Тобольск, 2012. С. 7, 8. В.Н.Алексеев и Е.И.Дергачева-Скоп полагали, что Кашлык стал называться Старой Сибирью «после основания Тобольска» (Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 700).

Р.Г.Сафаргалиев же думал, что не позднее третьей четверти XIII в. в Искер (Старую крепость, Старый юрт) город Сибирь превратился по сравнению с Тюменью (Сафаргалиев Р.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 106—107). Но спустя несколько столетий Кашлык, конечно, считался Старой Сибирью относительно соседнего Тобольска как русского «града», в скором времени «начального».

¹⁴ ПСРЛ. Т. 36. С. 139, 368. Ср.: С. 140, 145, 146, 148, 149. В летописях, где Старой Сибирью называется бывшая ханская резиденция, мы не прочтем о Тобольске как Новой Сибири (Там же. С. 129, 136, 139).

¹⁵ См.: СЛ. С. 310, 312, 327, 349, 355, 366, 403, 446, 455; ПСРЛ. Т. 36. С. 43, 65, 66, 80, 177, 233; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 152 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4); Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001. С. 85, 89, 171, 175, 328—329 (История Сибири: Первоисточники).

Вып. 10; Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Служебная чертежная книга» С.У.Ремезова: археографический комментарий: материалы // II Ремезовские чтения — 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 506, и др. По словам Саввы Есипова, «старейшина бысть сей град Тоболеск, понеже бо ту победа и одоление на окаянных бусормен бысть». Вопреки мнению А.А.Галиуллина, что «скорее всего летописец имел в виду древность и значение города» (Галиуллин А. Тобольску больше 600 лет? К юбилею города // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. Тобольск, 2005. С. 374), софийский дьяк подразумевал «взятие князя Сейдяка и царевича Казачьи орды Салтана и Карачи», о чем рассказал в следующей главе. Там, между прочим, читаем, что «Сейдяк побежден бысть» (ПСРЛ. Т. 36. С. 66, 67. Ср.: С. 97, 115, 136, 137, 315).

¹⁶ ПСРЛ. Т. 36. С. 136, 139, 190. Примеч. 56; С. 368.

¹⁷ Там же. С. 74, 115, 126, 186, 190, 252, 259, 312, 315, 345, 365. Ср.: С. 36; Сибирские летописи. С. 42, 310, 349, 372. Утверждение о возникновении Тобольска, Лозьвы, Березова, Пельма, Сургута, Тары, Обдорска «на месте прежних сибирских городов» (Буканова Р.Г. Города юго-востока России и формирование социокультурного пространства Урала и Западной Сибири // Исторические процессы Азиатской России: проблемы формирования единого социокультурного пространства на территории Западной Сибири и Зауралья в XVII—XX вв.: Мат-лы I Всерос. науч. интернет-конф. Вып. 1. Тобольск, 2013. С. 91) справедливо разве что относительно Пельма и Обдорского острога.

Р.Г.Буканова обратила внимание на то, что к 1586 г. относится возведение сразу четырех русских городов: Воронежа, Самары, Уфы и Тюмени (одновременно с Воронежем, добавив, были заложены Ливны). Конечно, их сооружение было обусловлено не активизацией градостроительной политики Бориса Годунова, как полагает уфимская исследовательница (Там же. С. 92), а стремлением решить конкретные военные, административные или дипломатические задачи. Кроме того, получается, что острый внутривосточный кризис 1586 г. не воспрепятствовал реализации такой политики.

¹⁸ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 468, 477—478. Примечательно, что в летописном известии о походе русских войск в Югру в 1483 г. под Сибирью, как отмечал В.И.Сергеев, «понимается относительно небольшое пространство между “Тюменью” и Обью или даже Иртышом» (Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» ... С. 11).

¹⁹ См.: Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // ИЭК. С. 34; Они же. Границы Сибирского ханства Кучума // Там же. С. 74.

²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 332, 335. Ср.: С. 337, 338, 472.

²¹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь ... С. 46, 49, 51, 52. См. также: Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссией имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1841. С. 425. В Строгановской летописи различаются сибирцы, с одной стороны, и остяки, вогулы, «югричи» самоедь — с другой. Согласно КО и НЛ, Ермак по Тагилу, Туре и Иртышу «доиде до городка, где кочевал царь Кучюм. И прииде под то царство Сибирское» (СЛ. С. 7, 54, 308; ПСРЛ. Т. 14. С. 33). Примечательно, что в Поволжском летописце начала

XVII в. к «сибирским улусам» отнесены земли, населенные башкирами (Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 214), что, кстати, противоречит дипломатической документации. См.: Ярков А.П. Кучум и Ермак ... С. 47. Ср.: ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 274.

²² См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 35, 40, 64, 65, 129, 135, 136, 138, 140, 141, 143, 145, 146, 148—152, и др.

²³ Там же. С. 35, 41, 46, 65, 66, 68, 72, 129, 136, 138, 139, 189, 190, и др. В КО и НЛ сказано о «поставлении» Д.Чулковым острога, нареченного градом Тобольском (СЛ. С. 310; ПСРЛ. Т. 14. С. 34; Т. 36. С. 74).

²⁴ См.: Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 36. Ср.: С. 41.

²⁵ ПСРЛ. Т. 36. С. 138, 139, 186, 189, 190, 252, 258, 259, 312, 315, 345, 365, 368. В Бузуновском летописце, где в отличие от почти всех остальных летописных сочинений «Сибирское взятие» приурочено к 12, а не к 26 октября, сказано об основании Тюмени в 7094 г., а Тобольска — два года спустя (СЛ. С. 299, 303).

²⁶ Мильчик М.И., Коляда М.И. Когда построена Ладожская крепость? // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 181. То обстоятельство, что вслед за Тобольском новые русские города в недавних владениях Кучума — Березов и Пелым — «ставятся» лишь через шесть лет, в 1593 г., противоречит тезису о начале с середины 1580-х гг. «планомерного государственного освоения сибирской территории», «в ходе которого царские воеводы возводят первые сибирские города» (Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 18).

²⁷ Говорить о возникновении Тюмени, Тобольска и ряда других сибирских городов при Василии III и Иване Грозном (Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень, 2006. С. 26) можно лишь по недоразумению.

На основании показаний РЛ обычно считается, что в распоряжении воевод В.Б.Сукина и И.Н.Мясного, заложивших Тюмень, находилось 300 служилых людей, а под началом письменного головы Д.Д.Чулкова, «срубившего» через год Тобольск, состояло 500 (см., напр.: Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 44, 45; Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113, 114; Никитин Н.И. Сибирская эпопея ... С. 15; ОИЮ. С. 120, 121; Шашков А. Лодейный город. С. 8, 9; Акишин М. «Благородные мужи» Чулковы // Тобольск. С. 43; Пузанов В.Д. Тюменский уезд в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура (далее — СР). 2007. № 1 (15). С. 80; Он же. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 47, 126; Ярков А.П. Кучум и Ермак ... С. 47). Нам эти цифры представляются сомнительными, поскольку, если верить С.У.Ремезову, 500 ратных людей имелось у князя С.Д.Болховского и И.В.Глухова (ср.: ПСРЛ. Т. 36. С. 66), хотя по другим, куда более надежным данным, таких служилых было 300 (Там же. С. 133; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 337); согласно «Истории Сибирской», 300 же казаков сражались с вогулами еще накануне «пошествия» в «Кучумово царство»,

столько же ермаковцев пало на «Вагайской перекопи», «мурз и мурзичей» перешло на русскую службу вслед за гибелью «прегордого» хана, а татар участвовало в походе, завершившемся окончательным разгромом Кучума (СЛ. С. 313, 341, 354, 404, 432, 444, 452). В этом походе, однако, в подчинении у тарского письменного головы А.М.Воейкова (а не князя И.Мосальского, как утверждал С.У.Ремезов) находились 140 служилых и юртовских татар (Никитин Н.И. Сибирская эпопея ... С. 149; Вершинин Е.В. Рец.: Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш // Российская история. 2014. № 3. С. 186).

²⁸ /Морозова Л.Е./ Федор Иванович (1557—1598) // Исторический лексикон: XIV—XVI века. Кн. 2. М., 2004. С. 571.

²⁹ См.: Солодкин Я.Г. Основание Сургута в отечественной историографии // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии: Маг-лы окр. науч. конф. Ханты-Мансийск, 2005. С. 79—80. Утверждение, что Г.Ф.Миллер не знал «актов об основании Сургута» (Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: Конец XVI — XVII вв. СПб., 2010. С. 20, 167; Он же. Гарнизон Сургута в конце XVI—XVIII в. // СР. 2013. № 1 (27). С. 164, и др.), стало быть, нуждается в ограничении.

³⁰ Ичѳв А. Живо казачество Сибири. Оно есть и будет // Международная жизнь. 1993. № 4. С. 99. Заблуждением является и взгляд о сооружении Сургута как острога на месте крепости остяцкого князя Бардака (Бакулин В.В., Ярков А.П. Сургут // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2010. С. 210; Литвинчук М.С. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII — начале XX вв.: этнонациональная характеристика // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. № 6 (27). С. 116). Последний в действительности помогал русским «ставить» город поблизости от своей резиденции. См., напр.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 74, 92—94.

³¹ См.: Тюменская область: народы, языки, культуры: Энциклопедический справочник. Тюмень, 2007. С. 12. Заметим, что первый березовский воевода Н.В.Траханиотов отправил часть подчиненного ему гарнизона на соединение с отрядом В.В.Аничкова не в начале 1594 г. (Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 248 (Бахрушинские чтения, 1969)), а спустя примерно пять месяцев.

³² Харина Н.С. Присоединение сибирских территорий и строительство первых церквей в Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2008. С. 17.

³³ Бродников А. Труды и дни зауральского центра // Тобольск и вся Сибирь. № 10: Триста лет учреждения Сибирской губернии. Тобольск, 2008. С. 160. См. также: Солодкин Я.Г. Русская колонизация Сибири в середине 1580 — начале 1590-х гг. и основание Сургута (К спорам о ранней истории Азиатской России) // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Третья науч.-практ. конф.: Маг-лы. Ч. 2. Сургут, 2013. С. 7—11.

³⁴ Хромых А.С. Русская колонизация Сибири ... С. 263.

³⁵ Пузанов В.Д. Военная политика ... С. 94; Он же. Гарнизон Сургута ... С. 164—165, и др.

³⁶ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 17, 18, 114, 133. Примеч. 48. О князе П.И.Барятинском см., напр.: Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 21—22.

³⁷ См. о нем: Солодкин Р.Я., Солодкин Я.Г. Новые данные об одном из основателей Сургута Владимире Аничкове // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. II межрегион. науч. конф. 26—27 февраля 2003 г. Сургут, 2003. С. 18—19; Солодкин Я.Г. Основатель Сургута Владимир Аничков: вехи биографии // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургут, 2006. С. 3—4, и др. А.Г.Сутормин тоже называл В.В.Аничкова применительно к 1594 г. воеводой (Сутормин А.Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, 1981. С. 148).

³⁸ Разрядная книга 1475—1598 гг. (далее — РК). М., 1966. С. 415, 417. См. также: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БСР). Ч. 1. М., 1979. С. 111.

³⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 284, 350, 361. Ср.: РК. С. 487. Об этом (именуя Барятинского Петром Андреевичем) вслед за Г.Ф.Миллером писал А.А.Дмитриев (Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 6. Пермь, 1895. С. 33, 35).

Утверждения, будто П.И.Барятинский воеводствовал в Тюмени на протяжении 1581—1594 гг., а в следующем году вместе со старшим сыном Федором возводил укрепления Сургута (Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 550; Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь. Русь: Рюриковичи: Илл. ист. словарь. М., 2000. С. 74), разумеется, неверны.

⁴⁰ Разрядная книга 1475—1605. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 41, 42, 79. См. также: Солодкин Р.Я., Солодкин Я.Г. Пять лет на тобольском воеводстве (Князь Ф.М.Лобанов-Ростовский и его роль в возобновлении русского градостроительства в «Сибирской земле») // Шатиловские чтения: Мат-лы XV краевед. конф. 25 апреля 2014 г. Нижневартовск, 2014. С. 11.

⁴¹ Эта практика с конца XVI в. являлась в Сибири обычной. См., напр.: БСР. Ч. 1. С. 193; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. Вып. 1. М., 1982. С. 56.

⁴² Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в XVII—XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII—XX вв.: Сб. мат-лов Всерос. науч. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII—XX вв.». Новосибирск, 2003. С. 16—17. Ср.: Он же. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сибир. отд-ния АН СССР: Сер. обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 19; Он же. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 87; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. С. 21. Заметим, что Д.Я.Резун подобно Н.И.Никинину отнес наказ 1595 г. новым сургутским администраторам к 1598 г.

⁴³ Древний город на Оби ... С. 99—100.

⁴⁴ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 356.

⁴⁵ Солодкин Я.Г. О некоторых дискуссионных вопросах основания Сургута // В.И.Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: Мат-лы науч.-практ. конф. Сургут, 2007. С. 63; Солодкин Р.Я., Солодкин Я.Г. Основание Сургута (некоторые дискуссионные вопросы) // Россия будет прирастать Сибирью...: Мат-лы регион. науч. конф. Сургут, 2011. С. 15. См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 423, 434—438; Т. 2. С. 279, 295, 401, 403, 423, 587; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее жителей. Харьков, 1889. С. 114; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А.М.Гневушев. М., 1914. С. 368; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 255, 262, 270; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 233. Ср.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 341.

⁴⁶ Пузанов В.Д. Гарнизон Сургута ... С. 169.

⁴⁷ На это вслед за Р.Г.Скрынниковым, А.Т.Шашковым и рядом других историков указывалось и самим В.Д.Пузановым. См.: Пузанов В.Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // СР. 2005. № 1 (11). С. 97; Он же. Годовальщики в Сибири в XVII в. // ВИ. 2009. № 2. С. 133, и др.

⁴⁸ Считать Г.Лутохина воеводой (Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Ч. 4. М., 1901. С. 123) едва ли оправданно. Кстати, за конец XVI в. известен полный «тезка» последнего «начального человека» Обского городка — сын боярский новгородского владыки, одно время его дьяк и дворецкий. См.: Греков Б.Д. Избр. труды. Т. 4. М., 1960. С. 51. Ср.: С. 329; Селин А.А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611—1617 годы // Генеалогия на Русском Севере: история и современность: Сб. ст. междунар. науч. конф. Архангельск, 2003. С. 102, 103, и др.

⁴⁹ Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 20. Ср.: С. 21.

⁵⁰ Резун Д.Я. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 18 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

⁵¹ Сергеев В.И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. С. 11.

Глава 4

САМАРОВ ГОРОДОК (О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПРЕДЫСТОРИИ ХАНТЫ-МАНСЙСКА)

Одним из самых загадочных эпизодов «Ермакова взятия» Сибири служит казачий поход в низовья Иртыша. Предметом споров является и хронология, и определение личности его предводителя, результатов, да и последствий этого похода¹.

Так, Н.А.Балюк, следуя Кунгурскому летописцу (далее — КЛ), экспедицию ермаковцев под началом есаула или пятидесятника Богдана Брязги относит к 1582 г.² (Считать эту дату официальной³ не приходится уже потому, что КЛ сложился в казачьей среде, скорее всего, в последних десятилетиях XVII в.). Приведенную версию мы встречаем еще у Х.М.Лопарева, который, однако, указывал (вслед за Н.М.Карамзиным и И.Шульгиным), что в 1583 г. сам Ермак спустился вниз по Иртышу и Оби⁴. Зачем понадобился второй поход в Югорскую землю, при этом не разъясняется.

Об экспедиции Брязги к Самарову городку писали и другие исследователи⁵. Е.В.Перевалова и С.В.Горшков вслед за А.Т.Шашковым предводителем «ясачного» похода ермаковцев на Белогорье считают Никиту Пана, который, согласно Строгановской летописи (далее — СтЛ), тогда и погиб⁶. Утверждать подобно А.В.Матвееву, будто экспедиция Брязги состоялась «как минимум годом раньше» похода Никиты Пана, если эти события одновременны⁷, конечно, не приходится.

Согласно ремезовской «Истории Сибирской» (далее — ИС), Ермак в 7091 (1582/83) г., вернувшись оттуда 20 июня, «князей Алачевых с богатствомъ взялъ и все городки Кодские и Назымский городокъ ... взять, и ясак с них собрали»; в синодике «ермаковым казакам» (далее — С) из этой летописи указанный поход приурочен к 7089 (1580/81) г. В КЛ, известном С.У.Ремезову, мы читаем об отправке «начальным» атаманом полусотни соратников во главе со своим «сверсником» пятидесятником Богданом Брязгой «все Назымские волости пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно». (Ранее Брязга наряду с Иваном

Кольцовым и Иваном Грозой упомянут в числе «сверсников» Ермака, перед выборными есаулами, сотниками и пятидесятниками). 9 мая⁸, оказывается, русские «поплыша до Колпухова городка, беруще ясакъ з боем и без бою», а 20 мая «доплыша до Самара княжца, и ту в сборе 8 княжцовъ⁹, ждуще побити силою». Следом сказано, что Богдан «с товарищи, моляся Богу, в день неделный приплыша протокою под самой Самарь», где застали многих остяков «на карауле спящих¹⁰ твердо без опасения», а «на стоящих (вероятно, наготове. — Я.С.) из ружья и убиша княжца Самару и с родом его»¹¹; другие бежали «по своим жильям», а немногие оставшиеся «принесоша ясакъ с поклоном и шертоваша ту». Проведя здесь неделю, Брязга «поставиша князя болшого Алачя болшим, яко богата суца»¹², и двинулся на Белогорье, где у остяков было «молбище болшее богыне древней», и она, «егда же вниде имъ в слухъ приездъ Богдана, велела спрятатися и всем бежати». Брязга оставался там три дня и вернулся в город Сибирь 29 мая «в радости ... с есакомъ»¹³.

По наблюдениям Р.Г.Скрынникова, С.У.Ремезов подверг редактированию текст КЛ¹⁴. Следы этого редактирования есть и в интересующем нас фрагменте этого сочинения. Так, в ИС встречаются выражения «по жильям», «без опасения спящим»¹⁵, «доплыв (доплыша, доплывше)», упоминается про «ружье», караул¹⁶.

Нетрудно подсчитать, что если не ранее 20 мая ермаковцы достигли Самарова городка¹⁷ и пробыли там неделю, а на Белогорье — три дня, то с учетом времени, затраченного в дороге, казаки никак не могли попасть в Кашлык, «на низ пловучи», 29 мая. (Позднее водный путь от Тобольска до Самаровского яма занимал от 10 до 14 дней¹⁸). Поэтому, между прочим, можно усомниться в том, что сохраненное КЛ повествование об экспедиции Брязги принадлежит ее участнику или же записано с его слов¹⁹. Кстати, как читаем в ИС, ермаковцы «стояше неделю» в устье Тавды, размышляя, не вернуться ли им «через Камень вогуличами», и три дня «бишась» у Караульного яра и Чувашевой горы²⁰. К тому же к 29 числам всех летних месяцев С.У.Ремезов отнес немало из описанных событий²¹. Скептического отношения, как нам представляется в отличие от ряда историков²², требует и летописное сообщение, будто у Самарова городка ермаковцы застали врасплох всех восемь князцов с их «силою», тем более что известны потомки

его владельца (в КЛ же, напомним, говорится об истреблении казаками рода Самара)²³. Маловероятны и известия о том, что в Аремзянской волости Брязга «велел верно целовати за государя царя», а когда «приносящее ясакъ, и приемъщики все в наряде — в цветном платье, чтуще честь, царского величества славу»²⁴, ибо зауральский поход был предпринят по решению казачьего круга, а вовсе не правительственной инициативе.

Обратим внимание на то, что, судя по КЛ, 20 мая казаки достигли владений Самара, и «в день неделный приплыша протокою под самой Самар», иначе говоря, ермаковцы могли появиться там не обязательно 20 мая, как представлялось тюменским ученым, предложившим вести «отсчет истории» Ханты-Мансийска с конца весны 1582 г.²⁵

Кстати, в одном из изданий КЛ предлагается следующее, думается, едва ли приемлемое, чтение интересующего нас фрагмента из описания похода Брязги (разрывающего повествование Ремезова о гибели казаков на Абалацком озере и поражении, которое Маметкул потерпел «в урочище Шаншинском» от преследователей): «Богданъ же съ товарищи моляся Богу в день неделный, приплыша протокою подъ самой Самарь»²⁶. Ранее же сказано, что в граде Карачи ермаковцы «2 недели Госпожина поста» «пробываше зелне в посте и в молитвах, со всеусердием моляшеся Богу», «во всегдашнем посте» провели там 40 дней²⁷.

Примечательно, что, как сообщил летописец накануне, 9 мая «поплыша вниз до Колпуховой волости ... И того числа поплыша до Колпухова городка»²⁸.

А.В.Матвеев в подтверждение того, что через год, 20 мая 1583 г., «казаки Ермака, скорее всего, не вели боев с остяками у подножия Самаровских гор», ссылаясь на умолчание в КЛ о празднике Святого Духа, отмечавшемся в тот день, тогда как «в сибирских летописях упоминания церковных праздников в связи с теми или иными событиями похода Ермака встречаются довольно часто»²⁹. Заметим, однако, что хотя в КЛ даты приводятся нередко (возможно, не его создателем, а С.У.Ремезовым), однако без указаний на такие праздники, как, например, Николин день весенний (9 мая)³⁰ или (как в Абрамовском виде ЕЛ и СтЛ Основной редакции) Преображение Господне (6 августа)³¹.

Обратим внимание на то, что в ИС, включая КЛ, часто говорится о трех днях³² (это традиционное эпическое определение), а Брызга, напомним, по кунгурским «сказам», столько же времени провел у Белогорья.

Согласно КЛ, во время похода против остяцких княжеств, когда Брызге «с товарищи» удалось, в частности, овладеть городком Самара, «вои убитыхъ неть, а раненыхъ — каждой (каждой) многаши (многаши)», тогда как в ранних редакциях С утверждается, что в этом походе пали от рук «поганных» атаман Никита и четырнадцать или пятнадцать казаков³³ — почти столько же, сколько было убито во всех других боях «единомысленной дружины» с «кучумлянами», не считая истребления Карачей отряда Ивана Кольца³⁴. (Любопытно, что в одной из таких редакций, найденной Е.К.Ромодановской, перечислены не только «избиенные», но и «всячески нужно» скончавшиеся «от нечестивых», когда ермаковцы «воеваше по Иртышу и по великой Оби ... до Назима». Видимо, из Н или припоминаний соратников атамана, «вооруженного» «славою и ратоборством и волностию», «слогатель» С узнал об отдельных подробностях этой экспедиции, которые, скорее всего, оказались неуместными в тексте «помянника»).

Н.А.Балюк, призывавшая «выяснить причину ... активного противостояния князя Самара казакам»³⁵, указывала, что, «судя по летописным материалам, его родовой клан», возможно, находившийся в вассальной зависимости от Сибирского ханства, соперничал «с родом коренных кодских князей Алачевых»³⁶. Но среди остяцких воинов, призванных, согласно повестям Саввы Есипова и анонимного строгановского «историографа», Кучумом для обороны Кашлыка, не исключено, были и кодичи, вскоре покоренные Ермаком (как свидетельствует С.У.Ремезов), а «от Сибирского взятъя» несшие «всякие ... службы» в пользу московских государей, проливая кровь и складывая «головы свои»³⁷.

Как рассказывается в КЛ, после недельного пребывания в Самаровом городке ермаковцы отправились на Белогорье. Многие же ученые отождествляют этот городок (Самар-вош, Тунг-похвош, крепость святого сына либо «Божьего сына городок») с центром Белогорского княжества, занимавшего территорию от устья Иртыша вверх по Оби³⁸. Городок, в конце XVI в. давший название одной из первых волостей Сургутского уезда³⁹, не упоминается

и в летописных сообщениях о сооружении воеводой И.А.Мансуровым острога у слияния Иртыша и Оби — сообщениях, в которых подчас речь идет о Белогорье⁴⁰. Последнее и Самаров городок, стало быть, необходимо различать, отказавшись и от представления, что владения князя, в 1583 г. (эта дата вероятнее других) погибшего в столкновении с ермаковцами, достались Алачу. (А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров включают район Самарова городка в пределы Сибирского ханства, а Белогорскую волость располагают на границе с ним⁴¹). Известно, что Колпуковская (Белогорская) волость, располагавшаяся в нижнем течении Иртыша, была пожалована кодскому князю Игичею и его двоюродному брату Онже Юрьеву царем Федором Ивановичем 18 февраля 1594 г. за участие в походе (около 1592 г.) в Пегую орду⁴². По-видимому, эта волость, где тогда проживали всего три ясачных человека, занимала небольшую часть прежних владений Самара, остальная же, надо думать, оказалась в «присуде» сургутских воевод и голов. Мнение, что с основанием Сургута территория бывшей Белогорской конфедерации отошла «в его ведение»⁴³, таким образом, нуждается в уточнении.

Примечательно, что в более ранних источниках, чем КЛ, о казачьем походе до Самарова городка и Белогорья мы не прочтем. В одной из старших редакций С, восходящей к показаниям ветеранов «зауральской эпопеи», сказано, что «во второе лето Сибирскаго взятья» Ермак с «дружиной» «до Назима воеваше, и Назим, городок остяцкой, взяша со князком их и со многими их остяками, поплениша и в плен поимаша»⁴⁴. В протографе ЕЛ и СтЛ приведенные строки подверглись сильному сокращению. В главе «О взятии городков и улусов» первой из них утверждается, что Ермак «з дружиною» «Назимьской городок⁴⁵ взяша со князем их и со всем богатством». Благодаря СтЛ, где это поселение иногда называется Казымским⁴⁶, известно об убийстве «погаными» при штурме их городков атамана Никиты Пана, о чем упоминается также в Лихачевской разновидности «Повести о Сибири и о сибирском взятии». Очевидно, сообщение СтЛ о гибели Пана зависит от С, ведь анонимный книжник, выполнявший задание «именитых людей» Прикамья, не смог указать, возле какого именно остяцкого городка погиб атаман⁴⁷, считающийся выходцем из украинских или польских земель. В других, помимо Лихачевской,

вторичных разновидностях ЕЛ в интересующее нас сообщение ее «слогателя» порой тоже вносились изменения. В Погодинском летописце поясняется, что «Назымской ... городок» находился на Иртыше, а местный князь был подчинен «со всем улусом»; в открывающем эту «Повесть летописную», «откуда начая царство бисерменское в Сибири, и како Божиим повелением взята бысть православными хрестьяны» географическом очерке встречается упоминание об «урочище» Самаровых гор, ниже которого Иртыш впадает в Обь «единым плесом». В Абрамовском летописце добавлено, что в этом городке — «большом» и славном — Ермак пленил князей и с ними оттуда вернулся «во град Сибирь». Сходное известие налицо в главе «О поведении городков и о взятии Назымского городка» Головинской редакции Сибирского летописного свода (далее — СЛС): казаки овладели «Назымским ... остятским» городком «со князцами их (остяков. — Я.С.)». В Нарышкинской и Академической редакциях обширного свода, который велся в Тобольске, говорится о плененном во время этого «хождения» ермаковцев князе⁴⁸. (Г.Ф.Миллером показано, что речь должна идти о Назиме, а не Казыме на одноименной реке — правом притоке Оби⁴⁹). Стало быть, многие летописцы XVII в. считали кульминацией похода по Иртышу и Оби (причем возглавленного не Брызгой, а Ермаком) взятие Назымского или Назымского городка, даже умалчивая про Самаров и появление казаков на Белогорье. В ИС, напомним, повествуется то о захвате казаками Назымского городка и его князя, а также получении там ясака, то о завоевании «русским полком» назымских городков, «пленить» которые, согласно КЛ, отправился Брызга, сумевший якобы по пути к владениям Самара проплыть до «Нарымского городка».

Как видно, летописные известия о походе казачьего отряда по Иртышу и Оби вторичны относительно С. Умолчание там о появлении ермаковцев в Самаровом городке и на Белогорье допустимо объяснять тем, что ко времени составления «помянника», запечатлевшего основные события «Сибирского взятия», никого из участников этого похода не осталось в живых. Получается, однако, что о нем забыли и их соратники (передавшие тобольскому «первопрестольнику» Киприану «написание» о том, как «сбили с куреня» «бусурманского» хана), которым врезался в память куда менее значимый эпизод «покорения» «Кучумова царства» — гибель

станции, рыбачившей у Абалака. Поэтому читающийся в КЛ рассказ о «хождении» Богдана Брязги в Обь-Иртышье мы склонны отнести, следуя классификации Е.К.Ромодановской, к «вымышленным событиям», хотя некоторые известия «списателя», вероятно, принадлежавшего к казачьей среде, вполне достоверны.

Отметим, что в С поход храброй «дружины» по Иртышу и Оби приурочен ко «второму лету» (наступившему 1 сентября 1581 г.⁵⁰) после «Сибирского взятия», т.е. к тому же, когда Брязга, согласно «вставным листам» ИС, побывал в низовьях Иртыша⁵¹.

В различных редакциях и видах ЕЛ «повоевание» многих городков и улусов на берегах Иртыша и Оби не датировано, но накануне там говорится о событиях, которые «списатель» мог отнести, как и «Сибирское взятие», гибель казаков у Абалака и поражение, нанесенное поблизости «кучумлянам» Ермаком, к 7089 г., а следом — о «посылке» царем Иваном за «Камень» в 7091 г. воевод князя С.Болховского и И.Глухова. Не исключено, что указание на 7090 г. под влиянием ЕЛ или С, открытого Е.К.Ромодановской, было вставлено в КЛ Ремезовым. (Повествованию об экспедиции Брязги в остяцкие «городки и волости» предшествует рассказ о событиях августа 7087 г. и октября — ноября следующего года, т.е. 1579).

Примечания

¹ См., напр.: Солодкин Я.Г. Взятие ермаковцами Самарова городка в трактовке ученых последних десятилетий // «Aus Sibirien — 2008»: Науч.-информ. сб. Тюмень, 2008. С. 164—166; Пять столетий Югры: Проблемы и решения: Итоги и перспективы: Коллективная монография. Нижневартовск, 2011. С. 19—24; Там же. Ч. 3. Нижневартовск, 2013. С. 9—20.

² Балюк Н.А. Формирование селитебной системы Приобья по материалам Самарова городка (историография проблемы) // Угры: Мат-лы VI Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 185, 189, 191.

³ Балюк Н.А. Крепость святого сына // Сибир. ист. журнал. 2004. № 1. С. 31.

⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стлб. 236; Шульгин И. Происхождение казачества на южном рубеже Руси; появление Ермака и завоевание им царства Сибирского // Тр. Рос. Академии. Т. 5. СПб., 1842. С. 248; Лопарев Хр. Покорение Югорской земли // Подорожник: Краевед. альманах. Вып. 13. Тюмень, 2012. С. 13, 15. Примеч. 2. Считать Брязгу младшим атаманом, как поступил Х.М.Лопарев, не стоит.

Заметим, что одно из последних упоминаний Югорской земли, не привлечение внимания историков, встречается в царской грамоте «на Березов город» от 17 мая 1610 г. См.: Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. Стлб. 176.

⁵ См., напр.: История Сибири: Учеб. пособие. Томск, 1987. С. 101; Кулаков Ф. Женщины Коды // Югра. 2000. № 1. С. 67; Могильников В.А. Археологические памятники сибирских татар XIV—XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы: Мат-лы V Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 79; Костанов А.И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 26; Тапаева А.Б. Расселение сибирских татар на территории Северо-Восточного Казахстана и Западной Сибири в средневековье // «Сулеймановские чтения»: Мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. по теме «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке» (г. Тобольск, 16—17 мая 2008 г.). Тобольск, 2008. С. 243. Утверждение А.И.Костанова, что московское правительство поддерживало дипломатическую переписку с Самаром, — очевидное заблуждение, в «перечневой описи» посольских дел, на которую сослался исследователь, речь явно идет о Самарканде.

⁶ Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 36; Она же. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 160; Горшков С.В. Перспективы и возможности использования на современном этапе историко-культурного наследия Югры в развитии музейно-туристического потенциала региона: постановка проблемы // II Югорская полевая музейная биеннале: Науч.-практ. конф. «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры»: Сб. докл. и сообщ. Ханты-Мансийск, 2008. С. 38. А.Ичѳв писал о взятии Назыма Ермаком, почему-то считая этот городок столицей Самара (Ичѳв А. Живое казачество Сибири. Оно есть и будет // Международная жизнь. 1993. № 4. С. 97).

Заметим, что согласно СтЛ, Никита Пан с «дружиною», причем под началом Ермака, погиб в «хождении» по Иртышу и Оби (Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская) (далее — СЛ). Рязань, 2008. С. 28—29, 74). О гибели атамана Никиты в этом походе упоминается и в синодике «ермаковым казакам» (далее — С). См.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 78, 380.

⁷ Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 135.

⁸ К 9 мая (Николину дню весеннему) в ремезовском повествовании, включая КЛ, отнесено немало событий. См.: Солодкин Я.Г. Из наблюдений над хронологией «Истории Сибирской» С.У.Ремезова // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. Тобольск, 2005. С. 125, 126; Он же. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 178, 179, 182, и др. В ИС события нередко приурочиваются и к 1 августа, когда отмечался праздник Спаса и Богоматери (СЛ. С. 356—358, 446—448), введенный на Руси Андреем Боголюбским по примеру византийского императора Мануила Комнина. См.: Филипповский Г.Ю. Андрей Юрьевич Боголюбский // Словарь книжников и книжности

Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д.С.Лихачев. Л., 1987. С. 37, 38; Он же. Сказание о победе над волжскими болгарями 1164 года и празднике 1 августа // Там же. С. 411—412, и др.

⁹ Они, с точки зрения С.В.Бахрушина и Е.П.Мартыновой, создали племенное объединение или военно-политический союз на время боевых действий (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 113; История и культура хантов. Томск, 1995. С. 79. Ср.: С. 82). По словам А.Т.Шашкова, «сборный князь» Самар возглавлял «белогорскую конфедерацию», распавшуюся вслед за его гибелью (Шашков А.Т. Княжеские династии обских угров в XV—XVII вв. // Северный регион: экономика и социокультурная динамика: Сб. тез. к Всерос. науч. конф. Ноябрь 2000 г., г. Ханты-Мансийск, Сургут. Сургут, 2000. С. 9; Он же. Югорские князья в XV—XVIII вв. // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1 (3). С. 176).

¹⁰ В одном из изданий КЛ предлагается читать не «стоящих», а «спящих». См.: СЛ. С. 335. Ср.: С. 323, 324, 350, 415, 421, 426, 441.

¹¹ В переводе Е.И.Дергачевой-Скоп, которым пользовались тюменские исследователи предистории Ханты-Мансийска, вместо многих (спящих) сказано про большинство и казаков, выстреливших по караульным.

КЛ не подтверждает заключения, что «храбрый остяцкий князь» Самар пал «во время сражения» (Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С.Г.Пархимовича. Тюмень, 2000. С. 34. Ср.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 140; Очерки истории Коды (далее — ОИК). Екатеринбург, 1994. С. 91). Судя по этому летописцу, фрагментарно включенному в состав ИС, Самар с родственниками были убиты, обстрелянные казаками.

¹² В оценке Н.А.Балюк Брязга назначил Алачу — сына Игичея — наместником Москвы в покоренном крае (Балюк Н.А. Формирование ... С. 189; Она же. Крепость ... С. 33. Ср.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 111; Со времен князя Самара ... С. 103, 151). Приведенное суждение должно считаться произвольным. К тому же Алач (Алачей) доводился Игичею отцом и являлся сыном не Пыткея, а его наследника Певгея.

¹³ Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР). Кн. 2. М., 1989. С. 561, 568, 577, 579, 580; СЛ. С. 335—336, 426.

Г.Ф.Миллер, передавая содержание КЛ, замечал, что всех караульных на берегу порубили, а Самар, который «от шуму пробудился, ... при первом выстреле убит пулею, от чего достальные так испужались, что все обратились в бег, и только малое число подлых людей осталось в деревне» (Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. Кн. 1. М., 1998. С. 130. Ср.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 241—242; Карамзин Н.М. История ... Кн. 3. Т. 9. Стлб. 233). Как нетрудно видеть, это изложение летописного рассказа не отличается точностью.

¹⁴ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 60—62, 66, 68, 71. Ср.: С. 226, 241.

¹⁵ Аналогичное выражение налицо и в Есиповской летописи (далее — ЕЛ). См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 63. Ср.: С. 56.

¹⁶ См.: СЛ. С. 314, 315, 317, 322—324, 327, 328, 333, 349, 405—407, 414, 415, 418—420, 424, 440.

¹⁷ Утверждение, что о городках этого остяцкого князя сведений нет (История и культура ... С. 82), получается, не совсем точно.

¹⁸ См.: СЛ. С. 377; ПСРЛ. Т. 36. С. 77.

¹⁹ Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 15—16, и др.

²⁰ См.: СЛ. С. 322—323, 330, 414, 421.

²¹ Там же. С. 313, 322, 349, 404, 414, 440.

²² См., напр.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 233; Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 154; Со времен князя Самара ... С. 133.

²³ Н.А.Балюк представляется, что «значимую роль в судьбе князя Самара» сыграл Обский городок (Балюк Н.А. Крепость ... С. 34). Это явное недоразумение, ведь последний был заложен осенью 1585 г., когда Самара уже не было в живых.

²⁴ ПЛДР. Кн. 2. С. 578, 580. Ср.: СЛ. С. 326, 336, 418, 427. В переводе Е.И.Дергачевой-Скоп неверно сказано, что в «цветном» платье были приносившие ясак. Как находил Д.И.Копылов, в таком (лучшем) платье ермаковцы возвращались из Белогорья в Кашлык (Копылов Д.И. Ермак. С. 155). Напомним, что в «цветное платье» по торжественным случаям одевались служилые люди, начиная с воевод и голов. См., напр.: Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А.М.Гневушев. М., 1914. С. 364; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 372, 374, 389; Т. 2. М., 2000. С. 205; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 164; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 39, 130—131 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

Кстати, по сообщению С.У.Ремезова, ермаковцы, пленив в Тарханском городке ханского дворецкого Кутугая, подарили ему «русское платье цветное» (СЛ. С. 321—322, 412—413; ПЛДР. Кн. 2. С. 553—554. Ср.: ПСРЛ. Т. 36. С. 51).

²⁵ Балюк Н.А. Крепость ... С. 36; Со времен князя Самара ... С. 135—137, 141, 166, 168.

²⁶ СЛ. С. 426.

²⁷ Там же. С. 327, 328, 418—420. Ср.: С. 314, 324, 332, 340, 404, 415, 423, 431.

²⁸ Ср.: Там же. С. 330, 331, 335, 421, 422, 426.

²⁹ Со времен князя Самара ... С. 137. Возводить КЛ к казачьему «написанию» («принесенному», по свидетельству С.У.Ремезова, ветеранами «Сибирского взятия» первому тобольскому архиепископу Киприану) или отождествлять их (см.: Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955. С. 601. Ср.: С. 589; Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974. С. 105; Гольденберг Л.А. С.У.Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в.: Дис. ... д-ра ист. наук: 1967 г. // Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск, 2011. С. 507) нет веских оснований.

³⁰ См.: ПЛДР. Кн. 2. С. 574—578, 580, 581. Ср.: С. 555, 562, 568.

³¹ См.: СЛ. С. 37; ПСРЛ. Т. 36. С. 96.

³² ПЛДР. Кн. 2. С. 551, 554, 556, 558, 579, 580, и др.

³³ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 69—70. Ср.: С. 218. Популярный ученый скептически отнесся к этим данным С, ибо, если следовать КЛ,

никто из казаков не погиб в походе по Иртышу и Оби, на берегах которых поселения встречались изредка. Р.Г.Скрынников предполагал, что соответствующее известие С появилось в ходе редактирования дьяками тобольского архиепископа Киприана показаний ветеранов знаменитой экспедиции: в перечень погибших с Никитой Паном произвольно включили тех, кто не был убит ранее или позднее (Там же. С. 225). Это заключение представляется малоубедительным. Видный историк не учел, что С восходит к казачьему «написанию» (далее — Н), где, вероятно, были перечислены имена атаманов и их «товарищей», павших в отдельных сражениях и походах, а также упоминалось о гибели отряда Ивана Кольца, призванного якобы на помощь Карачей. Р.Г.Скрынников к тому же приуменьшил и количество населения в раскинувшихся по берегам Иртыша и Оби «городках и улусах», и (судя по ИС) упорство сопротивления, оказанного там русским. Кроме того, если бы численность ясячных людей в этих волостях была невелика, стоило ли ермаковцам предпринимать поход до Белогорья? Р.Г.Скрынников не учел и того, что в известиях редакции С, зачастую считающейся старшей, об атаманах и казаках, павших и в «первом бою» «на берегу (Иртыша. — Я.С.) под Чювашею», и возле Абалака, и в походе «до Назима», и, наконец, «у Вагайского устья», говорится также о «дружине» («прочей дружине») этих «бесстрашных воинов»; точная цифра погибших — «40 человек» — названа лишь однажды — в сообщении об истреблении Карачей Ивана Кольца и его «товарства», из которого перечислены трое. (В скопированном по заказу Г.Ф.Миллера С (он не является сокращением ставшего известным в 1970 г., так, здесь читаем о «побитых» «на Абалацком озере», причем без выделения убитых на рыбной ловле и в бою; о гибели Ермака с соратниками сказано в самом начале) о «дружине» умалчивается). К тому же данные С о количестве погибших ермаковцев не отличаются полнотой. Так, в этом «помяннике» в отличие от ЕЛ мы не прочтем о том, что вслед за истреблением Ивана Кольца с «товарыщи» «начаша во многих местех казаков («нечестивые». — Я.С.) побивати ... по волостем и по улусом» (61—62). Вспомним также, что в редакции С, найденной Е.К.Ромодановской, дважды упомянуты одни и те же лица среди павших «под Чювашею» и на Абалацком озере. (Мнение, что здесь идет речь лишь о боях у Абалака (Копылов Д.И. Ермак. С. 220. Примеч. 7), не отличается точностью). Рассказ Есипова об обстоятельствах возникновения С не подтверждает и вывода Д.И.Копылова, будто соратники Ермака назвали при этом сотни имен, из которых владычный дьяк механически выбрал тридцать семь (Копылов Д.И. Ермак. С. 137; Он же. Сибирский поход Ермака в новейшей советской исторической литературе // История, краеведение и музееведение Западной Сибири: Обл. науч.-практ. конф., посвященная 110-летию Тюменск. обл. краевед. музея (ноябрь 1989 г.): Тез. докл. Тюмень, 1989. С. 28), хотя в «помяннике» из Черепановской летописи названы имена, которые в других синодиках мы не встретим (Савва, Иоаким), а также еще по одному Андрею и Федору, тогда как минимум с десятком нам известных не упомянуто. См.: Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 36. Примеч. 17.

³⁴ СЛ. С. 336, 427; ПЛДР. Кн. 2. С. 580; ПСРЛ. Т. 36. С. 78, 380, 381. В ремезовском С цифра погибших не названа, но говорится о провозглашении им, как и в некоторых других «помянниках», «вечной памяти средней». См.: СЛ. С. 353, 444; ПЛДР. Кн. 2. С. 568; ПСРЛ. Т. 36. С. 71, 90, 117, 128, 188, 257, 314, 367.

Судя по С, ко времени его создания могло остаться в живых больше участников похода от Кашлыка до Назима, чем предыдущих событий «зауральской эпопеи».

³⁵ Как видно, исследовательница не избежала преувеличения.

Кстати, Самаром звали не только князца, убитого при обороне своего городка в 1583 г., но и жившего в начале следующего века брата некоего Анюганка из Черкасовой волости Сургутского уезда. См.: Акты времени междоусобицы (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С.К.Боговяленского и И.С.Рябинина. М., 1915. С. 61.

³⁶ Балюк Н.А. Крепость ... С. 33. Вернее было бы говорить об Алаче, забравшем, по сообщению ИС, ручаться за достоверность которого не приходится, панцирь Ермака, отданный «кучумлянами» «в приклад белогорскому шайтану». Возможно, это случилось после того, как «большого белогорского болвана ... на многие части раздробилша» русские во время осады Обского городка. В ЕЛ в данной связи сказано о кумире, который «в земли их (остяков. — Я.С.) слову-тен» (ПЛДР. Кн. 2. С. 564, 565; СЛ. С. 346, 347, 349, 437, 438, 439; ПСРЛ. Т. 36. С. 65. Ср.: С. 35, 40).

На взгляд С.В.Бахрушина, Алачу «по дележу достался один из панцирей Ермака» (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 114). Точнее, если следовать показанию ИС, как замечал и выдающийся историк, кодский князь забрал этот панцирь из белогорского святилища (Там же. С. 140. Примеч. 8; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 486).

³⁷ См., напр.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 122—123; ОИК. С. 98—99, 101; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 11. Ср.: С. 27—28. Если верить С.У.Ремезову, «под Човашею» на стороне Кучума сражались «низовые остяки», которые «первее всех» и покинули его (ПЛДР. Кн. 2. С. 558; СЛ. С. 331, 422). Кстати, утверждение, будто 26 октября 1582 г. Искер обороняла толпа хантов и манси, которая разбежалась с первыми залпами казачьих ружей (Скрынников Р. Борис Годунов. М., 2003. С. 202), — очевидный домысел.

³⁸ Балюк Н.А. Крепость ... С. 32, 34, 37; Со времен князя Самара ... С. 104—105, 167. Ср.: С. 110, 168; Горшков С.В. Перспективы и возможности ... С. 38. Еще «отец сибирской истории» на основании КЛ указывал, что от юрт Самара — «главного княжца» «остяков, живших по Иртышу и Оби» — Брязга дошел до Белогорской волости (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 241, 242).

³⁹ См.: Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. Прилож. С. 3, 6.

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 138; Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 198 (Тр. Гос. ист. музея. Вып. 71).

А.Т.Шашкову думалось, что с уходом И.А.Мансурова обратно весной 1586 г. основанный им городок «был, по всей видимости, на какое-то время заброшен, но потом, с возникновением Тобольска, его восстановили» (ОИК. С. 93. Ср.: Югорск: От легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 58; Со времен князя Самара ... С. 148—149). Сохранившиеся источники этот вывод не подтверждают.

⁴¹ См.: Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-тагарских государств Западной Сибири: Мат-лы междунар. конф. Курган, 2011. С. 75. Ср.: С. 74; Они же. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // Там же. С. 35.

⁴² Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 13, 15. Н.А.Балюк и А.В.Матвеев со ссылкой на книгу С.В.Бахрушина отождествили Белогорскую волость и Вас-Пукол (Со времен князя Самара ... С. 154). Однако Васпукольскую волость Игичей и Онжа получили в пожизненное владение в феврале 1594 г., скорее всего, как участники похода предыдущим летом до городка Войкара на территории Обдорского княжества. См.: Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 13. Ср.: ОИК. С. 102.

В представлении А.Т.Шашкова, после разгрома Самара «к ермаковцам явился со своими людьми для переговоров ... Алач», и казаки заключили с ним «дружественный союз, передав ему власть над всей округой» (ОИК. С. 91. Ср.: С. 97; Лопарев Х.М. Самарово: Село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и документы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 3; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 233, 239; Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 49; Кулаков Ф. Женщины Коды. С. 67). Это не более чем предположение, как и вывод (см.: Шашков А.Т. Югорские князья ... С. 175; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 10) о вступлении Алача в вассальную зависимость от московского государя в начале 1580-х гг. На взгляд С.В.Бахрушина, царским данником сделался (уже в начале 1590-х гг.) Игичей. Вместе с тем выдающийся сибиревед упоминал о признании Алача Москвой и сопротивлении, которое он оказал ермаковцам (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 147; Ч. 2. С. 113, 115).

⁴³ Балюк Н.А. Крепость ... С. 34. В одном раннем описании «Сибирского государства городом и островом (точнее, острогом. — Я.С.), и рекам ...» поясняется, что «от Сомаровых год до Сургута своею силою бес паруса полтрети недели» (ПСРЛ. Т. 36. С. 77).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 36. С. 380. Ср.: С. 71, 78.

⁴⁵ В ряде списков ЕЛ этот городок называется Казымским, Назымским, Ноземским (ПСРЛ. Т. 36. С. 60. Примеч. 88; С. 71. Примеч. 33).

⁴⁶ Это чтение вторично и неверно. См., напр.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 226—227.

⁴⁷ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 226. СтЛ не подтверждает заключения Д.И.Копылова, будто Никита Пан погиб в бою за Назым (Копылов Д.И. Ермак. С. 152).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 60, 94, 124, 129, 134, 184, 247, 309, 362—363; СЛ. С. 28, 29, 74. Во второй из этих редакций СЛС читаем про Нарымский городок.

⁴⁹ Описание ... Кн. 1. С. 134—135; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 245. С.В.Бахрушин же писал о захвате Ермаком то Назымского, то Казымского городка (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 55, 138, 139. Ср.: С. 89, 141).

⁵⁰ Точнее, оно началось два года спустя, поскольку ермаковцы вступили в Кашлык в конце октября 1582 г.

⁵¹ Ранее, кстати, о «Сибирском взятии» в С не говорится, вероятно потому, что оно оказалось бескровным.

Глава 5

О ЧИСЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛАХ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.

Первые попытки организации школьного обучения на севере Западной Сибири относятся еще к XVIII в. С 1761 по 1766 гг. функционировала латинская школа в с. Самарово для детей духовенства Тобольского Севера, с 1779 г. — славяно-русские (после 1803 г. — «русские духовные») школы при Кондинском монастыре и в г. Березове, с 1786 г. в г. Сургуте. В Кондинске по данным на 1801 г. обучалось 10, а в 1805 г. — 20, в Березове в 1810 г. — 11 мальчиков¹.

Результаты деятельности этих школ следует признать не вполне удачными, т.к. создаваемые образовательные учреждения не были обеспечены ни подготовленными педагогическими кадрами, ни достаточным числом учебников. Сыграли свою роль неразвитость путей сообщения, бедность местных священно- и церковнослужителей, для детей которых данные школы и были предназначены. Общее число обучающихся вряд ли превышало 2—3 десятка человек одновременно.

Первым постоянно действующим учебным заведением на Севере Западной Сибири стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище. Вместе с уездным в том же 1818 г. в Березове создается и мужское приходское училище (первоначально — приготовительный класс при уездном училище) — своего рода низшая ступень начального образования для непривилегированных сословий.

В 1826 г. в Березовском училище обучалось 35 учеников². На начало 1834/1835 уч.г. — 44 (из них 9 штаб- и обер-офицерских, 4 — духовного, 3 — мещанского, 2 — крестьянского, 26 — казачьего сословий)³. На конец 1837 г. в Березовском уездном училище состояло 65 учеников (в том числе 51 в приготовительном классе)⁴, в 1845 г. — 91 (из них 47 — дети казаков)⁵, в 1846 г. — 97 (из них 47 в приготовительном классе, в том числе 47 детей казаков, 12 — чиновников, 17 — мещан, 3 — крестьян, 1 — духовенства,

3 — купцов, 10 — инородцев, 1 незаконнорожденный)⁶, на 1 января 1849 г. — 88 (из них 3 инородца)⁷. Всего же с 1843 г по 1848 гг. в нем состояло 108 мальчиков (в том числе 2 самоеда и 10 остяков)⁸. Дальнейшая динамика численности учащихся выглядит следующим образом: 1853 г. — 52, 1858 г. — 57, 1859 г. — 52 (в том числе 30 в приготовительном классе), 1862 г. — 52, 1864 г. — 46 (в том числе 20 в приготовительном классе), 1879 г. — 66⁹.

На начало 1840-х гг. в приюте при училище состояло 8 остяков и 2 самоеда¹⁰. Однако уже к началу 1849 г. число коренных жителей сократилось в училище до трех, а к 1853 г. до двух.

В Сургутском крае в силу его малолюдности и отдаленности, «заштатности» города Сургута пришлось ограничиться низшей, первой ступенью учебных заведений. 28 января 1835 г. здесь открывается казачья школа, фактически работавшая по программе приходского училища.

Сохранились достаточно подробные сведения об общей численности учащихся Сургутской казачьей школы. Число учащихся в год открытия школы составило 41 человек, в дальнейшем подвергаясь значительным колебаниям: от 74 (1852 г.) до 25 человек (1873 г.), в среднем же составляя около 55 человек в год списочного состава¹¹.

В 1838 г. один из учащихся относился к сословию «ясашных» (скорее всего, из числа представителей коренного населения). В 1848 и 1852 гг. среди учеников насчитывалось двое остяцких детей. Однако абсолютное большинство составляли дети местных казаков, крестьян и мещан.

Развитие системы сельских учебных заведений регламентировалось рядом законодательных актов и распоряжений. Так, Устав духовных консисторий 1841 г. предписывал епархиальным правлениям заботиться об открытии церковно-приходских школ. Как следствие, 19 декабря 1842 г. открывается церковная школа в с. Ларьяк. В первый год здесь обучалось 6, а в 1843/1844 г. 8 остяцких мальчиков.

Во время инспекционной поездки по Березовскому округу во второй половине 1844 г. благочинным, протоиереем И.М. Заборовским отмечены были успехи недавно организованной школы в с. Юганском: «Поселянская школа состоит из 14 учащихся мальчиков — 7 остяцких и 7 русских...»¹². Проезжая через Ваховский

и Верхне-Лумпокольский приходы Березовский благочинный «с помощью местных священно- церковнослужителей успел убедить прихожан из остяков на заведение школ и при их церквях. Прихожане остяки изъявляя ему свое желание, просили поименно записать их мальчиков, которых они согласны отдать для обучения грамоте, а именно: в Верхнелумпокольском 10 мальчиков, а в Ваховском одиннадцать»¹³.

В 1844 г. настоятелем Кондинского монастыря игуменом Арсением при активном содействии «торгующего крестьянина» Василия Васильевича Сургутскова учреждаются школы в селах Белогорье (Троицкое), Сухоруково и Малый Атлым. На 1848 г. в них обучалось соответственно 8, 10 и 10 остяцких детей¹⁴. В д. Елизаровой, кроме того, была создана школа для детей местных русских крестьян. По сведениям Н.А.Абрамова, в 1848 г. в ней обучалось 12 человек (10 русских и 2 остяка)¹⁵.

В 1844 г. игумен Арсений отправился в поездку по инородческим юртам для набора детей в школу при монастыре. По-видимому, не без помощи местной гражданской власти настоятелю монастыря удалось «склонить несколько инородческих семейств к добровольному согласию отдавать своих детей в училище»¹⁶. На 1852 г. в ней обучалось 12 инородческих мальчиков, на 1865 г. — 20 мальчиков (8 «из инородцев» на казенном содержании и 12 «крестьянских детей» на содержании «своих отцов»)¹⁷. К 1885 г. школа прекратила свое существование. За 40 лет, с 1844 по 1885 гг. в ее стенах проходило обучение 134 остяка.

В 1846 г. (по данным Н.А.Абрамова в 1847 г.) священником Петром Поповым в Обдорске в его собственном доме была открыта школа для инородческих детей. В ней проходило обучение 13 русских и 1 остяцкий мальчик, на 1852 г. — 12 мальчиков¹⁸. В 1861 г. происходит преобразование Обдорской школы в смешанную приходскую. В 1863 г. в ней обучалось 23 мальчика и 14 девочек¹⁹, в 1868 г. — 29 мальчиков и 13 девочек²⁰. По данным на 1876 г. в Обдорске упоминаются уже две школы — мужская, насчитывавшая 50 учеников (в том числе 16 ненцев и 2 ханта, остальные — дети крестьян, казаков и мещан); женская, в которой обучалось 18 девочек (из них 3 ненки)²¹.

21 апреля 1849 г. с разрешения Тобольской дирекции народных училищ была открыта «школа для девиц» в г. Березове. Она

помещалась в доме учительницы. На 1849/1850 уч.г. в школе состояло 11 учениц, на 1850/1851 — 8 (4 купеческого, 1 мещанского, 3 казачьего сословия), на 1852/1853 уч.г. — 8 (3 купеческого, 2 мещанского, 3 казачьего сословия)²².

Опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении данные, можно попытаться определить число учащихся в школах Березовского и Сургутского уездов (округов) на конкретный отрезок времени, а также долю детей школьного возраста, состоявших в учебных заведениях. В 1849 г. население Березова насчитывало 1186 человек, Сургу́та — 1018 (на 1855 г.) человек, число детей школьного возраста должно было составить 374 человека (доля населения в возрасте 7—18 лет составляла примерно 17% населения) или 220 человек (10% в возрасте 7—14 лет). Из этого количества обучалось 169 детей (158 мальчиков и 11 девочек). В результате, уже к середине XIX в. практически все мальчики школьного возраста в Сургуте и Березове учились в школах. Женское образование делало только первые робкие шаги.

За пределами городов на рубеже 40—50-х гг. XIX в. обучалось в 9 школах 95 детей (78 инородцев и 17 русских). При общей численности сельского населения 23005 человек (из них 21513 инородцев²³, соответственно, детей школьного возраста — 4084 человек) в школах состояло немногим более 2% детей, проживавших в сельской местности.

Однако в 1860-е гг. из-за закрытия большинства сельских школ общее число учащихся сократилось в сельской местности и осталось примерно на том же уровне в Сургуте и Березове. Причем выровнялась пропорция между мальчиками и девочками за счет открытия Березовского женского приходского училища в 1860 г. и Сургутского женского училища в конце 1860-х гг. В первом из них в конце 1860 г. состояло 10 девочек. К 1 января 1863 г. число учениц возросло уже до 44, а в 1869 г. сократилось до 31. В составе учащихся практически не было представителей податных сословий. Так, на 1 января 1864 г. из 34 учениц Березовского женского приходского училища 33 принадлежали к сословиям купцов и почетных граждан и 1 ученица — к духовенству²⁴. В Сургутском женском училище в 1869 г. обучалось 25 девочек, в 1870 г. — 28, в 1872 г. — 26, в 1876 г. — 26²⁵, 1879 г. — 20, 1880 г. — 14²⁶.

В последующие годы ситуация изменилась слабо. Если в 1880 г. в двух северных уездах функционировало 11 школ (из них 5 в Березове и Сургуте), то к 1884 г. их число сократилось до 9 (из них 4 в Березове и Сургуте). Число учащихся в сельской местности оставалось крайне незначительным.

На 1884 г. во всех школах Березовского и Сургутского округов обучалось 72 мальчика и 25 девочек. Так как по официальным данным в округах проживало 18543 мужчины и 17423 женщины, количество учащихся по отношению к общей численности населения составляло 1 к 371 (в том числе 1 к 257 для мужчин и 1 к 697 для женщин). По этим показателям север Западной Сибири уступал губернии в целом. На территории края соотношение населения к учащимся составляло 1 к 194 (1 к 120 для мужчин и 1 к 537 для женщин)²⁷.

С середины 1880-х гг. стали открываться школы, подведомственные Св. Синоду (церковно-приходские и школы грамоты), в том числе в тех населенных пунктах, где они ранее существовали, но были по каким-то причинам закрыты. Это привело к быстрому росту сети образовательных учреждений. Организуются Сургутская 2-классная женская (в 1886 г.), Мужевская (1890 г.), Обдорская миссионерская (1886 г.), Селияровская (1887 г.), Чемашевская (1889 г.), Шеркальская (1890 г.) и другие школы. Одновременно фактически заново возникает сеть сельских училищ Министерства народного просвещения. Создаются школы в Малом Атлыме (1888 г.), Кондинском (1888 г.), Тундрино (1891 г.) и др.

Следует рассмотреть количественный состав учащихся в этот и последующий периоды. Общая численность учащихся учебных заведений Березовского и Сургутского уездов может быть представлена следующим образом: 1889 г. — 280 человек (205 мальчиков и 75 девочек), 1895 г. — 425 человек (299 мальчиков и 126 девочек), 1911 г. — 1035 человек (685 мальчиков и 350 девочек), 1914 г. — 1192 человек (745 мальчиков и 447 девочек)²⁸. Налицо существенный количественный рост (в 4,3 раза за четверть века) и постепенное увеличение доли девочек в общем числе учащихся (с 26,8% в 1889 г. до 37,5% в 1914 г.).

Можно также привести подсчеты, касающиеся доли обучающихся от общего количества детей школьного возраста и населения в целом.

На 1891 г. население Березовского уезда составляло 13460 православных и 10000 человек «других исповеданий» (язычников). Православных детей школьного возраста насчитывалось 1690 человек (825 мальчиков и 865 девочек). Школу посещали 205 детей православной веры (165 мальчиков и 40 девочек), или 12,1%.

В Сургутском уезде насчитывалось 7600 человек православной веры (других исповеданий не было). Детей школьного возраста проживало 1286 человек (632 мальчика и 654 девочки). В школах обучалось 83 человека (60 мальчиков и 23 девочки), или 6,5%²⁹, в среднем же по двум уездам 9,7%. Однако в данном случае в подсчете не были учтены дети язычников.

В отчете епархиального училищного совета за 1894/1895 уч.г. указывалось, что в Березовском уезде из 2228 православных детей школьного возраста 123 учащихся посещали церковно-приходские школы (ЦПШ), 39 — школы грамоты. В училищах Министерства народного просвещения (МНП) и других ведомств обучалось еще 152 человека. Соответственно, в Сургутском уезде из 1085 детей обучался в церковных школах 31 человек (в Сургутской одноклассной женской ЦПШ 22 и в Ларьякской школе грамоты 9), в училищах МНП и других ведомств — еще 80 человек. Охвачены обучением оказались в Березовском уезде 14,1% детей, в Сургутском — 10,2%. В целом в Тобольской епархии в это же время школы посещали 17,5% детей³⁰. Данные показатели в северных уездах были ниже, молодое поколение слабее было включено в систему школьного образования.

На 1895/1896 г. в Березовском округе проживало 12758 православных (из них детей школьного возраста 1926 человек), в Сургутском округе — 7186 (из них детей школьного возраста 1085 человек)³¹. По сведениям Тобольского епархиального училищного совета, 1661 ребенок не посещал школы всех типов в Березовском округе, в Сургутском — 974³². (Однако из этого числа какая-то часть могла ранее уже закончить начальные учебные заведения). Посещали соответственно 265 в Березовском и 111 в Сургутском округах, всего 376 человек. Таким образом, в двух северных округах обучалось 12,5% детей школьного возраста. Доля учащихся от общей численности православного населения составляла 1,88%.

К 1908 г. в Тобольской губернии на 74 жителя приходился 1 учащийся МНП. В Сургуте один ученик приходился в среднем

на 17 жителей, в Березове — на 43 жителя. За пределами городов показатели были существенно ниже: в Сургутском уезде — 1 на 142, Березовском уезде — 1 на 105 жителей³³.

По официальным статистическим данным, на 1909/1910 г. в Березовском и Сургутском уездах проживали 35861 человек, в том числе детей школьного возраста 3603 человека (10,05%)³⁴. На 1914 г. детей школьного возраста в Тобольской губернии насчитывалось 191312 человек (9% от общей численности населения), из них обучалось 73476 человек³⁵. Таким образом, доля детей школьного возраста в структуре населения в предреволюционный период может быть определена примерно в 10%.

На 1911 г. в Березове проживало 1266, в уезде — 25740 (всего 27006 человек), из них детей школьного возраста — 2701, обучалось в школах — 717 (26,5%). В Сургуте проживало 1435 человек, в уезде — 8572 человека (всего 10007 человек), из них детей школьного возраста 1001 человек, училось в школе — 318 (31,8%). В целом из 3802 детей училось 1035 (27,2%)³⁶.

На 1914 г. соответствующие показатели выглядят следующим образом: Березов — 1122 человека, уезд — 26669 человек (всего 27791 человек), детей школьного возраста (7—14 лет) — 2779, учащихся — 738 (26,6% от общего числа детей); Сургут — 1497 человек, уезд — 9449 человек (всего 10946 человек), детей школьного возраста (7—14 лет) — 1095, учащихся — 454 (41,5% от общего числа детей), всего по двум уездам обучалось 30,8% детей школьного возраста³⁷.

Число жителей Березовского уезда по данным на 1918 г. составляло 31620 человек, Сургутского уезда — 11229, Самаровского района Высшего начального училища (север Тобольского уезда) — около 13000 человек. Общая численность населения севера Западной Сибири, следовательно, достигала 56000 чел. Детей школьного возраста (имеется в виду только начальная школа, т.е. от 7 до 14 лет), если опираться на статистические сведения 1909/1910 уч.г., соответственно должно было насчитываться около 5600 человек. Число учащихся на территории Тобольского Севера может быть определено по данным на 1916 г. в 1576 человек. К 1918 г. это количество вряд ли могло сократиться, т.к. даже в эти драматические для страны годы школы в крае продолжали успешно работать. Таким образом, начальным обучением к концу

рассматриваемого периода в крае было охвачено около 28,1% детей. Доля учащихся в общей численности населения составляла 2,84%. Однако данные подсчеты сделаны с учетом коренного населения (включая кочевых самоедов), слабо представленного в образовательных учреждениях. Для сравнения, в Тобольской губернии по данным на 1 января 1915 г. обучалось 35,2% детей в возрасте 8—11 лет, в целом по стране — 51%³⁸.

В то же время в крупных поселениях охват детей образованием был гораздо выше, чем в сельской местности. В Березове к началу революции в пяти школах проходило обучение более 200 человек, т.е. практически все дети школьного возраста. Близким к максимальному был охват детей школьным обучением в Сургуте. В Обдорске на 1914 г., по сведениям Г.М.Дмитриева-Садовникова, обучалось около 170 детей, т.е. практически все³⁹.

В абсолютных величинах численность учащихся в школах церковного ведомства на территории Березовского и Сургутского уездов за 25 лет увеличилась в 7,4 раза, училищ МНП — в 2,2 раза. Темпы роста были весьма значительны, однако все же далеко недостаточны для того, чтобы считать проблему решенной.

Состав учащихся был вполне пестрым и зависел от национального и социального состава местного населения. В начале рассматриваемого периода инородческие дети в учебных заведениях практически полностью отсутствовали. Однако впоследствии ситуация стала меняться. В первые годы XX в. представители коренной национальности были представлены в двух миссионерских школах (Обдорская и Кондинская) и в сельских населенных пунктах со смешанным населением.

Среди учащихся Березовской второклассной учительской школы в 1913—1914 гг. доля детей русских составляла 79,4% (27 человек), а детей инородцев (зырян, самоедов, остяков) — 20,5% (7 человек)⁴⁰. В 1916 г. национальный состав 37 учениц был следующим: русские — 31, остяки — 2, самоеды — 2, зыряне — 1, евреи — 1⁴¹. Девочка-еврейка обучалась в 1915/1916 уч.г. в Сургутской ЦПШ⁴². Единичными были случаи обучения католиков и мусульман.

В Мало-Атлымском одноклассном училище МНП в 1905 г. из 14 мальчиков и 14 девочек по 8 мальчиков и девочек были представителями коренной национальности⁴³. В Ларьякском одноклассном училище в 1906 г. обучалось 9 детей ханты, однако

к осени 1913 г. их число сократилось до одного⁴⁴. В Мужевской ЦПШ по данным на 1916 г. из 132 учащихся абсолютное большинство составляли зыряне — 76 мальчиков и 43 девочки. Кроме того, в школе обучалось 4 русских, 7 самоедов, 2 остяка⁴⁵. В Саранпаульской ЦПШ в этом же году из 49 учащихся было 40 русских и 9 самоедов⁴⁶. В Кондинской миссионерской ЦПШ на 1896 г. обучалось 4 инородческих мальчика и 5 девочек, на 1908 г. — 9 детей ханты. К 1916 г. их число увеличилось до 14⁴⁷.

Более значительное число детей коренного населения состояло в Обдорской миссионерской школе. В списках учащихся за 1900 г. значились Максим Яропчу, Иван Няруй, Даниил Сибиров, Петр Вылка, Иван Тогой, Ульяна Худи, Татьяна Худи, Николай Ненянг, Анна Хороля, Агафья Пучи и др.⁴⁸ На 1914 г., по сведениям Г.М.Дмитриева-Садовникова, в пансионе состояло 23 человека, из них только один был русским⁴⁹. В 1916 г. в инородческом пансионе содержалось 14 детей, в приюте — 12.

Социальный и конфессиональный состав учащихся отражал структуру местного населения. Согласно журналу Березовского женского приходского училища МНП за 1906 г. обучалось 19 человек, зачисленных в первый, второй и третий классы; среди них детей чиновников — 6, священнослужителей — 3, купцов — 1, мещан — 8, крестьян — 1⁵⁰. В этом же училище на 1 января 1906 г. из 18 девочек 16 придерживалось православного и 2 иудейского вероисповедания. К сословию дворян принадлежало 4, духовенства — 1, мещан и купцов — 13 детей⁵¹. Абсолютное большинство составляли дети «сельских сословий». В небольшом количестве встречаются представители духовенства, купечества и мещанства. В равной степени это относится и к подавляющему большинству сельских школ.

В смешанных школах мальчиков обычно было несколько больше, чем девочек. В старших классах и отделениях учащихся, как правило, было меньше, чем в младших, т.к. некоторые дети бывали из школы, не окончив полный курс обучения.

Обучение проходили не только те, кто непосредственно проживал возле учебных заведений. Дети из других селений могли размещаться у родственников или в общежитии при школе (если таковое имелось). Например, в Мало-Атлымское 1-классное училище привозили детей из юрт и деревень, находившихся на расстоянии 30—60 верст от села.

В среднем в Западно-Сибирском учебном округе по данным на 1908 г. на одно училище приходилось 55 учеников⁵². По данным школьной переписи 1911 г. в стране в целом на 1 училище МНП приходилось 70 учащихся, на 1 церковную школу — 47,4 учащихся, по двум ведомствам — 61,3⁵³. На севере Западной Сибири на 58 учебных заведений приходилось в 1916 г. 1576 учеников (433 в Сургутском районе ВНУ, 537 в Самаровском, 200 в Обдорском, 406 в Березовском). Соответственно, в одной школе в среднем обучалось менее 30 детей. В 1913/1914 уч.г. в Березовском уезде имелось 3 «малолюдные» школы (с числом учеников менее 20), в Сургутском уезде — 9⁵⁴. Таким образом, число учащихся, приходившихся на одну школу, в крае было более чем в два раза меньше, чем в среднем по стране. Однако в отдельных конкретных школах данные показатели могли сильно колебаться: от 4—6 учеников (Ларьякская) до 120—130 учеников (Мужевская).

Дополнительно стоит отметить, что обучение шло параллельно с христианизацией коренного населения. Тот, кто находился в школе, по определению не был язычником, иначе он просто не мог ее успешно закончить, поскольку одним из главнейших предметов являлся Закон Божий.

С чем были связаны изменения численности детей в образовательных учреждениях Тобольского Севера?

Во-первых, с государственной политикой, касающейся инородческого и русского населения. На протяжении большей части XIX в. действия власти по развитию образовательных учреждений в крае носили характер кампаний, что приводило к всплескам активности со стороны местных чиновников, старавшихся выполнить указания из центра. Так было, в частности, с созданием латинских и славяно-русских школ во второй половине XVIII в. В качестве примера можно также привести вышеупомянутый Устав духовных консисторий 1841 г.; «Высочайше утвержденное 28 ноября 1852 года исчисление работ, предстоящих Сибирскому Комитету по устройству Сибири», предписывавшее положить начало мерам «по введению образования между инородцами»⁵⁵. Как следствие, вскоре после получения соответствующих предписаний деятельность по созданию школ и привлечению в них местного населения активизировалась. Однако спустя некоторое время эта активность сходилась на нет, образовательные учреждения

закрывались. Лишь в 1880-е гг. перешли от разовых акций и кампаний к регулярной, систематической работе, связанной с созданием системы образовательных учреждений. Это позволило постепенно охватить начальным образованием значительную часть детей, прежде всего в крупных населенных пунктах региона. Необходимо упомянуть и о том, что присутствие остяцких и самоедских детей в первых школах края было во многом следствием применения «административного ресурса». К концу XIX в. политика в этом отношении значительно смягчилась, что обусловило отток коренного населения из образовательных учреждений.

Во-вторых, с работой отдельных подвижников, болевших душой за дело образования, не жалевших для него ни времени, ни сил. Среди них можно отметить Березовского благочинного И.М.Заборовского, священника П. Попова в Обдорске, семью Туполевых в Сургуте и др.

В-третьих, с изменением численности населения в различных населенных пунктах региона.

С данными обстоятельствами, вероятно, связаны колебания числа обучающихся в школах г. Березова и Сургута.

Примечания

¹ Цысь В.В. Школы Югры во второй половине XVIII — начале XIX вв. // Ежегодник Нижневартовского краеведческого музея. Нижневартовск, 2012. Вып. 2. С. 38—49.

² Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А.Редин. Екатеринбург, 2008. С. 241.

³ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2012. Ч. 7. С. 72.

⁴ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография / Под ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2010. Ч. 5. С. 97.

⁵ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 121—123.

⁶ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 3; Д. 120. Л. 54.

⁷ Там же. Д. 122. Л. 96.

⁸ Абрамов Н.А. Георгий Яшуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845—1852 гг.) // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 78.

- ⁹ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 33. Л. 7, 42; Д. 128. Л. 51—52; Д. 203. Л. 33 об.—34, 38 об.—39; Д. 720. Л. 51 об.—52.
- ¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 71—76.
- ¹¹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 12—13.
- ¹² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 126. Д. 595. Л. 1—1 об.
- ¹³ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 277—278; РГИА. Ф. 796. Оп. 126. Д. 595. Л. 1 об.
- ¹⁴ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. С. 275.
- ¹⁵ Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845—1852 гг.) // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 78.
- ¹⁶ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. С. 272.
- ¹⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 113 об., 129.
- ¹⁸ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под ред. Л.В.Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 79.
- ¹⁹ Губарев К. Обдорск // Современник. 1863. № 1. С. 230—231.
- ²⁰ Вануйто В.Ю. Культурное развитие Обдорского Севера в XVIII — начале XX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 19.
- ²¹ Отчет о деятельности православных миссий Тобольской епархии за 1876 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2006. С. 292.
- ²² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 123. Л. 5; Д. 125. Л. 90.
- ²³ Абрамов Н.С. Описание Березовского края // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1857. Кн. XII. С. 382—383.
- ²⁴ Из ведомости о числе учителей и учащихся в женских учебных заведениях Тобольской губернии за 1863 г. // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области) / Отв. ред. О.Б.Беликова. Томск, 2006. С. 198.
- ²⁵ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1870 г. // Сургутский уезд ... С. 241; Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1872 г. // Сургутский уезд ... С. 274; Выписка из журнала ТДК о слушании отчета по Сургутской миссии за 1876 г. // Сургутский уезд ... С. 280; Из журнала о результатах ревизии училищ Березовского и Тобольского округов директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г. // История Югры ... С. 209.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 51 об.—52.
- ²⁷ Там же. Д. 1032. Л. 119 об.—120.
- ²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 492. Л. 95; Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1890. № 3—4. С. 67; 1894. № 7—8. С. 78; 1896. № 11. С. 10; Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894/95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 86—87; Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 3. С. 22; № 19. С. 148—149; № 24. С. 186; 1914. 1915. № 9. С. 38; 1914. 1916. № 1. С. 3; 1914. № 7. С. 26; 1914. № 19. С. 145.
- ²⁹ Церковные школы Тобольской епархии в 1890/91 учебном году // ТЕВ. 1892. № 11—12. С. 247.

³⁰ Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894/95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 86—87; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 113 об.

³¹ Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1894/95 уч. год // ТЕВ. 1897. № 10. С. 2.

³² Там же. С. 10.

³³ Школьный отдел при неофициальной части Томских губернских ведомостей. 1908. № 12. С. 12.

³⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 381. Л. 12, 31.

³⁵ Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск, 1916. С. 39.

³⁶ Обзор Тобольской губернии за 1911 год. Тобольск, 1913. С. 8.

³⁷ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915. С. 41—42.

³⁸ Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Пг., 1916. С. VIII.

³⁹ Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В.Белобородов. Тюмень, 2003. С. 231.

⁴⁰ Ведомость о церковных школах Тобольской епархии за 1914 гражданский год // Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 3. С. 82—83.

⁴¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—7.

⁴² Там же. Д. 183. Л. 3.

⁴³ Там же. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 82. Л. 5 об.

⁴⁴ Там же. Д. 122. Л. 58.

⁴⁵ Там же. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 188. Л. 15.

⁴⁶ Там же. Л. 42.

⁴⁷ Отчет Тобольского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1896 год // ТЕВ. 1897. № 12. С. 180; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; Ф. И-61. Оп. 1. Д. 80. Л. 6.

⁴⁸ ТЕВ. 1901. № 18. С. 10.

⁴⁹ Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В.Белобородов. Тюмень, 2003. С. 231.

⁵⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 108. Л. 12.

⁵¹ Там же. Д. 82. Л. 27—27 об.

⁵² ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2351. Л. 238 об.

⁵³ Школьный отдел при неофициальной части Томских губернских ведомостей. 1911. № 16. С. 9.

⁵⁴ Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 24. С. 187.

⁵⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 176.

Глава 6

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Заявленная тема весьма актуальна. Развитие индустриальной сферы повлияло не только на экономический облик края, но и вызвало существенные социокультурные изменения в его жизни. Железная дорога и пароходства, ставшие символами новой индустриальной эпохи, оказали значительное воздействие на социальный состав городского населения в крае, способствовали формированию работников индустриального типа с соответствующим профессиональным статусом, уровнем интеллектуального и культурного развития. Названные профессиональные группы стали основой для складывания прослойки технической интеллигенции края. Сегодня в условиях аномии современного общества, разрушения нравственных идеалов, профессиональных ценностных установок личности изучение заявленной темы имеет существенную научную значимость.

На рубеже XIX—XX вв. проведение транссибирской магистрали вызвало пробуждение социально-экономической жизни Западной Сибири. Это время стало периодом его быстрого заселения, хозяйственного освоения русской земледельческой культурой, роста городов, торговли и промышленности.

Общим знаменателем этих процессов было развитие капиталистических отношений, специализация производства, формирование местных рынков, расширение обмена между российскими и мировыми рынками. В Западной Сибири началась массовая аграрная колонизация, стимулировавшая процесс разложения деревни. Сюда устремился крупный рационально организованный капитал не только торговый, кредитный, но и промышленный. Кроме того, деятельность индустриальных видов транспорта имела и социальную составляющую. В крае начинает складываться прослойка технической интеллигенции, представители которой трудились на предприятиях индустриального транспорта.

Рубеж XIX—XX вв. ознаменовался активным железнодорожным строительством. За короткое время возникла сеть крупных региональных транспортных центров, отличавшихся весомым производственным и социальным потенциалом, масштабными объемами эксплуатационной деятельности. К числу таких центров относился и город Омск.

Быстрому торгово-промышленному подъему в конце XIX — начале XX вв. Омск во многом был обязан выгодному экономико-географическому положению на пересечении Сибирской железной дороги и реки Иртыш. Это обстоятельство во многом определило статус Омска как крупного транспортного центра Западной Сибири.

Железная дорога была наиболее значительным предприятием Омска. Созданное в середине 90-х гг. XIX в. как крупный транспортно-производственный комплекс, в дальнейшем, вплоть до мировой войны, оно не претерпело сколько-нибудь значительных изменений.

Крупнейшей станцией не только Омского участка, но и Сибирской железной дороги в целом была ст. Омск. На её территории размещался целый комплекс служебно-технических помещений: главные мастерские, коренное депо, малые мастерские, вагонный сарай, складочные помещения, рассчитанные на 760 вагонов груза, ледохранилище на 450 кубометров льда, маслохранилище на 20 тыс. пудов. Общая длина всех рельсовых путей при ст. Омск, оборудованных 175 стрелочными механизмами, составляла 51,65 верст¹.

Площадь железнодорожного вокзала ст. Омск составляла 434,79 кв. сажени. Вокзал станции принадлежал к береговому типу. Уже с декабря 1896 г. его здание освещалось электричеством. Для посадки и высадки пассажиров были предназначены перрон, прилежавший к зданию вокзала, и платформы, сооруженные между железнодорожными путями.

С самого начала строительства Омский участок железной дороги обустроивался в социальном и культурном отношении. Близ станции находились каменная церковь в честь Св. Троицы, открытая на средства фонда Александра III, воинский продовольственный пункт, больница на 80 мест, приходское двухклассное начальное училище, финансируемое дорогой, женская церковно-приходская школа, общественная библиотека, железнодорожное техническое училище, контора ветеринарного врача, остановочный

пункт с бараками на 2,5 тыс. человек, казенный склад сельскохозяйственных орудий и машин, лесных материалов².

Основу производственно-технического потенциала ст. Омск составляли главные мастерские и паровозное депо. Омские главные железнодорожные мастерские, введенные в эксплуатацию в 1896 г., стали одним из основных предприятий Сибирской магистрали, где осуществлялся капитальный и другие виды ремонта подвижного состава. Главные мастерские по ремонту подвижного состава располагались в крупных железнодорожных центрах Сибири — Омске, Красноярске и Чите. Сооружение Омских мастерских осуществлялось исходя из стандартов и требований новейшей железнодорожной строительной технологии. Корпуса цехов сборочного, механического, котельного, литейного, кузнечного, деревообделочного, машинного и бандажного отделений были построены из кирпича, положенного на каменный фундамент. Кровлю составляли ряды досок, обернутых в листовое железо. Стены сборочного цеха перекладывались железными стропилами с использованием подвесной системы без поддерживающих колонн. Деревянные стропила механического цеха опирались посередине на два ряда колонн, поставленных вдоль по длине здания, образуя подвесной потолок. Его балки подшивались снизу крашевым тесом. Пол в цехе был дощатый, уложенный на деревянные лаги. В деревообделочном и машинном отделениях пол был асфальтовый, в котельном цехе — кирпичный, уложенный на ребро в ёлку, в кузнечном цехе — земляной³.

Важнейшими производственными характеристиками мастерских являлись: размеры производственных площадей, протяженность ремонтных путей, мощность станочного парка.

Соотношение производственных площадей мастерских в крупных железнодорожных центрах Сибири, по данным 1906 г., между мастерскими Омска и Красноярска равнялось 49,9% к 50,1%⁴.

К 1911 г., когда в Сибири наряду с Омскими и Красноярскими действовали главные мастерские Забайкальской дороги, суммарная площадь производственных помещений соотносилась между Омском, Красноярском и Читой как 34,1%, 40,3%, 25,6%⁵.

Ремонтные пути в Омских железнодорожных мастерских, первоначально составлявшие 3955 саженей, в дальнейшем выросли до 5399 саженей. В 1906 г. по протяженности ремонтных путей

Омские мастерские несколько опережали Красноярские, где в 1906 г. имелось 3985 саженей рельс⁶.

Рассмотрим характер использования производственных площадей и ремонтных путей. В 1896 г. площадь помещений, предназначенных для ремонта паровозов в Омских мастерских, составляла 62,7%, а для реконструкции вагонов — 37,2% от общей площади. Однако реальная загрузка предприятий оказалась иной, в первый эксплуатационный год в мастерских для ремонта могли поместиться 32 единицы подвижного состава, из которых 37,5% составляли паровозы, 62,3% — вагоны. Для ремонта паровозов было задействовано 24,3% имеющихся железнодорожных путей, вагонов — 75,6%. В 1906 г. втрое, по сравнению с 1896 г., увеличивается количество размещаемых в Омских мастерских паровозов⁷.

Соотношение площадей для ремонта паровозов и вагонов меняется к 1906 г. как 53% к 47%. Еще сильнее меняется в пользу локомотивного парка соотношение ремонтных путей: 86,1% приходилось на пути для паровозов, 13,1% — для вагонов. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем. По данным 1914 г., соотношение площадей, занимаемых паровозами и вагонами, составляло 60,6% и 39,3%⁸.

В Красноярских мастерских, по данным 1906 г., доля площади крытых производственных помещений, приспособленных для ремонта паровозов, определялась в 41,7%, вагонов — 58,1%, длины путей соответственно в 77,6% и 22,2%. В Красноярских мастерских могло поместиться для ремонта 105 единиц подвижного состава, из них 43,8% приходилось на паровозы, 56,1% — на вагоны⁹.

Вместительная способность предприятия может увеличиваться как за счет привлечения новых помещений, так и за счет более интенсивного использования имеющихся.

В Омских железнодорожных мастерских в период с 1896 по 1906 гг. происходило сокращение площади производственных помещений, необходимых для ремонта паровозов, на 21% и увеличение для ремонта вагонов на 17,3%. В то же время наблюдался рост длины рельсовых путей внутри мастерских для паровозного парка и уменьшение для вагонного — на 74,1%. Отмеченные тенденции позволяют говорить об интенсификации технологических процессов, связанных с ремонтом паровозного парка в мастерских¹⁰.

Железнодорожные мастерские были наиболее технологичным предприятием ст. Омск. По данным 1914 г., здесь концентрировалось 89,4% двигателей, эксплуатировавшихся на станции. Их мощность составляла 98,4% от соответствующего показателя станции. Двигатели подразделялись на паровые (58,7%) и электрические (41,3%), их мощность составляла соответственно 61,3% и 38,7%. Наибольшее количество моторов, установленных на кранах и подъемниках, находилось в сборочном цехе, что было связано с необходимостью перемещения при сборочных операциях громоздких и тяжелых составных частей паровозов и вагонов. По степени концентрации моторов, работавших на трансмиссии, выделялись механический и вагонный цеха¹¹.

Главные железнодорожные мастерские ст. Омск были оборудованы станками различной специализации и оснащены комплексом машин, постоянно растущим на протяжении всего периода с 1896 по 1914 гг. С 1896 по 1906 гг. наблюдается рост станочного парка на 78,3%, с 1906 по 1914 гг. — на 31,8%. По этому показателю Омские мастерские несколько уступали Красноярским: по данным 1906 г., в Омских мастерских числилось 198 станков и машин, а в Красноярских — 243¹².

В Омских железнодорожных мастерских преобладали станки для обработки металлов, составлявшие от 92,4% до 93,4%¹³. В первый год эксплуатации предприятия основная доля металлообрабатывающего оборудования принадлежала токарным станкам — 57,2%, сравнительно меньшую часть составляли станки сверлильные, фрезерные, строгальные, долбежные и болторезные, а также прочие по металлу¹⁴.

К 1906 г. доля универсальных токарных станков снижается до 48,6% за счет увеличения числа специальных модифицированных станков — сверлильных, строгальных, долбежных, что, безусловно, свидетельствовало об известном техническом прогрессе в обработке металла. Еще более возрастает доля разнообразных специальных станков к 1914 г., когда они составляли 58,7%¹⁵.

Омские главные железнодорожные мастерские стали крупным предприятием промышленного типа, где применялась целая система машин: станки различной специализации, подъемные механизмы, паровые котлы, горны и прочая техника. В мастерских существовала система двухуровневого деления технологических

процессов: во-первых, между цехами, во-вторых, внутри цехов, между машинами, в данном случае — между станками и механизмами. Применение пара и электричества, механизация технологических процессов, разделение труда между машинами — яркие характерные признаки индустриальной организации производства на предприятии.

Анализ данных наиболее полной инвентаризации предприятий местной обрабатывающей промышленности, проведенной омскими инженерами в 1923 г., позволяет сделать вывод о том, что железнодорожные мастерские с технологической точки зрения занимали ведущее место среди промышленных предприятий города. Именно здесь отмечалась наиболее высокая степень энерговооруженности труда и концентрации станочного парка. Они относились друг к другу соответственно как 59,5% к 40,5% и 76,6% к 23,3%¹⁶.

Деятельность главных железнодорожных мастерских была нацелена на восстановление выходящего из строя подвижного состава. Согласно классификации Управления Сибирской железной дороги существовало несколько разновидностей ремонта паровозов и вагонов — малый, большой и капитальный.

Малым ремонтом инструкция инженера Управления Сибирской железной дороги И.Н.Бутакова называет устранение незначительных частичных неисправностей в отдельных деталях паровоза или вагона. Под большим ремонтом понималась ликвидация средних поломок и дефектов, мешающих эксплуатации паровозов и вагонов, замена значительной части узлов и деталей. Капитальный ремонт представлял собой полное обновление всех узлов и деталей паровоза или вагона¹⁷.

За 1906—1910 гг. в главных железнодорожных мастерских ст. Омск было отремонтировано 383 паровоза, что составляло 43,2% от общей численности отремонтированных главными мастерскими Сибирской железной дороги локомотивов. При этом на долю капитального, среднего и малого видов ремонта в Омских мастерских приходилось 60,6%, 13,4%, 25,9% соответственно. Доли выполненного капитального, среднего, малого ремонта паровозов между Омскими и Красноярскими мастерскими распределились так: 42,4% к 57,5%, 43,3% к 56,6% и 44,8% к 55,1%¹⁸. Омские мастерские, таким образом, уступали Красноярским и по количеству отремонтированных паровозов, и по доле капитального

ремонта. Это было связано с меньшим размером площади ремонтных помещений, более низкими показателями концентрации станочного парка и рабочих.

Вспомогательным подразделением главных мастерских на ст. Омск был вагонный сарай. Здесь осуществлялся малый ремонт вагонов — до 120 единиц в месяц. В силу ограниченности производственных мощностей сарая, насчитывающего лишь восемь стоил для очистки, осмотра, подготовки пассажирских составов, малый ремонт производился на закрепленных близ него путях, под открытым небом во все времена года¹⁹.

Запасные части для ремонта вагонов производились в кузнице паровозного депо. Весьма примитивен был технологический процесс восстановления вагонов. Так, шейки колесных пар обрабатывались вручную слесарными пилами и наждачной бумагой или на шеечных станках тем же способом. Это не соответствовало требованиям ремонта колесных пар и иногда приводило к необходимости остановки движения для предотвращения аварии. Подъем вагонов для смены букс и колесных пар производился вручную посредством паровозных домкратов, выкатка и подкатка колесных пар осуществлялась мускульной силой рабочих при помощи деревянной ваги²⁰.

Наряду с вагонным сараем при Омских мастерских располагались материальные склады. Они являлись довольно обширными и имели оборот 11 390 000 руб. Склады располагались в отдалении от мастерских, отсюда в цеха предприятия поступали необходимые материалы, запасы которых были рассчитаны, по оценке самих железнодорожников, на 5—10 лет²¹.

Важным элементом производственно-технической базы ст. Омск было так называемое коренное локомотивное депо. Депо ст. Омск представляло собой крупное предприятие, отличавшееся большой степенью концентрации стоил и паровозного парка, где громоздящиеся стоянки и профилактического осмотра паровозов выполнялся как текущий, так и средний ремонт. Здания депо, как и помещения мастерских и других депо на Омском участке, сооружались в соответствии с новейшими по тем временам требованиями строительной технологии.

Согласно стандартам Министерства путей сообщения здания депо подразделялись на прямоугольный и веерный типы. К первому типу принадлежали здания, напоминавшие прямоугольник. Свое

название здания второго типа получили из-за формы оконных рам в виде большого веера и овальной архитектурной конструкции. На Омском участке депо здания прямоугольного типа были расположены на ст. Омск, Исиль-Куль, Татарская, веерного типа — на ст. Называевская²².

Первый корпус паровозного депо на ст. Омск вступил в эксплуатацию в 1896 г. Позднее, в 1899 г., вводятся в строй еще три его корпуса, центральная котельная, кузница и некоторые другие подсобные помещения²³.

Первоначально Омское железнодорожное депо имело 3 рельсовых площадки и 9 стоек для осмотра и ремонта подвижного состава. К 1911 г. число стоек увеличилось до 30, а длина ремонтных рельсовых путей составила 287 сажень²⁴. Соответственно изменилось и место Омского депо в ряду других аналогичных предприятий Западной Сибири. Если в 1896 г. Омское депо, располагавшее практически идентичными с депо в Каинске мощностями, уступало Челябинскому по количеству рельсовых площадок, то к 1911 г., сконцентрировав у себя почти треть ремонтных рельсовых путей всех западносибирских депо, оно имело второй (из четырех) показатель по числу стоек вслед за Красноярским. Общая площадь производственных помещений депо Омск составляла 216,45 кв. сажени. Здесь размещалось 5 паровых машин общей мощностью в 25 л.с. и 21 станок²⁵.

К январю 1915 г. на Омской дороге функционировала сеть из 11 депо (7 основных и 4 вспомогательных). Они занимали 27 зданий, оборудованных 241 стойлом. Депо ст. Омск стало к 1915 г. самым крупным в Западной Сибири и на Южном Урале. В шести корпусах депо было сосредоточено 50 стоек, из которых 9 предназначались для среднего, 41 — для текущего ремонта паровозов. Помимо коренного на ст. Омск имелось и вспомогательное депо с 1 стойлом для среднего и 5 для текущего ремонта паровозов²⁶.

По мощности Омское депо занимало ведущие позиции не только на Омском участке, но и в Западной Сибири в целом. По данным 1896 г., локомотивный парк Омского депо насчитывал 40 единиц, больше, чем в других депо Западной Сибири. По данным 1911 г., здесь концентрировалось 132 локомотива, большее количество локомотивов было лишь в депо ст. Красноярск — 136. К 1915 г. парк Омского депо состоял из 144 машин²⁷.

Первоначально основным типом локомотивов были товарные паровозы, имевшие 6 пар колес. Однако со временем железные дороги оснащаются более мощными 8-парными локомотивами, широкое распространение получают и пассажирские 6-парные паровозы²⁸. Локомотивы были выпущены известными паровозостроительными заводами Русско-Балтийского общества, Добса, Кесслера, Зиглера. Ведущей тенденцией отечественного паровозостроения начала XX в. было увеличение мощности локомотивов, переход к производству тяжелых машин.

Значительным был и парк вагонов при ст. Омск, насчитывавший, по данным 1915 г., 726 единиц, которые распределялись между собой следующим образом: груженные — 235, порожние — 200, специальные — 213, больничные — 71, вспомогательные — 7²⁹. Перед Первой мировой войной на ст. Омск начинают поступать пассажирские вагоны улучшенного образца. Вагон I класса имел 9 двухместных купе, 6 из которых были попарно соединены ширмовыми дверями. В вагонах II класса было 7 четырехместных купе, специальное багажное и гардеробное отделения. Единственным отмеченным придирчивыми критиками недостатком было несовершенство газового освещения, зачастую заставлявшее прибегать к помощи свечей³⁰.

Кроме стационарного обслуживания подвижного состава в мастерских и депо осуществлялся передвижной его ремонт с помощью так называемых вагонов-летучек, в которых имелся запас простейших инструментов и нужных частей. За ними были закреплены специальные рабочие. Они отправлялись со сборными поездами и в случае необходимости останавливались на станциях для восстановления отцепленных вагонов. Таким образом, производилось обновление от 150 до 200 вагонов, до 30 паровозов в месяц. Производился и безотцепочный профилактический осмотр и текущий ремонт вагонов во время стоянки. Обслуживание пассажирских и товарных составов происходило силами бригад осмотрщиков и слесарей³¹.

Характер и вместимость складских помещений отражала значимость ст. Омск как крупного железнодорожного центра, осуществлявшего масштабный товарооборот.

В сравнении с 1908 г. площадь, занимаемая складскими помещениями, возросла к 1915 г. на 244,7%, их вместительная способность — на 91%. К 1915 г. на ст. Омск было сосредоточено

23 складских помещения площадью 3451,86 кв. сажени, вмещающих 1452 вагона груза, что составляло соответственно 38,3%, 41,6%, 47,5% от общей численности, площади, вместимости складских помещений в целом на Омском участке³².

Железнодорожная ст. Омск характеризовалась значительным кадровым потенциалом. Численность рабочих железнодорожных мастерских и депо накануне Первой мировой войны составляла 1893, а в 1917 г. — 1959 человек³³. Приблизительно столько же рабочих было занято обслуживанием станции. Наибольшая концентрация железнодорожников была на предприятии индустриального типа — Омских главных железнодорожных мастерских. В 1906 г. средняя численность их сотрудников составляла 1441 человек, в 1914 г. — 1269 человек³⁴. Трудовой коллектив предприятия подразделялся на несколько профессиональных групп: администрацию, ремонтных рабочих, службу охраны. В состав администрации мастерских входили начальник предприятия и руководители его основных подразделений — цехов (мастера). Инженерно-технический персонал мастерских и омского участка железной дороги стал одним из важных компонентов формировавшейся в крае технической интеллигенции.

Представители инженерно-технического персонала предприятия, как правило, имели высшее образование, опыт работы на железных дорогах, у них был достаточно высокий как общекультурный, так и уровень профессиональной культуры. Среди учебных заведений, которые окончили представители администрации, можно выделить Московское Императорское технологическое училище, Харьковский и Санкт-Петербургский технологические институты. В личных делах сотрудников административного персонала отсутствуют какие-либо взыскания за недобросовестную работу, что во многом указывает на их профессионализм, высокий уровень компетентности в выполнении своих служебных обязанностей. В личных делах есть сведения о поощрениях и наградах за выполнение своей работы. В частности, некоторые работники управленческого персонала предприятия были награждены медалями за организацию выполнения военных заказов, размещенных в мастерских во время Первой мировой войны. Ярким показателем социокультурного мира сотрудников администрации мастерских было их отношение к религии. В среде руководящих

работников можно встретить представителей различных ветвей христианства — православных, католиков, лютеран.

Сотрудники мастерских, осуществлявшие ремонт подвижного состава, были самой большой группой в составе трудового коллектива, предприятия. Они представляли собой наиболее квалифицированную группу промышленных рабочих региона. К ним относились рабочие таких специальностей, как слесари, плотники, фрезеровщики, молотобойцы, жестянщики, литейщики. В их среде были мастера высокого класса, в частности, слесарь С.А. Яковлев, представивший на Первой Западносибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке 1911 г. ряд своих изобретений и удостоившийся похвального листа его оргкомитета³⁵.

В целом предприятия Сибирской железной дороги активно участвовали в выставке. На выставке имелся отдельный павильон, где были представлены экспонаты железной дороги: оборудование, механизмы, фрагменты рельсового пути. Участие в выставке как предприятий Сибирской железной дороги, так и отдельных сотрудников несло в себе существенный социокультурный элемент: население г. Омска и края знакомилось с возможностями и достижениями индустриальной эпохи.

В профессиональной среде специалистов, от которых требовался определенный уровень образования и профессиональной подготовки, была высока доля малограмотных лиц. Они владели лишь общими навыками чтения, письма и счета и не окончили специальные учебные заведения. Вероятно, основы профессиональной квалификации эти лица получили через систему ученичества, пройдя все этапы своего профессионального становления, такие как ученик, помощник, специалист, обладающий соответствующей квалификацией.

Некоторая часть ремонтных рабочих могла получить профессиональную подготовку в вечерних технических классах Сибирской железной дороги. В то же время интенсивная профессиональная занятость, высокая плата за обучение препятствовали посещению занятий рабочими, поэтому доля малограмотных сотрудников в среде ремонтных рабочих была весьма существенной. При этом среди «ремонтников» были лица, имевшие общую и профессиональную подготовку, окончившие курс обучения

в городских и сельских училищах, школах, а также в специализированных технических железнодорожных училищах. К таким учебным заведениям относилось Омское техническое железнодорожное училище (далее — ОТЖУ). Оно было основано Управлением Сибирской железной дороги в 1900 г. и стало одним из первых профессиональных технических учебных заведений железнодорожного профиля в Сибири. Училище осуществляло подготовку сотрудников для различных подразделений Сибирской железной дороги, в том числе и ст. Омск. Как правило, это были специальности помощников машинистов паровозов, телеграфистов, регулировщиков движения поездов, путевых работников³⁶.

Лица, окончившие ОТЖУ, направлялись в дальнейшем для продолжения своей профессиональной деятельности в различные подразделения Сибирской и других железных дорог. Деятельность ОТЖУ помимо профессиональной подготовки сотрудников имела и важный социокультурный компонент. Из его стен выходили специалисты, имевшие не только необходимый уровень профессиональной подготовки, но и усвоившие определённую модель культуры трудового поведения. Некоторые выпускники ОТЖУ продолжили свою профессиональную деятельность в составе трудового коллектива Омских железнодорожных мастерских. В целом стоит отметить, что в начале XX в. железнодорожные мастерские были предприятием, где происходили процессы складывания значительной части отряда омских железнодорожников.

Роль железной дороги в хозяйственной жизни города раскрывается, прежде всего, в ее грузооборотах. Ввоз превышал вывоз, а количество грузов, перевезенных между Омском и Челябинском, было в 2,5—3,5 раза больше грузообмена между Омском и станциями, лежащими на восток по железной дороге. Сказывалось значение Омска как крупного регионального центра оптовой торговли промышленными товарами, перевезенными из-за Урала, и сельскохозяйственными продуктами, отправлявшимися на запад.

В 1900—1909 гг., по свидетельству городского статистического справочника 1911 г., вывозились из Омска, прежде всего, хлеб (пшеница в зерне), сливочное масло, продукты животноводства. Ввозились, главным образом, земледельческие орудия и машины, «металл не в деле». По более детальным данным обзоров Акмолинской области за 1913—1915 гг., преобладающими видами грузов

отправления были хлеб (пшеница в зерне), уголь и лесные материалы, грузов прибытия — те же лесные материалы и уголь, металл (железо, жесть, сталь и чугун), бакалейный, гастрономический, колониальный и кондитерский товар, земледельческие орудия и машины. Возможная несогласованность названных источников (в первом уголь и лесные материалы вообще не указаны) не мешает подтвердить известное положение об определении структуры грузооборотов Омска аграрным профилем экономики края. Уголь и лесные материалы, совершенно очевидно, относились к числу транзитных грузов³⁷.

Впоследствии строительство и ввод в эксплуатацию Тюмень-Омской линии заметно усилили производственно-технический потенциал железной дороги как нового предприятия индустриального типа. К середине 1914 г. новая омская магистраль делилась уже на несколько эксплуатационных участков: Екатеринбургский, Тюменский, Челябинский, Курганский, Петропавловский, Омский, Каинский, Новониколаевский.

На Омском эксплуатационном участке к 1914 г. насчитывалось 27 разъездов и 11 станций. Остановочные пункты Омского участка были сосредоточены на трех основных направлениях: юго-западном, северо-западном и восточном. К юго-западному направлению принадлежало 3 станции и 9 разъездов, к восточному — 4 станции и 9 разъездов, к северо-западному — 3 станции и 9 разъездов. Станции Исиль-Куль и Татарская выполняли функцию пограничных остановочных пунктов Сибирской линии на юго-западном и восточном направлениях. На северо-западном направлении пограничным пунктом являлась ст. Называевская. Общая эксплуатационная длина рельсовых путей основных направлений Омского участка составляла 568,82 версты. По отдельным частям участка она распределялась следующим образом: Исиль-Куль — Татарская — 387,93 версты, Называевская — Куломзино — 180,89 версты.

Станции Омского эксплуатационного участка подразделялись Министерством путей сообщения по классам (отражавшим производственный потенциал станций: от станции как места остановки поездов до станции как комплекса производственных предприятий, обслуживающих грузопассажирыские перевозки и подвижной состав) и, соответственно, тем видам производственных операций, которые на них выполнялись.

На Омском эксплуатационном участке к станциям V класса принадлежали: Марьяновка, Москаленки, Кормиловка, Калачинская, Колония; к станциям IV класса — Исиль-Куль, Драгунская, Любинская; к станциям III класса — Называевская, Татарская. Омск являлся станцией II класса³⁸.

Станции V—IV классов характеризовались наличием вокзала, административных, складских помещений, жилых построек для обслуживающего персонала, путевого хозяйства, платформ для посадки и высадки пассажиров³⁹. Станции III класса отличало от станций IV—V классов (за исключением ст. Исиль-Куль) наличие так называемых «вспомогательных депо», предназначенных для стоянки, профилактического осмотра, текущего ремонта локомотивного парка. Вспомогательные депо ст. Называевская, Татарская, Исиль-Куль представляли собой сравнительно небольшие предприятия, рассчитанные на 6—14 специально оборудованных мест (стойл). Самым крупным было депо на ст. Татарская. Оно было оснащено 14 стойлами. Мощности депо станций Исиль-Куль и Называевская были меньшими — соответственно 8 и 6 стойл⁴⁰.

Иные отличия станций разных классов были не столь заметны и заключались обычно в большей вместительности вокзальных и складских помещений.

Складские помещения станций Омского участка были двух основных типов: пакгаузы, в свою очередь подразделявшиеся по характеру строительного материала на кирпичные и деревянные, и платформы (крытые и открытые). Пакгауз — закрытое и обычно весьма вместительное помещение — был лучшим типом складских мест. На станциях Омского участка долгое время преобладали деревянные пакгаузы. Пакгаузы, построенные из кирпича, впервые начинают эксплуатироваться лишь на станциях Тюмень-Омской дороги. Общая численность складских помещений ст. Исиль-Куль, Называевская, Татарская составляла 19 единиц — 40,4%, суммарная площадь 2227,41 кв. сажени — 46%, вместительная способность 734 вагона груза — 45,3% от итоговых показателей по участку⁴¹. По отдельности на указанных станциях концентрировалось от 3 до 8 единиц складских помещений, их площадь и вместительная способность колебались соответственно от 191 до 1155 кв. сажени, от 64 до 383 вагонов груза⁴².

На станциях V—IV классов юго-западного и северо-западного направлений (в отдельности) численность складских помещений не превышала 4 единиц (против 8 в Исиль-Куле и Называевской), их площадь — 450 кв. саженей (в Исиль-Куле и Называевской она составляла соответственно 1155 и 850 кв. саженей), вместительная способность — 135 вагонов груза (против 383 в Исиль-Куле и 287 в Называевской)⁴³. На восточном направлении на некоторых станциях концентрация складских помещений, их площадь, вместительная способность были выше, чем на ст. Татарская. В частности, на ст. Кормиловка, Калачинская, Колония численность складских помещений колебалась от 4 до 5 единиц (против 3 на Татарской), занимаемая ими площадь варьировалась от 367 до 430 кв. саженей (против 191,86 кв. саженей у Татарской). Складские помещения названных станций были рассчитаны для приема от 121 до 142 вагонов с грузом (против 64 у Татарской)⁴⁴.

На разъездах участка имелись лишь платформы для посадки и высадки пассажиров и путевые будки, предназначенные для лиц, занимавшихся обслуживанием и охраной железнодорожного полотна.

Виды выполняемых станциями и разъездами операций распределялись следующим образом. На ст. Называевская, Драгунская, Любинская, Куломзино, Исиль-Куль, Москаленки, Марьяновка, Кормиловка, Калачинская, Колония, Татарская и разъезде Лузино производились операции по приему и отправлению пассажиров, грузов, багажа в местном, а также дальнем сообщениях. На разъездах Горькое, Пикетное, Московка, Каратканск осуществлялась лишь посадка и высадка пассажиров без операций с багажом, прием и отправление грузов малой скорости в местном сообщении. На разъездах 49, 52, 53 северо-западного направления происходила только посадка и высадка пассажиров в местном сообщении⁴⁵. Таким образом, головная станция Омск, а также станции и разъезды эксплуатационного участка составляли целостную транспортную систему, благодаря которой осуществлялась перевозка грузов и пассажиров, поддерживались социально-экономические связи Среднего Прииртышья с другими регионами и заграницей.

В 1910-е гг. в Западной Сибири весьма активно шло строительство новых железнодорожных линий. К середине 1910-х гг. кроме Тюменской (Куломзино — Тюмень), завершилась постройка ряда

новых железнодорожных линий: Алтайской (Новониколаевск — Семипалатинск с ветвью от Барнаула на Бийск), Кольчугинской (Юрга — Кольчугино), а позднее Кулундинской (Славгород — Татарская). Западная Сибирь стала регионом с развитой системой железнодорожного транспорта, в структуре которой начали свою эксплуатационную деятельность новые железнодорожные станции. К ним относились станции, основанные вблизи населенных пунктов, располагавшихся между Тюменью и Омском. Линия Тюмень — Омск послужила своеобразным дополнением Великого Сибирского пути и дала новый социально-экономический импульс для развития территорий. К ним принадлежал и малый город Тобольской губернии — Ишим, оказавшийся в зоне прохождения новой магистрали.

На 272-й версте новой линии находился г. Ишим, впоследствии давший название участковой железнодорожной станции. По данным «Пояснительной записки к проекту Тюмень-Омской железной дороги», г. Ишим с населением 11713 человек в начале XX в. был не только центральным пунктом для уезда населением 304587 человек, но и занимал «...центральное положение среди других городов Тобольской губернии». Ишимский район, кроме земледелия, был известен различными продуктами животноводства. Обороты проходившей ежегодно зимней Никольской ярмарки достигали 5 млн. руб. По масштабам торгово-экономической деятельности Никольская ярмарка занимала первое место не только в Тобольской губернии, но и по всей Сибири⁴⁶. Земля под ст. Ишим в необходимом количестве (около 200 десятин) предоставлялась городом бесплатно⁴⁷. В 4-х верстах к северу от города у деревень Смирновой и Лайковой должно было произойти пересечение новой линией р. Ишим⁴⁸.

После водораздела р. Ишим трасса железной дороги шла по равнинной местности с солончаковыми и болотистыми участками вплоть до примыкания к Сибирской магистрали на разъезде Омск-пост⁴⁹.

По состоянию на 1913 г. в территориально-административном отношении практически вся линия находилась в составе Тобольской губернии (Тюменского, Ялуторовского, Ишимского и Тюкалинского уездов). Лишь последние 40 верст дороги проходили по территории Омского уезда Акмолинской области. В составе

отчужденных земель в Тобольской губернии преобладали казенные земли, а Акмолинской области — земли Сибирского казачьего войска⁵⁰. Постройка дороги велась так, чтобы она проходила через все крупные промышленные центры и затрагивала поселения, где развивались земледелие и скотоводство, маслоделие. Мукомольным делом и торговлей хлебом особенно славились ст. Ялуторовск, Заводоуковская, Вагай, Омутинская, Ишим, Называевская и Любинская, где имелись паровые мельницы⁵¹.

Окончательные изыскания по маршруту новой линии были проведены в 1909—1910 гг. Для обеспечения выполнения работ по строительству необходимо было определить соответствующую организацию. С этой целью в Екатеринбурге было создано Управление строительством железной дороги Тюмень — Омск. Начальником работ был назначен екатеринбургский инженер, действительный статский советник С.А.Беэр, его первым помощником был инженер, действительный статский советник М.К.Ястребов, начальником технического отдела и одновременно вторым помощником начальника работ стал инженер, действительный статский советник А.Ф.Мурзо⁵².

Инженер С.А.Беэр пригласил на стройку многих выдающихся русских инженеров, в том числе знаменитого мостостроителя Е.К.Кнорре. Все мосты на участке Тюмень — Омск спроектированы и построены под его руководством и наблюдением. Где бы ни работал Е.К.Кнорре, он всюду применял новейшие инженерные технологические приемы строительства, в том числе при сооружении железнодорожного моста через р. Ишим⁵³.

Строительство новой линии началось от Тюмени. В торжественной обстановке священник Знаменского собора в присутствии «отцов города» отслужил молебен и освятил вновь уложенный стрелочный перевод в сторону Омска. Уже летом 1909 г. начались активные строительные работы⁵⁴.

В отчете по сооружению новой линии было сказано, что дорога строилась большей частью подрядным и лишь отдельные работы производились хозяйственным способом. Управление строительством, располагая кредитами, технической документацией, специалистами для руководства и контроля заказывало и поставляло на стройку все материалы заводского изготовления. Черновая рабочая сила нанималась обычно со стороны. Подрядчиком

работ, как правило, был специалист-строитель, зарекомендовавший себя ранее на других стройках. Вместе с ним с одной стройки на другую ездили мастера, десятники, опытные рабочие, которым подрядчик полностью доверял⁵⁵.

При строительстве Тюмень-Омской дороги подрядные работы начинались так. Подрядчик, заключив в управлении договор на выполнение работ по объемам и расценкам и получив документацию и разрешение на отвод земель, а также право на кредиты, выезжал с представителем власти (жандармом) в деревни и села, ближние к трассе. Предъявив сельскому старосте документы, начинали сельский сход, на котором обсуждали предстоящую работу и оплату. Подрядчик, объехав свой участок, мог определить, сколько рабочих он найдет на месте, а сколько нужно нанять на стороне. Сибирские крестьяне хотя и жили зажиточно, в наличных деньгах всегда нуждались для уплаты налога и на внутрихозяйственные расходы, поэтому на дополнительные заработки, тем более недалеко от дома и не в ущерб хозяйственным работам, шли охотно⁵⁶.

Первыми подрядными работами были вырубка леса и корчевание пней. В участии в них всегда было много желающих, так как после вырубки лес поступал в распродажу, а он крестьянину всегда был нужен на дрова и постройку. В полосе отчуждения шириной 30 сажень (63 м) сваленный лес сортировался на строительный и дровяной, сучья сжигались, пеньки выкорчевывались и складывались в кучи, ямы заваливали землей, которую трамбовали. После уборки леса сразу приступали к возведению земляного полотна, грунт перемещали ручными тачками или на лошадях грабарками, очень удобными при разгрузке и вмещавшими до 30 пудов. Продолжительность рабочего дня на трассе определяла сама бригада, и он был не менее двенадцати часов — весь световой день⁵⁷.

Работа на строительстве железной дороги была долгой и изнурительной, все операции выполнялись вручную, основными вспомогательными инструментами были ломы, кувалды и лопаты. Подрядчики широко использовали наемный труд крестьян-грабарей из окрестных сел и деревень (Лайково, Борков, Большого Острова, Смирновки и др.). Грабари возили на больших телегах землю на сооружение насыпи для железнодорожного полотна. Труд работников был низкооплачиваемый⁵⁸.

Ишим также оказался в зоне интенсивного железнодорожного строительства. Были начаты масштабные работы по возведению здания железнодорожного вокзала, складских помещений, корпуса паровозного депо, вагонного сарая. Для приема, отправления и сквозного движения поездов через станцию Ишим предусматривалось строительство системы путевого хозяйства, которая предполагала разделение грузового и пассажирского потоков. Основным ее компонентом был главный железнодорожный путь с полезной длиной в пределах станции 315 саженей⁵⁹. Кроме него предполагалось ввести в эксплуатацию пассажирский железнодорожный путь с полезной длиной 315 саженей и 2 разъездных железнодорожных пути длиной по 235 саженей. Также были запроектированы товарный и тупиковый железнодорожные пути⁶⁰.

В пределах Ишимского района наиболее крупные мосты сооружены через реку Карасуль (два моста, в том числе в пригороде Ишима, 270-я верста от Тюмени), а также один из наиболее внушительных — через реку Ишим⁶¹. В 1911 г. железнодорожный мост через реку Ишим был введен в эксплуатацию. Старожилы рассказывают, что инженеры, руководившие строительством железнодорожного моста, скупали у крестьян окрестных деревень миллионы штук куриных яиц. На куриных яйцах, цементе и извести замешивался раствор для фундамента этого сооружения⁶². Еще более впечатляющей стала постройка грандиозного виадука через Черемшанский овраг, расположенный в 19 верстах от Ишима в сторону Омска⁶³.

Линия пересекала несколько рек, в том числе Таловку, Карасуль и Ишим. Строительство мостов было начато с весны 1910 г., сборка пролетных строений мостов — с 1911 г. На дороге были построены 14 каменных труб, 9 мостов с железобетонными пролетными строениями, 5 мостов с металлическими малыми пролетами, 3 больших моста на кессонах⁶⁴. Все материалы и предметы заводского производства были изготовлены на промышленных предприятиях России. Так, кладка велась на растворе из цемента, приобретенного у общества Глухоозерского завода, пролетные строения поставлены в Ишим Обществом Брянских заводов. Камень заготавливался недалеко от Екатеринбурга (за 350 верст от начала дороги) и Новониколаевска на Оби (за 600 верст от конца) и подвозился по железной дороге. Лес доставлялся из Тюмени

и в небольшом количестве из Омска. На реках делались обходы с временными мостами для обеспечения подвоза материалов. Мосты и трубы строили подрядчики, ранее участвовавшие в строительстве Великого Сибирского пути, — Алейников, Красовский, Забелин⁶⁵.

На всем протяжении дороги были уложены высококачественные рельсы, изготовленные Надеждинским заводом на Урале. Эти рельсы пролежали под нагрузкой на участке Вагай — Называевская до конца Великой Отечественной войны и были заменены в 1945 г.⁶⁶

Ландшафтные условия маршрута дороги влияли на размеры полосы ее отчуждения. Нормальная ширина полосы отчуждения, принятая в 30 саженой (с правой стороны — 16, с левой — 14), в зависимости от местных условий увеличивалась до 250 саженой⁶⁷. При сооружении железной дороги было решено, что линия должна обеспечивать пропуск двух пар пассажирских или товаропассажирских поездов или семи пар товарных поездов в сутки. Еще при проектировании и строительстве дороги сразу же была заложена возможность резкого увеличения (до 20 пар поездов в сутки) пропускной способности линии для нужд воинского движения. Пропускная способность линии должна была составить 1 пару пассажирских и 19 пар воинских поездов в сутки⁶⁸. Средняя техническая скорость на перегонах для воинских поездов при следовании от Тюмени к Омску была 26,07 версты в час и 26,13 версты в час при движении в обратном направлении⁶⁹.

В рассматриваемый период по линии Тюмень-Омской дороги началось интенсивное строительство зданий для обслуживания пассажиров. Все пассажирские здания железнодорожных станций Тюмень-Омской дороги были одноэтажные кирпичные, крытые железом. Отмечалось, что они были «исполнены, согласно утвержденным проектам, весьма тщательно и с надлежащей чистотой отделки»⁷⁰.

Всего на новой железной дороге было построено 13 станций. Расположение станций и разъездов было обусловлено требованиями достижения необходимой пропускной способности линии. Кроме того, на расположение станций оказывали влияние возможности нахождения вблизи населенных пунктов и естественных источников водоснабжения. Из 13 станций три — Ишим, Вагай,

Называевская — были третьего класса, десять остальных — четвертого⁷¹.

Самыми существенными по размерам были вокзалы станций III класса. На ст. Ишим площадь пассажирских помещений составляла 174,86 кв. сажени (786,87 м²), на ст. Вагай и Называевская — по 124,99 кв. сажени (562,455 м²). На станциях IV класса площадь внутреннего помещения пассажирских зданий была по 49,97 кв. сажени (224,865 м²) за исключением ст. Ялуторовск, где таковая площадь составляла 75,05 кв. сажени (337,725 м²)⁷². На всех вокзалах станций III класса, в том числе и на ст. Ишим, размещались буфеты. При них были устроены ледники и помойные ямы. Также на всех станциях внутри вокзалов функционировали почтовые конторы⁷³.

В зданиях вокзалов ст. Ишим, Вагай, Называевская существовали раздельно пассажирские залы для I—II классов и более массового III класса. В них имелись для организации питания пассажиров буфетные стойки и обеденные столы. В залах I—II классов находились по 2 иконы, в III классе по одной. В залах III класса ставили по 2 кадки для питьевой воды, к которым полагалась пара эмалированных кружек с цепочками⁷⁴. В залах III класса были конторки для жалобных книг. Освещение всех пассажирских зданий осуществлялось керосиновыми лампами. Для заправки ламп во всех пассажирских зданиях были оборудованы специальные ламповые комнаты, установлены баки для керосина, емкостью от 30 до 150 пудов в зависимости от класса станции⁷⁵.

Для посадки и высадки пассажиров на всех станциях и разъездах были построены низкие пассажирские платформы. Длина платформ варьировалась в зависимости от класса станции. Так, на станциях III класса платформы были длиной 75 саженей, на станциях IV класса — 50 саженей, на разъездах — 25 саженей⁷⁶.

Для рабочих и служащих на станциях и разъездах дороги, в том числе и на ст. Ишим, были построены кирпичные дома. В общей сложности было сдано в эксплуатацию 96 жилых домов, суммарной площадью 4152,44 кв. сажени⁷⁷.

Проекты строительства служебных, производственных помещений и путевого хозяйства на железнодорожных ст. Ишим, Вагай и Называевская разрабатывались в двух вариантах — с учетом сооружения как прямоугольных, так и веерных паровозных зданий депо.

При выборе первого варианта на ст. Ишим могли быть построены два прямоугольных паровозных здания, вмещающие по три рельсовые площадки, общей производственной мощностью 18 стойл (мест для стоянки и осмотра паровозов) — по 9 стойл в каждом здании. Также предусматривалась постройка малых ремонтных мастерских с паровозным зданием на 2 стойла. Общая мощность производственного потенциала паровозных зданий ст. Ишим должна была составить 20 стойл. Обеспечение выхода паровозов из зданий депо должно было осуществляться с помощью специальных железнодорожных путей и стрелочных механизмов⁷⁸.

Однако, по оценке начальника работ по сооружению дороги инженера С.А.Безра, «компактнее и экономичнее» была бы постройка на ст. Ишим веерного паровозного здания депо. В итоге на ст. Ишим было построено паровозное депо, здание которого имело веерную форму. Свое название этот тип здания получил из-за форм оконных рам в виде большого веера и овальной архитектурной конструкции. Основным строительным материалом, который использовался при возведении здания депо, был кирпич⁷⁹.

Производственная мощность депо ст. Ишим была рассчитана первоначально на 20 стойл, первые два стойла должны были примыкать к мастерским и предназначаться для ремонта паровозов. В то же время, по данным 1915 г., реальная производственная мощность депо ст. Ишим составляла 18 стойл. Она уступала депо ст. Челябинск (21 стойло) или же ст. Курган (30 стойл). Производственная мощность депо ст. Тюмень была ниже, чем у ст. Ишим (17 стойл)⁸⁰. При паровозном здании депо ст. Ишим были построены малые мастерские площадью 203,5 кв. сажени. В паровозном депо осуществлялся текущий и средний ремонт паровозов, из среднего промывочного ремонта выпускали два паровоза в месяц⁸¹.

На ст. Называевская и Вагай были построены оборотные депо веерного типа с мощностью по 6 паровозных стойл. Здания депо ст. Ишим, Называевская и Вагай были кирпичными, с крышами из железобетона, покрытыми по деревянной опалубке рубероидом. Исключение было сделано лишь для двух ремонтных стойл депо ст. Ишим, где железобетонную крышу покрыли шлаковым бетоном и затем уже рубероидом. Полы в паровозных зданиях были кирпичные «в елку»⁸². Основное депо ст. Ишим было оборудовано паровым отоплением, а в оборотных депо ст. Вагай

и Называевская были установлены чугунные ребристые печи⁸³. Во все паровозные здания была проведена вода для промывки котлов паровозов и установлены краны. Кочегарные канавы были оборудованы гончарными дренажными трубами, которые собирали воду в коллекторы и отводили ее за пределы станций⁸⁴.

В основном депо ст. Ишим действовала местная электростанция с двумя комплектами оборудования, в каждый из которых входила вертикальная паровая машина системы компаунд, средней мощностью 50 л.с. и динамо-машина постоянного тока, мощностью 32 кВт. Это давало возможность обеспечить станцию электроприводом постоянного тока, напряжением 230 В⁸⁵.

В депо ст. Ишим в наличии имелся целый перечень необходимого оборудования. При ремонте подвижного состава использовались два быстроходных колесно-токарных станка для обточки тендерных, вагонных и паровозных скатов. Один из станков позволял обтачивать колеса пассажирских паровозов диаметром от 1000 до 2100 мм, а другой — колеса товарных паровозов диаметром 1050—1500 мм⁸⁶. Металлорежущие станки были оборудованы групповым приводом. Среди станочного парка депо ст. Ишим необходимо выделить токарно-винторезные, универсальные фрезерные, болторезные, сверлильные, долбежные и другие станки. При депо имелась кузница и столярная мастерская. Для подъема деталей паровозов служили два комплекта домкратов системы Беккера. Кроме того, в депо ст. Ишим имелся гидравлический подъемник для паровозных и тендерных полускатов, а также тележка для их перевозки⁸⁷.

При локомотивном депо ст. Ишим функционировал дом отдыха для паровозных бригад площадью 40,15 кв. сажени. На ст. Называевская и Вагай с оборотными депо располагались по два дома отдыха для паровозных и кондукторских бригад. Таким образом, на новой линии было построено 5 домов отдыха для паровозных и кондукторских бригад⁸⁸.

Для разворота паровозов на ст. Ишим, Называевская и Вагай были установлены поворотные круги диаметром 72 фута, изготовленные Чусовским заводом Камского акционерного общества. Следует отметить, что на Тюмень-Омской железной дороге были сразу установлены круги большого диаметра, позволявшие разворачивать паровозы наиболее мощных типов того времени⁸⁹.

На станциях Тюмень-Омской железной дороги располагались вагонные сараи, предназначенные для очистки, осмотра пассажирских вагонов. На ст. Ишим был один такой вагонный сарай, в котором могло поместиться четыре вагона, сарай с той же вместимостью был на ст. Тюмень. На станциях более высокого класса, например ст. Омск, один вагонный сарай был рассчитан на 8 вагонов⁹⁰.

В районе ст. Ишим предполагалось строительство продовольственного пункта. На проекте станции он был указан у восточной границы станции и должен был располагаться с правой стороны по направлению от Тюмени к Омску, т.е. со стороны города. Напротив продовольственного пункта должна была разместиться посадочная площадка для отправки и приема военнослужащих.

Для перевозки военных выделялись три сквозных воинских пути, из которых два должны были иметь полезную длину по 235 саженьей каждый, а третий — 315 саженьей⁹¹. Для обеспечения воинских перевозок на ст. Ишим была сооружена мощеная площадка длиной 160 саженьей и шириной 3 сажени⁹². Для ограждения воинских путей на ст. Ишим был установлен семафор со стороны Омска. Впоследствии продовольственный пункт, рассчитанный на 1000 человек, стал важным компонентом хозяйства ст. Ишим, его сотрудники обеспечивали воинское движение и другие массовые пассажирские перевозки⁹³.

С целью обеспечения санитарно-гигиенических норм среди персонала железной дороги на крупных ст. Ишим, Вагай и Называевская были построены бани. На остальных станциях строительство бань не предусматривалось. Эту проблему предполагалось решить на основе привлечения вагона-бани⁹⁴.

В рассматриваемый период весьма актуальной была проблема снабжения водой подвижного состава, пассажирских и производственных помещений железной дороги. Все водоемные здания, как называли водонапорные башни, имели круглую форму и были построены из кирпича. На ст. Ишим, Ялуторовск, Вагай, Гольшманово, Называевская в каждой башне располагалось по два бака⁹⁵, на остальных станциях — по одному баку. Баки были установлены на несгораемых опорах. В условиях сурового климата важной задачей было предохранение запаса воды в баке от промерзания. Это достигалось путем установки ребристых печей,

трубы от которых проходили внутри баков и выходили на крышу. Водоподъемные здания также были сооружены из кирпича. При них были сделаны кирпичные пристройки с квартирами для машинистов. Непосредственно для подачи в паровозы воды на промежуточных станциях устанавливали по две гидроклонки. На станциях с паровозными депо, в том числе и на ст. Ишим, имелось по три гидроклонки, одна из которых устанавливалась около паровозного здания⁹⁶.

Станция Ишим также постепенно включалась в железнодорожное сообщение. Весной 1911 г. на станцию прибыл первый поезд — маленький паровоз с тремя вагонами. В конце 1912 — начале 1913 гг. строительство железной дороги через г. Ишим было полностью завершено и началась эксплуатационная работа станции.

В 1913 г. со ст. Ишим было отправлено 328 поездов, принято 412 поездов, проследовало 304 поезда. Через станцию началось весьма активное пассажирское движение. Так, за 1913 г. было продано свыше 8000 железнодорожных пассажирских билетов. Открытие станции способствовало активизации деловых и личных контактов населения г. Ишима с другими регионами России, в частности, в 1913 г. со ст. Ишим было отправлено 113849 телеграмм⁹⁷.

Важной характеристикой деятельности железнодорожной станции является ее грузооборот. В 1913 г. со станции Ишим было отправлено 417825 тыс. пудов груза, прибыло на станцию свыше 1 млн. пудов груза. В 1914 г. грузооборот ст. Ишим составлял уже 2 546 тыс. пудов (40 736 тыс. кг) против 5 439 тыс. пудов (87 024 тыс. кг) по ст. Тюмень, в то же время грузооборот ст. Ишим был больше, чем у станций: Ялуторовск — 2 265 тыс. пудов (36 240 тыс. кг), Называевская — 993 тыс. пудов (15 888 тыс. кг) и Омутинская — 959 тыс. пудов (15 344 тыс. кг)⁹⁸. Показатели грузооборота свидетельствуют о развитии коммерческой деятельности станций. Так, в 1913 г. общее поступление в кассу железнодорожной станции Ишим составляло 84466 руб. 81 коп.⁹⁹

Железнодорожные перевозки предполагали устройство помещений для погрузки, выгрузки и хранения товаров. К ним относились крытые и открытые платформы, а также закрытые помещения — пакгаузы. На 9 станциях были возведены крытые товарные платформы, на 8 станциях построили пакгаузы¹⁰⁰.

Крытые и открытые платформы имели кирпичные стенки. При этом стойки крытых платформ были из дерева. Пакгаузы также возводили из кирпича. На ст. Ишим и Ялуторовск действовали ледники для хранения масла, каждый из которых вмещал по 10 тыс. пудов груза¹⁰¹.

В профессиональной структуре населения г. Ишима рабочие-железнодорожники составляли значительную долю — до 2000 человек. Трудовая деятельность ишимских железнодорожников проходила в непростых условиях — бесконечные ночные смены и сверхурочные работы. Почти все ремонтные работы в депо осуществлялись вручную, рабочие помещения не отапливались. В паровозном депо, как и в других железнодорожных службах, процветали казнокрадство и коррупция. Тяжелые условия труда неблагоприятно сказывались на состоянии здоровья рабочих. Широкое распространение получил производственный травматизм, особенно среди сотрудников, осуществлявших ремонт и эксплуатацию паровозов. За провинности рабочие-железнодорожники подвергались штрафам, а также мобилизации в действующую армию. Продолжительность трудовой смены железнодорожников колебалась в 1914 — начале 1917 гг. от 12 до 14 часов. В годы Первой мировой войны произошло снижение заработной платы железнодорожников, происходила их мобилизация на германский фронт¹⁰².

За время строительства железной дороги Тюмень — Омск вокруг ст. Ишим рабочие рыли землянки и семьями селились в них. Так стихийно возникли селения Алексеевка и Ново-Серебрянка, в которых жили свыше 5 тыс. человек¹⁰³.

Для обучения детей железнодорожников в районе линии Тюмень — Омск были открыты образовательные учреждения — школы. При школах функционировали 11 общежитий для учащихся, рассчитанных на 270 мест. Так, в общежитии Ишимского железнодорожного участка проживало 40 учащихся¹⁰⁴. В 1914 г. по линии Тюмень — Омск открылись новые железнодорожные училища в следующих пунктах: на станции Ялуторовск — одноклассное училище, на ст. Вагай, Ишим, Называевская — двухклассное с общежитиями для учащихся¹⁰⁵.

В весьма короткое время был сформирован Ишимский эксплуатационный участок Тюмень-Омской дороги. К 1 января 1914 г. в его структуру входили станции: Ишим, Мангут, Маслянская,

Карасульская, Голышманово, Омутинская, Вагай, разъезды № 31, 34, 37, 40, 43, 46¹⁰⁶.

Масштабное эксплуатационное хозяйство ст. Ишим и железнодорожного участка требовало четкой организации. Управление всеми службами Ишимского железнодорожного узла осуществлялось из Омска. Возглавлял Омскую железную дорогу инженер Д.П.Козырев, начальником материальной службы был инженер Бутковский, руководителем канцелярии — Витвицкий. Начальником шестого участка службы пути ст. Ишим стал коллежский секретарь Н.П.Калугин, начальником линейной ст. Ишим — сын чиновника В.Д.Брант¹⁰⁷.

Строительство ст. Ишим и железной дороги Тюмень — Омск осуществлялось весьма масштабными темпами. В декабре 1911 г. на линии Тюмень — Омск было открыто рабочее движение. Железнодорожный путь протяженностью 567 км для рабочих поездов от Тюмени до ст. Омск-пост был построен за два с половиной года¹⁰⁸. Тем не менее, для завершения строительных работ и открытия сквозного пассажирского и товарного движения поездов потребовалось еще почти 2 года.

Только в 1913 г. в строй вступили линии Тюмень — Куломзино длиной 532 версты и Синарская — Шадринск длиной 111 верст. 1 октября 1913 г. в результате их слияния образовалась Омская железная дорога с эксплуатационной длиной в 643 версты¹⁰⁹. 1 ноября 1913 г. Тюмень-Омская железная дорога была принята в постоянную эксплуатацию. В письме эксплуатационного отдела управления железных дорог МПС № 3660/3018 от 11 ноября 1913 г., направленном в технический отдел, было указано: «Эксплуатационный отдел имеет честь уведомить, что, согласно телеграмме Начальника Омской жел. дороги от 2.11. сего года за № 5/239, в 12 часов ночи с 31 октября на 1 ноября на названной дороге открыто правильное пассажирское движение»¹¹⁰. В 1915 г. завершилось формирование Омской железной дороги как административно-территориальной структуры с управлением в г. Омске. Эксплуатационная длина новой дороги достигла 2598 верст¹¹¹. Далее Тюмень-Омская линия продолжала развиваться и эксплуатироваться в составе Омской железной дороги. Еще одна магистральная линия, соединившая районы Урала и Сибири, вошла в строй.

В период строительства новой железнодорожной линии г. Ишим представлял собой административный, торговый, уездный, центр юга Tobольской губернии. Общая численность населения города составляла 11954 человека. На 17 предприятиях Ишима трудились 373 рабочих. На базах и лабазах, в лавках и магазинах было занято свыше 400 приказчиков. Чиновников, служащих и писцов в казенных и военных учреждениях насчитывалось 110 человек, в 7 банках, в конторах, кредитных, акционерных и кооперативных обществах было 300 служащих. Кроме того, в городе действовали 6 церквей, функционировало духовное училище, было множество кабаков, питейных домов и домов терпимости¹¹².

К середине 1910-х гг. на железнодорожной линии Тюмень — Омск ст. Ишим была крупным и развитым железнодорожным предприятием. Здесь к началу революции 1917 г. трудились до 2000 рабочих и служащих¹¹³. Железнодорожные рабочие и служащие стали новым компонентом социальной структуры населения г. Ишима. Самыми значительными среди железнодорожных служб были паровозное депо, вагонный участок паровозного депо, кондукторский резерв, служба пути.

Станция Ишим в первые десятилетия XX в. являлась предприятием с элементами индустриальной организации производства. Она характеризовалась значимым производственным потенциалом, существенными размерными показателями складских и пассажирских помещений. По всем производственным показателям, согласно классификации МПС, ст. Ишим относилась к станциям III класса. В рамках эксплуатации станции осуществлялась перевозка пассажиров, промышленных и сельскохозяйственных грузов на большие расстояния.

Сфера речного транспорта изучена в меньшей степени, чем железная дорога. Имеющиеся источники дают весьма фрагментарную информацию о его состоянии. В течение длительного времени в Западной Сибири и Среднем Прииртышье речной флот являлся своеобразным представителем новой индустриальной эпохи. Речной флот как транспортное предприятие включал в себя суда разных типов и классов, ремонтно-технические мастерские, пристанское и портовое хозяйство, водомерные посты, систему затонов, предназначенных для обслуживания и содержания судов в ненавигационный период.

Пароходное хозяйство Омска в организационно-техническом отношении заметно уступало железнодорожному. Его в основном представляли многочисленные примитивно оборудованные пристани на Оми и Иртыше, столь же примитивной была и техника погрузочных работ — деревянные тачки, крючья и наспинные подушки для грузчиков. В декабре 1911 г. городская дума констатировала «стеснительное» положение пароходчиков — арендаторов городской земли на берегу Оми: «Пристани мало соответствуют своему назначению, и причал к ним сопряжен с большими неудобствами..., для судов же непаровых причал почти невозможен». Текущий ремонт судов осуществлялся в небольших кузницах, только перед войной в Омске открылись специальные судоремонтные мастерские МПС¹¹⁴.

В начале 1900-х гг. основная часть флота, рейсировавшего по Иртышу, принадлежала Верхне-Иртышскому, Богословскому пароходствам, торговым домам Плотниковых и Корниловых, акционерному Западно-Сибирскому товариществу пароходства и торговли. Остальные суда распределялись между МПС, мелкими фирмами и частными владельцами.

Наряду с наиболее распространенными в 1880—90-х гг. буксирно-пассажирскими, в начале 1900-х гг. появились на Иртыше и специально-пассажирские волжского типа пароходы. Преобладали 80-сильные с неглубокой осадкой суда, способные ходить малыми притоками Иртыша, преодолевать его мелевшие в засушливые годы плесы. В 1904 г. в Омск пришел первый пароход американской конструкции — комфортабельный 360-сильный «Н.Сухотин», с восторгом принятый публикой. Судно имело изолированные товарное и пассажирское помещения, комфортабельные каюты I и II классов; каюты III класса располагались не внизу, как на волжских судах, а на палубе¹¹⁵.

Пароходы на Иртыше держали не только крупные пароходные компании, но и мелкие фирмы, отдельные пароходовладельцы. К их числу принадлежали и омичи. В 1917 г. во владении омских пароходчиков А.С.Белкина, Коншина, Двинаренко и Ко, А.К.Русанова, Ю.И.Пальберг, Разумовских, И.П.Лаптева, Гутермахеров и других находились 25 пароходов и 36 непаровых судов. Непаровой флот состоял из 28 барж, четырех паузков, трех плашкоутов и одного дебаркадера¹¹⁶.

Функционирование речного флота Обь-Иртышского бассейна обеспечивали рабочие и служащие частных фирм, а также подразделений Министерства путей сообщения. Благодаря их работе речной флот являлся важной функциональной составляющей в структуре транспортной системы Прииртышья.

Все рабочие и служащие речного флота, согласно статистике министерства, подразделялись на три группы: судовые команды, береговой состав, грузчики. К первой группе относились лица, непосредственно занятые трудом на судах речного флота и обеспечивающие их эксплуатацию.

В середине 90-х гг. XIX в. судовые команды являлись весьма значительной в численном отношении группой в структуре рабочих и служащих речного флота. На судах Обь-Иртышского бассейна было занято до 45% водников Азиатской части России. Вместе с тем концентрация рабочей силы в пересчете на одно судно в Обь-Иртышском бассейне была одной из самых низких в сравнении с другими бассейнами Сибири¹¹⁷.

В период со второй половины 90-х гг. XIX в. по 1914 г. в Обь-Иртышском бассейне происходил рост количества пароходов и непаровых судов, отмечалось увеличение численности судовых рабочих. Общий рост численности рабочих и служащих на судах составил 56,1%. При этом на паровых судах данный показатель составил 69,6%, а на непаровых — 46,3%. Увеличение численности команд на паровых судах происходило быстрее, чем на непаровых. Эксплуатация котлов и машин, управление движением судна, выполнение различных вспомогательных операций требовали большей концентрации на пароходах специалистов и матросов, чем на непаровых судах, и наоборот, простота технической конструкции непарового судна и выполняемых служебных обязанностей позволяли обходиться меньшей численностью обслуживающего персонала.

По данным 1901 г., в общей массе пароходных команд преобладали малоквалифицированные рабочие-матросы и кочегары — 869 человек (57,5%), меньшую долю — 315 человек (20,4%) — составляли служащие, отвечавшие за техническую эксплуатацию двигателей (машинисты, их помощники, масленщики). На долю лиц, осуществлявших управление судном (лоцманов, штурвальных), приходилось 209 человек (13,5%). Отдельную группу —

91 человек (6,6%) — составляли капитаны и их помощники, в ведении которых находилось общее управление действиями экипажей судов¹¹⁸.

Среди членов команд непаровых судов доля рядовых матросов составляла 1306 человек (86%), старших матросов — 208 человек (13,7%)¹¹⁹.

К началу 1900-х гг. в составе членов судовых команд складывается значительная группа постоянных, из года в год трудившихся на судах флота кадровых рабочих и служащих. Более половины — 818 человек (53,3%) на паровых судах и 575 человек (38%) на непаровых судах участвовали более чем в 6 навигациях. Разница в долях кадровых рабочих в пользу парового флота объясняется значительно большей концентрацией членов судовых команд на пароходах, чем на непаровых судах. Характерно также и то, что 666 человек (31%) — членов судовых команд служили на судах круглый год. Это были прежде всего капитаны, машинисты, их помощники, масленщики, т.е. специалисты тех профессий, силами которых суда готовились к навигации. С этим показателем почти совпадает другой: у 25,2% водников служба на речном флоте была потомственным занятием¹²⁰.

Основную социальную группу речников Западной Сибири (77,9%) составляли выходцы из деревни. Речной транспорт стал для них важной сферой приложения труда. Несмотря на сезонный характер, занятие судоходством способствовало отрыву от традиционной деятельности. Навигация как раз приходилась на период более интенсивных сельскохозяйственных работ. Заметной группой — 12,7% в социальном составе речников — были мещане. К поискам новых источников заработка их побуждали недостаточность материального обеспечения, переизбыток рабочей силы в городах. Представление о социальном составе водников позволяют уточнить данные о характере их занятий в ненавигационный период. В это время около 1200 (68,8%) рабочих и служащих покидали флот. Этот процент примерно соответствует доле крестьян (77,9%) в социальном составе водников¹²¹.

Большинство речников — 1748 человек (57,3%) — пришли в Западную Сибирь из губерний Европейской России. При этом 1384 человека (79,1%) от числа выходцев европейской части страны составляли жители Вятской и 211 человек (12%) — Пермской

губерний. Сказалось наличие в названных губерниях относительного избытка рабочих вообще и кадров речников в частности. Последнее обстоятельство, в свою очередь, было обусловлено обновлением, технической модернизацией речного флота Волжско-Камского бассейна в 90-е гг. XIX в., что привело к возникновению безработицы в среде рабочих и служащих плавсостава. Важным фактором, благоприятствовавшим притоку рабочих водников из восточного района Европейской России в Западную Сибирь, был приблизительно одинаковый уровень технического состояния речного флота Волжско-Камского (до начала 90-х гг.) и Обского бассейнов. Переход к паровому судоходству в этих регионах был осуществлен практически в одно и то же время, что существенно облегчало адаптацию речников к новым местам работы. Наконец, оказала воздействие относительная географическая близость губерний восточного района к Западной Сибири¹²². Это были районы активного заселения и хозяйственного освоения. Работа на речном транспорте стала важной сферой приложения труда переселенцев, остро нуждавшихся в деньгах.

Важной характеристикой водников является уровень их грамотности и наличие специального образования. Из 2968 членов судовых команд, указавших сведения об образовании, доля лиц, имевших специальную подготовку, была ничтожной — 37 человек (1,2%). На паровом флоте она составляла 36 человек из 1496, т.е. 2,5%. Это были капитаны, машинисты, их помощники, лоцманы, штурвальные. В Западной Сибири подготовка специалистов осуществлялась лишь в Тюменском низшем техническом училище, которое ежегодно направляло на флот не более 2—3 окончивших курс специалистов¹²³. Кроме того, при Тюменском реальном училище и Семипалатинской мужской гимназии были открыты специальные курсы, где обучение велось в основном по воскресеньям и праздничным дням.

Известна программа обучения, принятая на курсах. Среди изучаемых предметов преобладали такие дисциплины, как физика, черчение, основы судостроения и практического судоходства. Учащиеся получали основы технических знаний, необходимых при эксплуатации и ремонте пароходов и непаровых судов. В 1900 г. на курсах при Тюменском реальном училище обучалось 88 человек — по преимуществу это будущие помощники машинистов, рабочие

судоремонтных мастерских: токари, слесари, столяры, чертежники. Профессиональная подготовка основной массы судовых рабочих велась, вероятнее всего, через систему ученичества.

Общая доля грамотных водников была значительно выше, нежели квалифицированных, и составляла 1038 человек (61,3%), в том числе по паровому флоту 620 человек (64,8%). Вместе с тем среди лиц, получивших образование, лишь около трети окончили курс в учебных заведениях, примерно столько же (38,6%) не окончили полноценного курса и около четверти (26,7%) обучались на дому. Более 40% рабочих вообще не владели основами грамоты. Сложное техническое устройство пароходов, характер служебных операций вызывали необходимость наличия у персонала определенного базового образовательного уровня и профессиональной подготовки, поэтому к лицам, поступавшим на пароходы, предъявлялись повышенные требования относительно их образования и профессиональной компетентности¹²⁴. Возрастной состав речников определяла молодежь в возрасте от 21 года до 30 лет, на долю которых приходилось 1311 человек (44,3%) от общего количества членов судовых команд. Среди лиц, работавших на паровых судах, доля молодежи от 21 до 30 лет составляла 680 человек (44,2%), на непаровых судах — 631 человек (41,2%). Преобладание лиц молодого возраста в структуре водников обуславливалось низкой степенью механизации, тяжелыми условиями труда, особенно в навигации, большими энергозатратами¹²⁵. В сочетании с сезонным характером работы, отрывом от постоянного места проживания возрастной состав сказывался на семейном положении речников. Лишь чуть более половины — 1710 человек (56%) — водников имели свои семьи; 1286 (42,1%) речников были холостыми, на долю вдовых приходилось 56 человек (не более 1% от общего состава членов судовых команд)¹²⁶.

Весьма фрагментарная информация имеется по ремонтным рабочим Обь-Иртышского бассейна. Представители этой категории водников концентрировались в мастерских по ремонту судов Томска, Барнаула и Омска. В частности, Г.А.Титов определяет их численность в 3 тыс. человек, 2 тыс. из которых трудились в Омске. Немногое известно и о береговых служащих МПС. К 1917 г. в Западной Сибири на более чем 350 речных пристанях и затонах несли службу не менее 2 тыс. человек, обслуживавших водомерные посты, осуществлявших работы по улучшению фарватеров рек¹²⁷.

По данным 1910 г., на службе в иртышских пароходствах состояло около 2000 человек, а на пристанях Омска трудилось 200—250 грузчиков¹²⁸. В 1913 г. пристанских грузчиков насчитывалось уже около 500. Численность этой категории рабочих постоянно росла. Перед мировой войной в основных портах края — Омске, Новониколаевске, Томске и Тюмени — она достигла в 1911 г. 1260 человек, а в 1913 г. — 2340 человек. По оценке Г.А.Титова, артели грузчиков прибывали в Западную Сибирь преимущественно с Волги — из Самары, Симбирска, а также из Вятки и других городов. Это были представители городских люмпенизированных слоев, а также крестьянство из окрестных мест и переселенцы. Условия труда этой категории рабочих в навигационный период были наиболее тяжелыми. Рабочий день длился 16—17 часов. Заработок составлял 120—140 руб. в навигацию. При этом до 60—70 руб. расходовалось рабочими на питание¹²⁹. В целом, по оценке А.Г.Киселева, общую численность транспортников г. Омска в 1910 г. можно определить в 3 тыс. человек (1/6 часть всех наемных рабочих города)¹³⁰.

До постройки Сибирской железной дороги пароходное сообщение в Обь-Иртышском бассейне развивалось крайне медленно. Ускорение началось в связи с обслуживанием речным транспортом постройки железнодорожного пути. Однако вслед за тем вновь наступило затишье. Новый рельсовый путь оттянул на себя с водного пути некоторые грузы, например, чай; доставка материалов для постройки дороги прекратилась. Некоторое оживление пароходного движения, вызванное постройкой Котласской дороги, открывшей сибирскому хлебу путь к Архангельску, оказалось кратковременным¹³¹.

Относительное затишье на Иртыше продолжалось приблизительно до 1905 г., когда произошло резкое увеличение грузопотоков. Если в 1900—1904 гг. в среднем ежегодно через пристани проходило 7875 пудов грузов, то в 1905 г. — 10992 пуда (140% от названного среднегодового показателя), а за 1905—1909 гг. среднегодовой оборот выразился уже в 12208 пудах. Наконец, в 1910—1913 гг. иртышский флот вступает в новый, еще более интенсивный, период своего развития. Он быстро строится и наращивает обороты, доводя их по омским пристаням до 78571 тыс. пудов (среднегодовой оборот — 19642 пуда, т.е. 249% от среднегодового

оборота 1900—1904 гг.), что превышает аналогичный показатель за 8 предшествующих лет (1900—1907 гг.). По данным пристанского надзирателя, в 1909—1913 гг. к пристаням ежегодно прибывали и отправлялись 1200—1600 судов или, считая в навигации 170 дней, 7—9 судов ежедневно¹³². По данным 1906—1910 гг., омские пристани имели самые крупные обороты в Западной Сибири, составлявшие 18,4% от общего грузооборота пристаней края. В навигацию 1914 г. Омск пропустил грузов столько, сколько Тюмень и Барнаул (или Новониколаевск и Томск) вместе взятые¹³³.

Перед Первой мировой войной Иртыш экономически связывал Омск почти с сотней населенных пунктов. С севера — с устьев рек Туя и Шиша — в город поступали лесные материалы, с юга — главным образом, из Семипалатинска, Павлодара, Черлака — хлеб. В структуре ввоза по реке эти грузы абсолютно преобладали, составляя в 1900—1910 гг. соответственно 68,8 и 9,6%. 4,3% давали продукты животноводства, включая сливочное масло¹³⁴.

Среди вывозившихся грузов доминировали хлеб, земледельческие машины (первый шел на север, вторые, в основном, на юг), сахар и чай. Их доля в структуре вывоза в 1900—1910 гг. равнялась последовательно 23,3; 15,1; 7,6; 7,4%. При этом удельный вес машин значительно перекрыл долю сахара и чая только с 1907 г., времени усилившегося спроса прииртышской деревни на сельскохозяйственный инвентарь¹³⁵.

В целом, вывоз по реке заметно (в 3—6 раз) уступал ввозу. Такая разница образовывалась за счет основных перевозившихся товаров — лесных грузов, в больших количествах потреблявшихся городом и железной дорогой, а также хлеба и продуктов животноводства, предназначенных, прежде всего, для дальнейшей транспортировки уже по железной дороге на запад¹³⁶.

Пересечение крупных водной и железнодорожной магистралей предопределило партнерство двух видов транспорта и значение Омска как перевалочного пункта. Количество грузов, поступивших с реки на железнодорожную станцию и обратно, было значительным уже в 90-х гг. XIX в. В 1897 г. оно составляло 1175 тыс. пудов. А к 1908 г. в Западной Сибири Омск оспаривал первенство в транзитных перевозках у Тюмени¹³⁷. И это несмотря на то, что перевалка товаров осуществлялась в городе крайне нерационально. Транзитные грузы приходилось перевозить между пристанями

в устье Оми и железной дорогой гужом, по немощным улицам, в сырую погоду зачастую утопавшим в грязи. Правительственная комиссия еще в 1898 г. отмечала отсутствие около ст. Омск на берегу Иртыша необходимых приспособлений для приема грузов с воды и передачи их на воду¹³⁸. Ситуация долгое время не менялась. В 1909 г., например, со станции на пристани было отправлено около 500 тыс. пудов сельскохозяйственных орудий, а с пристаней на станцию — 400 тыс. пудов сливочного масла¹³⁹. Годом раньше совещание представителей пароходовладельцев и железной дороги решительно высказалось за желательность устройства гавани и складов на левом берегу Иртыша ниже железнодорожного моста с продлением существовавшей железнодорожной ветки¹⁴⁰. Частичное перемещение сюда транзитно-транспортного центра произошло в предвоенный период. Постройка Тюмень-Омской железной дороги, с соединением ее с Сибирской железной дорогой на разъезде Омск-пост, сделало прилегающий район Левобережья местом крупной оптовой торговли хлебом, попадавшим с реки на железную дорогу¹⁴¹.

Таким образом, индустриальный транспорт оказал сильное культурное воздействие на жизнь людей в Среднем Прииртышье, являвшемся значимой территорией Западной Сибири. Железная дорога и речные пристани Омска были наиболее оживленными районами города. К ст. Омск ежедневно подходили и отправлялись до 29 поездов, обрабатывались сотни вагонов. Но станция находилась на окраине города. Более заметным оживлением отличался район городских пристаней в устье реки Оми. Даже зимой на пристанях не замирала жизнь, осуществлялись ремонтные работы. С началом навигации в атмосфере, царившей на пристанях, не прекращалось биение «пульса торговой и портовой жизни» Омска. Железная дорога способствовала формированию целостной транспортной системы, благодаря которой осуществлялась перевозка грузов и пассажиров, поддерживались социально-экономические связи Среднего Прииртышья с другими регионами и заграницей. В то же время новые линии оказывали влияние на экономическое развитие сибирских малых городов (г. Ишим), их социокультурный облик.

В начале XX в. в городах, расположенных по линии Транссиба, в том числе в Омске, формируется большой отряд железнодорожных рабочих и служащих, значительная часть которого была занята

в Омских главных железнодорожных мастерских. Они стали одними из первых предприятий в регионе с индустриальной организацией производства. Характер эксплуатационной деятельности предприятия предопределил складывание здесь постоянных кадров, а также профессиональную структуру совокупного индустриального работника с высоким удельным весом металлостроителей и соответствующим уровнем профессиональной культуры. Технические сложности производственных процессов, сравнительно высокая степень механизации работ обусловили, с одной стороны, наличие в мастерских хорошо подготовленных специалистов, имевших определенный стаж работы на фабричных предприятиях и железных дорогах, в том числе из губерний Европейской России, обладавших сформированным уровнем культуры трудового поведения. С другой стороны, механизированное производство определяло и основные условия труда: продолжительность рабочего дня здесь была ниже, уровень травматизма, связанного с применением машин, выше, чем на многих менее технологичных городских предприятиях. Этим же объясняется стремление администрации Сибирской железной дороги удержать на месте квалифицированные кадры как в профессиональном отношении, так и в качестве носителей определенной профессиональной культуры. Администрация мастерских пыталась поддержать высокий уровень заработков, систему социального страхования, вела борьбу с нарушениями трудовой дисциплины, чреватых срывом качественного обслуживания Транссиба.

На рубеже XIX—XX вв. на речном флоте Западной Сибири происходит процесс формирования постоянных кадровых сотрудников. Основу социальной структуры речников Западной Сибири составляли представители крестьянского сословия, а также мещане.

По преимуществу это была несемейная молодежь из восточных районов Европейской России, где ощущался переизбыток подготовленных кадров водников, а также губерний и областей Западной Сибири, быстро заполнявшихся переселенцами. Процесс складывания плавсостава в Обь-Иртыском бассейне к началу 1900-х гг. происходил быстрыми темпами. Свыше половины водников участвовали в 6 и более навигациях, 31% находились при судах круглый год. Значительная доля рабочих и служащих, нанимавшихся лишь на период навигации, объясняется прежде всего

сезонным характером труда и только во вторую очередь свидетельствует о некоторой социальной незрелости этого отряда работников. Характерно, что время навигации совпадало с полевым сезоном и, следовательно, основная часть водников, даже крестьян по сословной принадлежности, не могла заниматься сельскохозяйственным трудом.

На речном транспорте Западной Сибири действовали две формы выдачи заработной платы: годовая и навигационная. На годовом содержании находились капитаны, машинисты и их помощники, масленщики, на навигационном — лоцманы, штурвалы, матросы, кочегары. Прослеживается существенная градация уровня оплаты труда представителей названных специальностей. Капитаны, машинисты, лоцманы имели достаточно высокий уровень доходов, помощники капитанов, штурвалы, масленщики — средний, матросы, кочегары — низкий.

Навигационный характер труда, отрыв от постоянного места проживания оказывали влияние на семейное положение речников. В их среде была весьма высока доля холостых лиц, не имевших детей. Доля женатых речников по отношению к холостым была не очень существенна.

Относительно невысокий уровень технической оснащенности флота, в том числе и парового, обусловил преобладание представителей специальностей, не требовавших углубленных технических знаний. Отсюда и незначительный уровень общего образования, специальной подготовки водников, особенно занятых на непаровых судах. Дефицит подготовленных кадров заставлял предпринимателей дорожить квалифицированными работниками, о чем свидетельствуют как размеры заработной платы и продуктового довольствия, так и наличие у МПС системы мер социального страхования. Специфика работы на речном транспорте оказывала определенное влияние на социокультурный облик водников Прииртышья. Капитаны и их помощники, лоцманы, машинисты пароходов, а также часть береговых служащих МПС входили в состав складывающейся прослойки технической интеллигенции края.

Скорее всего, мастерские депо, рабочие железнодорожных и судовых мастерских, а также лица, обслуживавшие подвижной состав на железной дороге и паровые суда, представляли собой

наиболее квалифицированную часть городских рабочих, в том числе в г. Омске.

Железная дорога и западносибирские пароходства способствовали складыванию нового типа совокупного индустриального работника, обладавшего определенной квалификацией и уровнем культуры трудового поведения, формированию прослойки технической интеллигенции края. Железнодорожный и пароходный транспорт, основанный на использовании новых технических достижений, не могли не оказать заметного влияния на образ жизни и сознание горожан, жителей края. Они подчиняли человека определенному ритму, способствовали формированию новых интересов, являлись символами новой надвигающейся индустриальной эпохи. В целом, перевозя грузы и пассажиров, железная дорога играла важную культурную роль, способствуя развитию контактов Европы и Азии, провинции и столиц, формированию нового образа мыслей и уклада жизни, характерных для индустриальной эпохи.

Примечания

¹ Кенге В.И., Нахтман Н.Д. Краткий очерк линии Сибирской железной дороги. СПб., 1908. С. 22—23; Любимов А.А. Административное деление и производственный потенциал железнодорожных станций Омского участка Сибирской и Тюмень-Омской железных дорог // Проблемы социальной и экономической истории Сибири XIX — начала XX вв.: Сб. науч. ст. Омск, 2001. С. 8.

² Любимов А.А. Административное деление ... С. 8—9.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 350. Оп. 48. Д. 89. Л. 1—2.

⁴ Любимов А.А. Административное деление ... С. 9; Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1906 год. Томск, 1908. Вед. № 8.

⁵ Любимов А.А. Административное деление ... С. 9.

⁶ Там же. С. 9; Отчет по эксплуатации Западно-Сибирской железной дороги за 1896 год. Томск, 1900. С. 50—51; Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1906 год. Томск, 1908. Вед. № 8.

⁷ Любимов А.А. Административное деление ... С. 9; Отчет по эксплуатации Западно-Сибирской железной дороги за 1896 год. Томск, 1900; Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1906 год. Томск, 1908. Вед. № 8.

⁸ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. Омск, 1914. С. 36; Любимов А.А. Административное деление ... С. 10; Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1906 год. Томск, 1908. Вед. № 8.

⁹ Любимов А.А. Административное деление ... С. 10.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 11.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. С. 55; Любимов А.А. Административное деление ... С. 11; Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1906 год. Томск, 1908. Вед. № 8.
- ¹⁶ Любимов А.А. Административное деление ... С. 12; Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил губернии. Омск, 1923. С. 270—271.
- ¹⁷ Любимов А.А. Административное деление ... С. 12.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 13.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же; Отчет по эксплуатации Западно-Сибирской железной дороги за 1896 год. Томск, 1900.
- ²⁵ Высочайше утвержденная комиссия по исследованию железнодорожного дела в России. Сибирская железная дорога. СПб., 1912; Любимов А.А. Административное деление ... С. 14.
- ²⁶ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г.; Любимов А.А. Административное деление ... С. 14.
- ²⁷ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г.; Любимов А.А. Административное деление ... С. 14.
- ²⁸ Любимов А.А. Административное деление ... С. 14.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 15.
- ³² Там же.
- ³³ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск на рубеже XIX—XX вв. // Проблемы экономики и социальных отношений Сибири (вторая половина XVIII — 20-е гг. XX вв.): Сб. науч. тр. кафедры отечественной истории ОмГПУ. Омск, 1998. С. 45.
- ³⁴ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г.; Отчет по эксплуатации Сибирской железной дороги за 1906 год. Томск, 1908. Вед. № 8.
- ³⁵ Любимов А.А. Социокультурный облик технической интеллигенции в Среднем Прииртышье на рубеже XIX—XX вв. (на примере сферы индустриального транспорта) // Историческая психология в XXI веке: теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований. Ишим, 2013. С. 100.
- ³⁶ Там же. С. 101.
- ³⁷ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск... С. 40.
- ³⁸ Любимов А.А. Административное деление ... С. 6.

- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Омская губерния. Материалы к познанию производительных сил губернии. Омск, 1923. С. 76—81.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Любимов А.А. Станция Ишим как эксплуатационное предприятие Тюмень-Омской железной дороги // Ишим и Приишимье: страницы истории: Коллективная монография / Гл. ред. С.П.Шилов, отв. ред. И.В.Курышев. Ишим, 2013. С. 64.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога // Создание Великого Сибирского пути / Ю.Л.Ильин, Л.А.Давыдова, А.В.Колесов, В.П.Лукиянин, С.Л.Погодин; Под общ. ред. Ю.Л.Ильина. СПб., 2005. Т. 2. С. 136.
- ⁵⁰ Там же. С. 137.
- ⁵¹ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 65.
- ⁵² Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 137.
- ⁵³ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 65.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 66.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 68.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 137.
- ⁶⁸ Там же. С. 136.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 141.
- ⁷¹ Там же. С. 137; Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. Омск, 1914. С. 155.
- ⁷² Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 141.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 71.

- ⁷⁹ Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 144.
- ⁸⁰ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. Омск, 1914. С. 23.
- ⁸¹ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 71.
- ⁸² Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 144.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. Омск, 1914. С. 33.
- ⁹¹ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 74.
- ⁹² Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 142.
- ⁹³ Там же. С. 141.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 143.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 76.
- ⁹⁸ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. Омск, 1914. С. 251.
- ⁹⁹ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 76.
- ¹⁰⁰ Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 142.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 77.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Краткие сведения по эксплуатации Омской железной дороги на 01.01.1915 г. Омск, 1914. С. 230—231.
- ¹⁰⁵ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 77.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 77.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 78.
- ¹¹⁰ Ильин Ю.Л. Тюмень-Омская железная дорога. С. 146—147.
- ¹¹¹ Любимов А.А. Станция Ишим ... С. 78.
- ¹¹² Там же. С. 80.
- ¹¹³ Там же. С. 78.
- ¹¹⁴ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ... С. 40.
- ¹¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Любимов А.А. Рабочие и служащие речного флота Обь-Иртышского бассейна на рубеже XIX—XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири. Вторая половина XIX — начало XX вв. (На службе у казны и капитала): Сб. науч. ст. Вып. 7. Омск, 2007. С. 52.

- ¹¹⁸ Там же. С. 54.
¹¹⁹ Там же. С. 55.
¹²⁰ Там же.
¹²¹ Там же.
¹²² Там же. С. 56.
¹²³ Там же. С. 57.
¹²⁴ Там же. С. 58.
¹²⁵ Там же.
¹²⁶ Там же.
¹²⁷ Там же. С. 59.
¹²⁸ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ...
С. 45.
¹²⁹ Любимов А.А. Рабочие и служащие ... С. 61.
¹³⁰ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ...
С. 45.
¹³¹ Там же. С. 42.
¹³² Там же.
¹³³ Там же.
¹³⁴ Там же. С. 43; Статистические сведения по городу Омску. Омск, 1911.
С. 25—28.
¹³⁵ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ...
С. 43.
¹³⁶ Там же; Статистические сведения по городу Омску. Омск, 1911. С. 28—30.
¹³⁷ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ...
С. 43; Статистические сведения по городу Омску. Омск, 1911. С. 21.
¹³⁸ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ...
С. 44.
¹³⁹ Весь Омск. Справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. С. 154—155;
Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ... С. 44.
¹⁴⁰ Киселев А.Г., Любимов А.А. «Пароходный» и «железнодорожный» Омск ...
С. 44.
¹⁴¹ Там же.

Раздел 2

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

Глава 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ОБСКОГО СЕВЕРА В 1930-е ГОДЫ (СРАВНЕНИЕ НА ОСНОВЕ ТРУДОВ М.Е.БУДАРИНА И Л.В.АЛЕКСЕЕВОЙ)

С образованием национальных округов — Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого, высылкой сюда раскулаченных крестьян начался процесс развития новых отраслей хозяйства, создание общественных производств и коллективных форм хозяйства по типу общесоюзных в условиях административно-командной системы. Переосмысление отечественной истории XX в. неминуемо требует новых подходов в исследовании прошлого регионов, которые были предприняты в монографиях Л.В.Алексеевой, активно изучающей историю региона в течение последних 20 лет. В своем исследовании «Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация» автор с иных позиций, в отличие от советской историографии, подошла к истории экономического развития региона в 1930-х гг., которое осуществлялось во многом за счет труда переселенцев. Л.В.Алексеева пишет, что высылаемые в северные районы крестьяне предназначались главным образом для освоения обширных лесных массивов и создания сельскохозяйственных колоний. В результате трех этапов крестьянской ссылки для сельскохозяйственных работ было распределено 11400 человек. К марту 1932 г. на территории Остяко-Вогульского округа наблюдалось увеличение числа спецпереселенцев, приписанных к сельскохозяйственным колониям. Их насчитывалось 16,1 тыс. человек. Большая группа спецпереселенцев была занята на раскорчевке леса под пашню. В результате чего произошло увеличение посевных площадей и расширение состава посевов в ряде районов¹. В советские же годы о труде спецпереселенцев в развитии края не упоминалось. Эти материалы находились в архивах под грифом «секретно». В диссертации советского историка-североведа М.Е.Бударина отмечено, что заслуга в развитии сельского хозяйства связывается с бывшими кочевниками, создавшими 50 крупных поселений в округе².

В отличие от посылок советской историографии, исследователь Л.В.Алексеева приходит к выводу, что в начале 1930-х гг., благодаря именно труду ссыльных крестьян, были заложены основы для создания и развития в Остяко-Вогульском округе общественного сельскохозяйственного производства. Как указывает историк, в сравнении с Остяко-Вогульским округом развитие сельского хозяйства в Ямальском округе проходило сложнее. Однако там предпринимались попытки развития овощеводства и скотоводства. Л.В.Алексеева приходит к выводу, что без учета природно-климатических условий насаждение сельского хозяйства в Ямало-Ненецком округе было затратным и неэффективным, а самое главное, с точки зрения экономики, дешевле было привести готовые продукты, чем производить их на месте³. М.Е.Бударин, как и другие советские историки, в своей работе пишет об успешном освоении новой отрасли северного хозяйства — овощеводства⁴.

В 1930-е гг. модернизация на Обь-Иртышском Севере затронула лесное хозяйство, строительство и рыбную промышленность. В Остяко-Вогульский округ, по данным архивных материалов, на которые ссылается Л.В.Алексеева, было направлено около 26 тыс. спецпереселенцев, в Ямало-Ненецкий — около 9 тыс. человек. Из всех традиционных отраслей региона рыбное производство в 1930-е гг. оставалось важнейшей отраслью в обоих северных округах. В этом были единодушны как историки советского периода, так и современные исследователи. Разногласия вызывают показатели улова рыбы на Обском Севере в 1930—1934 гг. Согласно данным Л.В.Алексеевой, в среднем улов составлял 200 тыс. ц рыбы в год⁵. Тогда как в исследовании М.Е.Бударина эти данные в два раза выше — 400 тыс. ц в год⁶. В отличие от других отраслей, роль спецпереселенцев остается приоритетной именно в рыбной отрасли, как отмечает Л.В.Алексеева в своей монографии. Обнаруженные сведения по количеству спецпереселенцев, работавших в рыбном хозяйстве, весьма противоречивы. Всего в обоих округах в рыболовстве было занято в 1932 г. 8 114 человек, из них 4 338 человек являлись спецпереселенцами⁷.

Одновременно с обустройством спецссылки на Обский Север в начале 1930-х гг. местные органы власти начали и проведение коллективизации. Местные власти признали, что население Севера так же, как и на юге, готово к коллективным формам ведения

хозяйства, пишет Л.В.Алексеева в своем труде. Но отмечает, что представленный план совершенно не учитывал особенностей состава населения и хозяйства Севера. В объяснительной записке к плану указывались формы колхозов: товарищество, артель, коммуна. Наряду с созданием колхозов шел процесс раскулачивания. Но на Севере он не приобрел такого размаха, как в целом по стране. Историк указывает, что процесс создания колхозов в Ямало-Ненецком округе развернулся несколько позже, чем в Остяко-Вогульском. В целом, признает Л.В.Алексеева, уровень коллективизации на Севере был самым низким по стране — 15,2%. Исследовательница в своей работе приводит также данные о темпах коллективизации в Ямало-Ненецком и Остяко-Вогульском округах в 1932—1940 гг. Эти данные свидетельствуют о том, что в первой половине 1930-х гг. Ямальский округ по темпам коллективизации значительно отставал от Остяко-Вогульского. Во второй половине 1930-х гг. темпы коллективизации в Ямальском округе возросли в связи с политическими событиями, в результате которых сопротивление ненцев было сломлено. Особенностью коллективизации в Ямало-Ненецком округе являлось создание колхозов преимущественно у рыбацкой части населения и у бедных оленеводов. Артели и товарищества возникли в прибрежных районах Оби, где оленеводство развито слабо. В ряде районов, где нацсоветов не было или они были слабы, колхозы создать не удалось. В своей работе историк затрагивает проблему численности колхозов и охвата ими индивидуальных хозяйств по каждому национальному округу в 1932—1939 гг. По Остяко-Вогульскому округу число колхозов в первой половине 1930-х гг. росло очень медленно. В 1932 г. их насчитывалось 132, к 1939 г. это число увеличилось почти втрое и составило 341 колхоз, среди них 151 сельхозартель, 134 рыбацких артели и 62 простейших производственных объединения. Коллективизированных хозяйств насчитывалось 10539. Коллективизация в целом составила 93,8%⁸. Данная проблема поднималась и в трудах советских историков. В частности, М.Е.Бударин приводит в своем автореферате такие же данные⁹.

Как отмечает Л.В.Алексеева, рост числа колхозов в Ямальском округе происходил очень медленно до 1936 г. С 1931 по 1936 гг. число колхозов увеличилось с 5 до 49. Перелом наступил в 1938 г., когда количество колхозов превысило показатель вдвое и к 1939 г.

их насчитывалось 122¹⁰. В исследованиях советского периода указывается, что перелом в коллективизации наступил уже в начале 1930-х гг. М.Е.Бударин в монографии пишет, что периодом массового объединения в колхозы оленеводов, рыбаков и охотников на Обском Севере были 1932—1933 гг.¹¹

Исследователи советского и современного периодов приходят к единому выводу, что на Крайнем Севере преобладающей формой колхозов оставались простейшие производственные объединения. Это отмечают в своих исследованиях и Л.В.Алексеева, и М.Е.Бударин¹². Современные историки-североведы, и в их числе Л.В.Алексеева, приходят к выводу, что коллективизация в северных районах Западной Сибири определялась политико-экономическими факторами государства, а не туземными традициями, и преследовала одну цель — создание коллективных хозяйств и обобществление имущества. В ее ходе коренное и старожильческое население утрачивало права на землю, пользование угодьями и собственность. Интересы государства и населения края были столь различны, что причины особенностей развития Северо-Западной Сибири, по справедливому замечанию А.В.Головнева, следует искать не в ней самой, а за ее пределами, в общегосударственной политике. Вопросы организации труда, управления, распределения нашли недостаточное отражение в отечественной историографии, поскольку историки преимущественное внимание уделяли проблемам колхозного строительства¹³. Большинство же североведов советского времени, и в частности М.Е.Бударин, придерживались мнения о позитивном влиянии коллективизации на общественное производство. В своей диссертационной работе М.Е.Бударин писал, что индустриализация и коллективизация произвели переворот не только в промыслах северных народностей, но и в умах охотников, рыбаков, оленеводов¹⁴.

Подводя итоги экономического развития региона в 1930—1941-е гг., Л.В.Алексеева пишет, что это время коллективизации, подчеркивая, что вне колхозов оставались зажиточные оленеводы Ямала. Историк М.Е.Бударин же считал, что коллективизация охватила почти все население северных округов. Исследование Л.В.Алексеевой показало, что коллективизация к концу 1930-х г. распространилась на большую часть населения Остяко-Вогульского населения округа и едва ли охватила половину коренного

населения Ямало-Ненецкого. Исследовательница приходит к выводу, что коллективизация не была завершена к началу войны¹⁵, а М.Е.Бударин придерживался мнения, что коллективизация закончилась в 1937—1939 гг. и социалистический уклад стал господствующим¹⁶.

Л.В.Алексеева в своей монографии утверждает, что советской власти удалось наладить общественное производство, хотя колхозы оказались не подготовлены к выполнению своих производственных задач, поскольку им не хватало опыта, средств, умелых руководителей. В хозяйственный уклад аборигенов постепенно внедрялись новые элементы. Вопреки утверждению советских историков, будто коренные народы явились активными участниками социалистического хозяйства, современный историк считает, что они были лишь частично втянуты в него. Наиболее активно, пишет Л.В.Алексеева в своем исследовании, аборигенов использовали на рыбных и пушных промыслах в Остяко-Вогульском округе, тогда как в Ямало-Ненецком большинство ненцев оставалось вне общественного производства. Экономические преобразования их затронули в меньшей степени, поэтому ямальские ненцы сохранили традиционный уклад¹⁷.

Специфические условия Севера, хозяйство и быт коренного населения, мировоззрение традиционного общества оказали прямое влияние на темпы преобразований и их результаты. Попытки организации социалистического хозяйства до крестьянской ссылки оказались тщетны. Изменение хозяйственного облика края стало постепенно происходить лишь с момента организации спецпоселений и развертывания общественных и принудительных производств. Долгое время истинная картина преобразований, цена и их результаты оставались тайной. Общепринятым тезисом истории советского времени являлся быстрый переход народов Севера от патриархальщины к социализму под руководством коммунистической партии. Умалчивалось, кто и как этот переход осуществил, какой ценой он достался и действительно ли коренные народы круто изменили свою жизнь. Лишь те, кто сам побывал на Севере в тот период времени, понимали, как далеки официальные отчеты и заявления от истинного положения дел. К таким выводам приходит историк Л.В.Алексеева в своих исследованиях о модернизации Обского Севера в 1930-е гг.

Примечания

¹ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Монография. Нижневартовск, 2006. С. 182.

² Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма (По материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1957. С. 143.

³ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 184.

⁴ Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 145.

⁵ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 184.

⁶ Бударин М.Е. Коммунистическая партия ... С. 113—114.

⁷ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 185.

⁸ Там же. С. 187—191.

⁹ Бударин М.Е. Социалистические преобразования в национальных районах Севера Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. С. 42.

¹⁰ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 191.

¹¹ Бударин М.Е. Коммунистическая партия ... С. 141.

¹² Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 191; Бударин М.Е. Коммунистическая партия ... С. 156.

¹³ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 192—244.

¹⁴ Бударин М.Е. Прошлое и настоящее ... С. 141; Бударин М.Е. Коммунистическая партия ... С. 141.

¹⁵ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь ... С. 245.

¹⁶ Бударин М.Е. Прошлое и настоящее ... С. 141; Он же. Коммунистическая партия ... С. 141.

¹⁷ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. Екатеринбург, 2003. С. 5.

Глава 2

ДЕТИ КРЕСТЬЯН-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ, ОБУЧЕНИЕ И ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ)

В начале 1930-х гг. прошлого века в Остяко-Вогульский округ прибыли спецпереселенцы — крестьяне, объявленные в ходе сплошной коллективизации кулаками, «элементами социально вредными и опасными для социалистических преобразований в деревне»¹.

Прибывшие спецпереселенцы делились на пять групп: 1 — способные к выполнению любых работ; 2 — способные выполнять только легкие физические работы; 3 — неспособные к физической деятельности, которые при этом могли быть использованы на легких кустарных промыслах и заготовках грибов, ягод и т.п.; 4 — неспособные к труду; 5 — дети до 16 лет².

Последняя группа, т.е. дети спецпереселенцев, на наш взгляд, являлась главной жертвой сталинского произвола.

К 1930 г. детей спецпереселенцев в Уралобласти насчитывалось около 36% от общего количества высланных, о чем свидетельствует проект докладной записки комендантского отдела Уралобласти правительству «О расселении, положении и использовании кулацкой ссылки», подготовленный в марте 1930 г.: «...Общее число сконцентрированных в местах ссылки спецпереселенцев составляет 31 851 семью, 134 421 человек, из коих около 35 000 размещены на территории Тобольского округа. Взрослое население спецссылки составляет 63,8%, остальное количество падает на детей, которых в возрасте до 16 лет имеется 48 491 человек»³.

Из докладной записки комендантского отдела Уралобласти председателю Уральского областного исполнительного комитета от 8 марта 1931 г. следует, что из общего числа спецпереселенцев (134 421) трудоспособных было 56 685 человек, или 42,1%, нетрудоспособных — 29 245 человек, или 21,7%, 36,2% спецпереселенцев приходилось на долю детей⁴.

Это лишь официальные цифры без учета тех детей, которые не дошли до места ссылки, насмерть замерзли на комендантских

пунктах, стоя часами на морозе или в многокилометровых переходах по зимней сибирской стуже; без учета грудных младенцев, убитых своими матерями и брошенных из обозов в снег, чтобы не испытать ужаса той жизни, что уготовила власть их родителям.

Вот только некоторые свидетельства людей, переживших весь кошмар и ужас высылки: «Раскулаченных было много: обоз в несколько десятков лошадей под конвоем тянулся по зимней дороге. Дети плакали от голода и холода и, не вынося всего этого, умирали. Останавливаться и хоронить их не разрешали, оставляли в снегу вдоль дороги» (Л.А.Плахотникова)⁵.

Вспоминает Ишбулат Шарипович Шарипов из с. Сафакулево Курганской области: «15 февраля 1930 г. 500 подвод раскулаченных было отправлено в Тобольск. Целую неделю мы находились в пути. Снег, мороз — страшная картина. Дети в дороге начали болеть от холода и голода. Колонна двигалась на север, изредка останавливаясь на ночлег в селах и для того, чтобы похоронить детей. За неделю их умерло 16. Три месяца мы провели в дороге...»⁶.

Младенцам, которым все же удавалось выжить в жестокой человеческой «свалке» в период выселения, были уготовлены самые тяжелые испытания по прибытию к месту выселения их родителей: «...У моей матери в ноябре 1931 года родилась двойня. На следующий день после родов пришел комендант и стал гнать ее на работу. Она не хотела идти, говорила, что дети заревут и умрут. Но он заявил: “Если не выйдешь на работу, то сегодня же посажу в каталажку, так и так твои кулацкие щенки подохнут”. Делать было нечего, мать вышла на работу, дети, естественно, умерли» (Н.А.Пьянков)⁷.

Примером бедственного положения беременных женщин и грудных детей может служить и тот факт, что необходимая для них медицинская консультация в Остяко-Вогульске была открыта только с 4 марта 1933 г. и работала очень плохо: «...Со дня открытия по 01.08 обслужено при 2-часовой работе в сутки (врач работал по совместительству) рабочих — 124, служащих — 213, застрахованных — 325, работа протекала с перерывами ввиду плохо утепленного помещения, а в морозы работа прекращалась совершенно»⁸.

В консультации детям преимущественно диагностировали заболевания дыхательных путей (грипп с различными осложнениями),

а также желудочные расстройства и рахит. Эти заболевания являлись результатом проживания в холодных и сырых квартирах, а также недостатка, а иногда и полного отсутствия, молока у матерей, кормящих грудью, вследствие скудного питания.

Смертность среди детей была огромна. Множество фактов раскрывают жуткую картину: в Ново-Лялинском районе, например, за 1931 г. родилось 87, а умерло 347 детей, в Гаринском — за два месяца родилось 32, а умерло 73 ребенка⁹.

Отсутствие питания, одежды, жилья, психологические стрессы, потеря близких, все это оказывало тяжелое влияние на оставшихся в живых детях. Приведем лишь некоторые примеры.

Веру Ивановну Жигалюк вместе с родителями привезли в Сургут из деревни Ельцово Казанского района Тюменской области. «...Жилище Веры, в котором кроме нее еще трое детей — сестра и два брата — представляло собой небольшую комнату площадью около двадцати квадратных метров и крохотную кухню... Мебели спецпереселенцы ни своей, ни казенной не имели, поэтому отец смастерил ее из досок. В доме обитали еще три семьи, две из которых, так же как и новоселы, являлись репрессированными. Примерно такое же соотношение между вольными и теми, кто состоял на учете в спецкомендатуре, было во многих других “деревяшках”, стоявших по соседству.

Первое время семья на новом месте жила почти впроголодь. Когда в 1936 году ей удалось завести корову, с продуктами стало полегче, однако их все равно не хватало для того, чтобы детей можно было кормить вдоволь. По этой причине весной они нередко ловили снегирей, из которых мать варила суп. Брат и сестра Веры имели одну пару валенок на двоих»¹⁰.

Из воспоминаний Тамары Коноваловой, дочери репрессированных крестьян деревни Маслянка Велижаненского района: «...В Тобольске сосланных стали развозить по деревням. И лишь к началу лета нас, вместе с другими сосланными, на пароходе отправили дальше на Север. Конечной остановкой явился Малый Алтым. Здесь родители работали на лесозаготовках, строили сами жилье без подручного материала, голодали. Родители удивлялись, как дети маленькие выжили в таких условиях. Даже в то тяжелое время люди помогали друг другу, норма лесозаготовок была восемь куб. метров. Если не выполнишь норму — не получишь пайку: хлеб и муку»¹¹.

Татьяна Ивановна Хатылова, уроженка Иркутской области рассказывает: «...В конце октября три барака построили, начали заселяться. В это время нас осталось четверо: Митя — брат по отчиму (еще мальчик) сбежал, к Марии все приглядывался десятник, обесчестил ее, вскоре она скончалась, отчим умер от недоедания и тяжелой работы. Питались мы летом ягодами, грибами, зимой — промерзшей картошкой. Нанимались работать к местным жителям за картофельную кожуру. Еще обворовывали нас уголовники беглые, съестное и одежду крали. Обзывали нас колонистами, кулаками»¹².

Александр Иванович Юртов был выселен вместе с семьей из Гольшмановского района в Нялинские Юрты: «Местное население не очень-то любило спецпереселенцев, называло “колонками”. Но и в конфликты не вступало, ждало, как же эти люди зимой выживать будут? А выжить и вправду было нелегко: рыбу ловить не могли — не было снастей, жить негде, есть нечего... Собирали ягоды, да еще по триста граммов муки каждый день выдавали коменданты.

... Выкопали мы землянки, устроились, и отправили нас на лесозаготовки: отца в одну деревню, меня, мать и сестренку — в другую. Самое тяжелое испытание — голод. У одной женщины корова была. Меня мать изредка к ней отправляла, а идти километров пять. Тяжело мне эта дорога давалась. Когда домой возвращался, ни есть, ни пить уже не мог. Такой слабый был»¹³.

Анастасия Ивановна Лунина, уроженка Качканарского района Челябинской области, вспоминает о том жестоком времени: «...Иждивенцам давали по 4 кг муки, а остальным по 12. Чтобы не умереть с голоду, в муку добавляли мох, измельченную кору. Летом собирали грибы, ягоды. Смертность была большая, особенно среди детей. Хоронить близких приходилось в Сосновке, в нашем поселке почему-то не разрешали. Уже когда народ совсем истощал, и сил не было хоронить людей, лишь тогда разрешили. Из ссыльных избрали старшего, который следил за порядком и отвечал перед комендантом»¹⁴.

Софья Семеновна Осипенко рассказывает, что «умереть с голоду не дали ханты, живущие по соседству. Помогали, чем могли: снабжали снастями для рыбной ловли, приносили рыбу. ...А вскоре рыбаки поймали никем не управляемый облас, на дне которого

лежал Семен (отец), болезнь победила истощенный организм. С наступлением осенних морозов вслед за отцом ушла новорожденная девочка. Хоронить младенца власти запретили, отдав указ закинуть тело на чердак и ждать появления следующего покойника. Однако несмотря на то, что люди здесь расставались с жизнью довольно часто, на сей раз никто не спешил умирать. Трупик девочки на чердаке замерз. В те годы смерть была настолько обычным явлением, что несмышленные сестры Ириада и Соня лазили на чердак, чтобы, как с куклой, играть с тельцем младшей сестренки. Тяжелобольная мать об этом не знала. После родов лежала, не поднимаясь с постели, мучимая бесконечной мыслью о том, что на чердаке лежит ее мертвая дочь, не преданная земле...»¹⁵.

О необходимости организации яслей с целью хотя бы временной изоляции детей в постановлениях местных партийных и хозяйственных органов писалось неоднократно. На деле же положение детей оставалось особенно тяжелым. Многие из них становились сиротами. Зачастую инициаторами организации детских яслей, детских площадок становились сами спецпереселенцы. Там, где это было возможно, спецпереселенцы делали все, чтобы спасти детей от гибели.

В проекте культобслуживания спецпереселенцев по Уралобласти от 24 февраля 1931 г. № 10 за Тобольским округом закреплялось 3615 детей от 3 до 8 лет, причем детскими садами было охвачено 2 892 человека, на 49 учреждений данного типа приходилось 145 работников¹⁶.

Отчетный документ «Работа по охране материнства и младенчества по Остяко-Вогульскому округу» дает нам полную характеристику положения детей спецпереселенцев дошкольного возраста по состоянию на 1 октября 1933 г.: «...Окружным планом на 1933 год намечено открытие детяслей по округу — 88, из них 30 постоянных и 58 летних с охватом 2 645 детей, в том числе детей спецпереселенцев — 608...»¹⁷.

По районам округа количество детей спецпереселенцев дошкольного возраста составляло: Самаровский район — 179, Сургутский — 45, Кондинский — 99, Березовский — 225, Шурышкарский — 60 человек¹⁸.

Качественная сторона работы детских яслей, по результатам обследования бригадой Окргздравотдела, также была признана

неудовлетворительной. В частности, в Самаровском районе «...плохо подготовлены кадры, недостаточное оборудование помещений и сами помещения не соответствуют ясельным требованиям, нет при яслях изоляторов. Хозяйственные организации не выполняют договора (Самаровский к/комбинат, должен построить помещение под ясли — такового не построил).

...Районные инспектора здравоохранения по охране материнства и младенчества правильной постановке работы таких совершенно не уделяют внимания. На ряд запросов Окргдравотделом сведений по этому вопросу райдравотделы отмалчиваются, несмотря на ряд выговоров, объявленных за непредставление сведений. При таких условиях сведения о ясельной сети приходится собирать всевозможными путями через уполномоченных и работников, приезжающих из районов.

Питание детских ясель проходит по целевому снабжению колхозов. Колхозы имеют овощи, молоко, но хлеба, сахару и крупы не имеют, этим грозит опасность срыва работы постоянных детских ясель»¹⁹.

К сентябрю 1931 г. на Урале насчитывалось 36,8 тыс. детей школьного возраста. К ним причислялись дети в возрасте от 8 до 11 лет, из которых обучалось лишь чуть более 1 тыс. К концу учебного года (март 1932 г.) всеобучем из имеющихся уже 56,2 тыс. детей было охвачено 82,2%²⁰.

Во многих спецпоселках школы не функционировали в связи с недостатком преподавательских кадров, а также в связи с отсутствием помещений для школ. Значительное количество педагогов было из среды спецпереселенцев. На начало 1932 г. они составляли 42,2% от всего педагогического состава. Свидетельством такого положения в Остяко-Вогульском округе является политсводка по Ларьякскому району на 26 сентября 1931 г.: «...Школьная сеть утверждена Краем — 6 школ, из них одна кочевая «Кр. Чум», учителей имеется на 20.09.1931 г. всего 3 чел., будут ли остальные — РИК не знает. Намеченные к открытию школы в Б-Ларьяке, Охтеурии, К-Егане и Тархово не выстроены, хотя в некоторых Тузсоветках имеется заготовленный лес, постройка не производится за отсутствием в районе плотников, найти какие-нибудь помещения в тузсоветках под школы на эту зиму, Пред. Тузсоветов говорят — нет. Приехавшие учителя совершенно никакой работы к учебе не проводят...»²¹.

Еще более сложное положение по линии школьного обеспечения было в Сургутском районе, о чем свидетельствует протокол № 32 заседания Сургутского райкома ВКП (б) от 27.06.1931 г.: «...Школ ни в одном поселке нет, дети школьного возраста нигде не обучаются за исключением отдельных лиц, посещающих школы в местных поселках. В большинстве же в местных поселках в учебе в школах детей спецпереселенцев до февраля м-ца с/г отзывают как детям кулаков. По линии же ОкрОНО по части разрешения школьного вопроса до сих пор ничего не сделано...»²².

Административные органы были обеспокоены этой ситуацией, прежде всего в связи с боязнью негативного политического влияния и зачастую низкого уровня знаний педагогов. Задачи максимального экономического использования спецпереселенцев требовали особого внимания к вопросам повышения уровня их грамотности и профессионально-технического обучения. Поэтому в течение первых двух месяцев 1932 г. была проведена мобилизация части педагогов из ряда регионов страны. Наибольшее число их прибыло с Украины, Северного Кавказа, Белоруссии. Однако в среднем план мобилизации был выполнен только на 61,1%²³.

К примеру, в Самаровском районе по состоянию на 1 декабря 1932 г. имелось 47 школ, из них 35 кадровых и 12 на спецпоселках. Для того чтобы обеспечить все школы района учителями, требовалось 108 педагогических работников, а было только 94 человека. Безусловно, для администрации первоочередной задачей являлось укомплектование кадровых школ. В докладе о состоянии работы по всеобщему начальному обучению в Самаровском районе в разрезе выполнения решения ЦК ВКП (б) на заседании Бюро РК ВКП(б) от 1.12.1932 г. приводились следующие данные: «...Укомплектовано педагогами полностью 34 школы, не укомплектовано 10 школ, не открыто ввиду отсутствия учителей три школы. Всего подлежало охватить всеобщим начальным обучением контингент учащихся на 1932/33 год 3316 человек, из них детей на спецпоселках 957 человек... Охвачено же по состоянию на 1.12.с/г детей спецпереселенцев 664 чел., или 69,5%...»²⁴. Из данного документа можно предположить, что неуккомплектованные и неоткрытые школы относятся к тем, которые находились на спецпоселениях.

Однако даже в тех школах, которые были открыты, был выявлен ряд недостатков. Школы к началу учебного года полностью

не были отремонтированы, не были обеспечены своевременно дровами и инвентарем, не соблюдались сроки начала учебы — школьные занятия начинались не 1 сентября, как это было установлено, а лишь 30 октября.

Точного учета детей дошкольного, школьного возраста и подростков в РайОНО не было. В отдельных школах не было программ и производственных планов, учителя работали в бесплановом порядке.

Не хватало учебников, наглядных пособий, тетрадей и карандашей, а в ряде школ их и вовсе не имелось. Тетрадей почти во всех школах не было, и основная масса школьников писала на газетах. Школьные завтраки в школах не были налажены, были случаи перебоев в снабжении учительства продуктами питания и промтоварами²⁵.

Нехватка педагогов была связана и с тем, что многих из них УралОНО использовало для укомплектования основной сети школ. Но несмотря на все недостатки в строительстве и обеспечении, учебных заведений в спецпоселениях Остяко-Вогульского округа с каждым годом становилось больше.

Наиболее полную характеристику развития образовательной сети учреждений на территории Остяко-Вогульского округа в рассматриваемый период дает следующий документ, представленный в таблице 1.

Таблица 1

Обзор территориального, экономического, политического, хозяйственного состояния Остяко-Вогульского округа с 1931 по 1934 гг. (извлечение)²⁶

Начальный всеобуч

	На 1.07.1931 г.	1931/ 1932 уч. г.	1932/1933 уч. г.		1933/1934 уч. г. (план)
			план	выполнен	
Всего школ	89	150	155	156	170
В том числе: народностей Севера	34	11	44	41	51
смешанных русско-зырянских	50	69	66	67	41
спереселенческих	5	40	45	48	48

Охват общий	3618	7791	10474	10216	12545
В том числе:					
народов Севера	308	1043	1972	1076	1972
русско-зырянских	2489	3827	4518	4695	5643
спецпереселенческих	321	2921	3984	4445	4930

Из таблицы можно сделать вывод, что за период с 1931 по 1934 гг. количество школ в спецпоселках Остяко-Вогульского округа увеличилось почти в 10 раз, а количество учащихся — в 15. В среднем в 1933/1934 уч.г. на одну спецпереселенческую школу приходилось 103 ученика.

Сложнее дело обстояло с детьми других возрастов. Среди подростков 12—16 лет в различных учреждениях обучалось лишь 32,5%²⁷.

По данным учета различных производственных организаций подростки 14—16 лет и старше использовались на работах в рыбной, лесной отраслях, на строительстве и в сельском хозяйстве, а также в кустарном производстве, но по учету входили в число детей.

Свидетельством использования детей в производственной сфере может служить докладная записка «О трудовом использовании спецрабсилы по системе Уралобллестреста и Лесокустсоюза» начальнику ОСП ПП ОГПУ по Уралу тов. Черепанову по состоянию на 1.11.1932 г.: «...Использование рабсилы по линии рыбпромыслов в Березовском, Сургутском и Шурышкарском районах ко всему наличию спецрабсилы, которая закреплена за промыслами, используется трудоспособных мужчин: 3905 чел., женщин — 3263 чел., кроме подростков от 14 до 16 лет, которые по учету входят в число детей, а используются на работах по данным учета промыслов: мужчин — 3687 чел., женщин — 2255 чел., подростков — 681 чел.»²⁸.

Приоритетными отраслями производства в Остяко-Вогульском округе в начале 1930-х гг. являлись рыбная и лесная промышленность. Наиболее полная картина использования детского труда в этих отраслях отражена в отчете начальника Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ Петрова, представленном в виде таблицы.

Таблица 2

**О трудовом использовании спецпереселенцев
в Остяко-Вогульском округе за 1932 г.²⁹**

Наименование предприятий	Количество пос.	Семей	Всего	В том числе			Всего	В том числе		
				Взрослых мужчин	Взрослых женщин	Детей до 16 лет		Мужчин	Женщин	Подростков до 16 лет
Самаровский район										
Леспромхоз	9	1112	5267	1587	1654	2026	1477	1103	265	109
Рыбтрест	1	76	387	114	139	134	127	75	36	16
Интегралсоюз	—	95	497	152	132	213	153	43	15	84
Итого по району	10	1283	6151	1853	1925	2373	1757	1221	316	209
Березовский район										
Рыбтрест	15	1822	8881	2364	2614	3503	3230	2086	726	418
Леспромхоз	5	341	1690	477	539	674	576	391	142	43
Итого по району	20	2163	10571	3241	3153	4177	3806	2477	868	461
Сургутский район										
Леспромхоз	10	926	4040	1343	1266	1431	1216	939	202	75
Рыбтрест	8	1095	4772	1561	1451	1760	1726	1064	514	148
Итого по району	18	2021	8812	2904	2717	3191	2942	2003	716	223
Кондинский район										
с/х «Колонизация»	6	703	3241	1113	1078	1050	1469	930	479	60
Итого по району	6	703	3241	1113	1078	1050	1469	930	479	60
Шурышкарский район										
Рыбтрест	2	289	1468	434	423	611	404	320	66	18
Итого по району	2	289	1468	434	423	611	404	320	66	18

Данные этой таблицы дают нам возможность проанализировать количественную характеристику использования детского труда в основных производственных сферах Остяко-Вогульского округа. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Использование детского труда в производственной сфере
Остяко-Вогульского округа в 1932 г.**

Район	Наименование предприятия	Всего расселено детей до 16 лет	Занято на работе подростков до 16 лет
Самаровский район	Леспромхоз	2026	109
	Рыбтрест	134	16
	Интегралсоюз	213	84
	Итого	2373	209
Березовский район	Леспромхоз	674	43
	Рыбтрест	3503	418
	Итого	4177	461
Сургутский район	Леспромхоз	1431	148
	Рыбтрест	1760	75
	Итого	3191	223
Кондинский район	с/х «Колонизация»	1050	60
	Итого	1050	60
Шурышкарский район	Рыбтрест	611	18
	Итого	611	18

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что за системой рыбной промышленности было закреплено в целом по округу 6008 детей до 16 лет, из них занято на производстве 572 человека. За лесной промышленностью в этот же период был закреплен 4131 ребенок, из них работали в леспромхозе 300 подростков, не достигших 16 лет.

В целом же можно отметить такой факт, что уже в 1932 г. в Остяко-Вогульском округе из общего количества детей спецпереселенцев (11402 человека) в рыбной, лесной промышленности, в Интегралсоюзе и на сельхозколонизации был занят в общей сложности 971 подросток, что составляло 8,5% от общего количества детей, закрепленных за предприятиями округа, и 9,3% от общего количества трудоспособного населения спецссылки.

Историю России изменить невозможно. Так же, как невозможно понять тот произвол, который проводила сталинская администрация по отношению к зажиточному крестьянству в 1930-е гг.

И тем более никакие политические и моральные аргументы не оправдают преступления партии и власти по отношению к детям, женщинам и старикам, составлявшим около половины всех репрессированных.

Примечания

¹ Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.): Сб. документов. Екатеринбург, 1993. С. 13.

² Там же.

³ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 88. Оп. 21. Д. 74. Л. 102.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. документов. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2002. С. 7.

⁶ Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 213.

⁷ Политические репрессии ... С. 7.

⁸ Логачева Н. Обычная история // Новости Югры. 2002. 31 октября.

⁹ Раскулаченные спецпереселенцы ... С. 20.

¹⁰ Атаманенко А. Пропавшее детство Веры Ивановны // Новости Югры. 2004. 18 декабря.

¹¹ Моркель А., Грачева Е. Чтобы помнили... // Новости Югры. 2000. 17 октября.

¹² Генш Н.А. Времена не выбирают... // Новости Югры. 2003. 11 января.

¹³ Логачева Н. Обычная история // Новости Югры. 2002. 31 октября.

¹⁴ Лунина А.И. Время наше // Енисейская Правда. 1990. 8 марта.

¹⁵ Кашина Л. Ореховские переселенцы // Новости Югры. 2006. 5 августа.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 74. Л. 36.

¹⁷ Государственный архив общественно-политических организаций Тюменской области (далее — ГАОПОТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 53. Л. 51.

²⁰ Раскулаченные спецпереселенцы ... С. 20.

²¹ ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 14. Л. 38.

²² Там же.

²³ Раскулаченные спецпереселенцы ... С. 20.

²⁴ ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 115.

²⁷ Раскулаченные спецпереселенцы ... С. 20.

²⁸ ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

²⁹ Там же. Л. 36.

Глава 3

ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА, ОРГАНИЗАЦИЯ И МОТИВАЦИЯ, УЧЕТ И ОПЛАТА ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Планирование колхозного производства

Планирование и учет в колхозах Ханты-Мансийского национального округа в предвоенное десятилетие осуществлялись с большими проблемами. В годы войны этому стали уделять больше внимания. Внутриколхозное планирование имело 3 вида планов: годовой производственный план с приходно-расходной сметой, рабочие планы на отдельные сельскохозяйственные периоды, перспективный план колхоза. Основной формой производственного планирования колхоза являлся годовой производственный план с приходно-расходной сметой. В нем намечались условия для получения высоких урожаев, высокой продуктивности животноводства, своевременного расчета по обязательствам перед государством. Для составления производственных планов необходимо было провести инвентаризацию, разработать нормы выработки и расценки и т.д. После установления объема производства следовало произвести планирование по отраслям¹. Бюро Омского обкома ВКП (б) на заседании от 23 февраля 1942 г. рассмотрело вопрос «О состоянии производственных планов в колхозах». В решении подчеркивалось, что планированию колхозного производства необходимо уделять особое внимание. Давалось указание приступить к составлению годовых производственных планов на 1942 г. и закончить их не позднее 1 апреля². Рабочие планы разрабатывались колхозом на отдельные сельскохозяйственные периоды. Основное внимание в них уделялось распределению рабочей и тяговой силы.

Колхозная отчетность

Отчетный сельскохозяйственный год заканчивался 1 января. Колхозная отчетность отличалась громоздкостью и содержала

такие формы отчетов, как: о ходе коллективизации; о ходе заготовки кормов; о ходе уборки хлебов, сева озимых и взмета зяби; о видах на урожай зерновых и технических культур, трав; о ходе весеннего сева с начала весеннего сева до окончания сева яровых; о ходе взмета паров, прополки, сеноуборки³; годовой отчет колхоза⁴. Годовой отчет являлся самой сложной формой отчета и предусматривал следующие позиции: состав колхоза, выработка трудодней, участие членов колхоза в общественном хозяйстве, производственные бригады и звенья, площадь насаждений, валовый сбор и его распределение, распределение продуктов и доходы от животноводства, выполнение плана и доходы колхоза от полеводства, поставка скота и его продажа, выполнение плана мясopоставок, выполнение госплана развития животноводства, число подсобных предприятий, важнейшие сельскохозяйственные машины и орудия, распределение доходов, наличие продуктов в колхозе и их покупка, средства капиталовложений, средства на культурные нужды и их расход, средняя выдача колхозникам на 1 трудодень, баланс колхоза.

По данным на 2 февраля 1943 г. отчеты предоставили 168 колхозов округа, т.е. чуть больше половины⁵. 28 марта 1943 г. Омский ОБЛЗО издал приказ № 88 «О приемке и разработке годовых отчетов колхозов», согласно которому районы должны были представить сводные годовые отчеты по колхозам в ОБЛЗО⁶. На протяжении всех военных лет колхозная плановая и отчетная работа осуществлялась с большими проблемами, поскольку повсеместно отсутствовали экономисты, квалифицированные бухгалтеры, однако она все же велась на том уровне, на каком это было возможно в тех условиях.

Режим, условия труда и трудовая дисциплина в колхозах

Основным регулятором внутриколхозной жизни формально выступал устав. С началом войны его роль несколько снизилась, поскольку руководящий характер приобрели документы вышестоящих органов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» ужесточил трудовую дисциплину. Руководители сельхозпредприятий имели право устанавливать обязательные сверхурочные работы от 1 до 3 ч в день⁷.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней и мобилизации на сельхозработы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» повысило годовой минимум трудодней для колхозников с 80 до 120, для подростков (от 12 до 16 лет) — не менее 50. Каждому подростку выдавалась трудовая книжка⁸. Если трудоспособные колхозники без уважительных причин не вырабатывали обязательный уровень трудодней, их должны были по приговору народного суда привлекать к исправительно-трудовым работам в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты 25% трудодней в пользу колхозов. Если колхозник выбывал из сельхозартели, то он лишался приусадебного участка. Омским ОБЛЗО были разработаны правила внутреннего распорядка для сельскохозяйственных артелей области. В них подчеркивалось, что все работоспособные члены артели, а также подростки обязаны работать. Работы в личном подсобном хозяйстве рекомендовалось выполнять в свободное от колхозных работ время. Устанавливался порядок организации работ бригад и звеньев. Распорядок трудового дня варьировался в зависимости от сезона работ. Все виды работы, как правило, начинались с рассветом и продолжались до темноты. Время отдыха состояло из перерыва на завтрак и обед⁹. Анисимова Анна Ивановна (д. Мега) работала дояркой. «В 4 часа утра уходила на дойку. Детей своих почти не видела. Дети так редко видели мать, что бабушку называли мамой. Новосельцева Марина Андреевна после окончания курсов овощеводов в 1940 г. стала бригадиром. Приходилось самой пахать, учить хантов земледелию. Работала с подростками. Не все они понимали значение работ. Редко, но встречалась халтура, приходилось за ними работу переделывать»¹⁰.

На заседании бюро окружкома ВКП (б) 1 июля 1941 г. рассматривался вопрос «О развертывании агитационно-массовой работы в период военного положения страны». В протоколе отмечено: «Учитывая особенности округа как места пребывания большого количества спец и трудпереселенцев бюро Окружкома обращает особое внимание секретарей райкомов на усиление революционной бдительности, против всех форм проявления диверсии и вредительства, против разрушения и расхищения государственного и колхозного, кооперативного имущества, на усиление охраны

социалистических предприятий»¹¹. В борьбе с нарушителями трудовой дисциплины, дезорганизаторами, саботажниками повышалась роль органов следствия и суда. В округе имели место случаи уклонения от государственной трудовой повинности и уплаты налогов. «Отлынивание от работы в колхозе рассматривалось как преступное нарушение священной обязанности по защите Родины и приравнялось к измене Отечеству», — так писал И.Лаптев¹².

10 апреля 1942 г. на имя секретаря окружкома ВКП (б) Кулагина поступила докладная записка от начальника Ханты-Мансийского окружного отдела НКВД, старшего лейтенанта госбезопасности Фефелова «Об употреблении гражданами п. Алехино, Долгое Плесо, Сивохребт Самаровского района павшего скота в пищу». В документе сообщалось о падеже скота от истощения, о хищениях овса возчиками, конюхами, кладовщиками. «Лошади стоят под открытым небом, поятся, когда “Бог на душу положит”, телята и другой молодняк содержатся в грязи, сырости и т.д. Трудовая дисциплина в этих колхозах расхлябана до невозможности, колхозники на работу регулярно не выходят, а председатели колхозов занимаются уговорами колхозников». В документе сообщалось о плохом снабжении населения продуктами первой необходимости. Они получали только хлеб — 500 г на работающего и 400 г на иждивенца. Фефелов писал, что люди «исключительно бледные, а дети похожи на рахитиков». «Счетовод Долгоплесовского колхоза Быков (темная, непроверенная личность) говорил: “В колхозе работать невыгодно, т.к. трудодень дешевый, нужно работу бросать”, счетовод Сивохребтовского колхоза Иванов: “Население вынуждено потреблятьдохлый скот в пищу ввиду голода, потому что хлеба дают мало, а других продуктов совсем нет”»¹³.

Примеры низкой трудовой дисциплины привела В.И.Сподина, изучив протоколы собраний Нижневартовского сельсовета. В них отмечалось отсутствие дисциплины у колхозников, слабый контроль председателей за выполнением устава сельхозартелей. Например, в колхозе им. Калинина пастух был послан за покупкой скота. В результате его безответственного отношения, как указано в документе, «10 голов пало, шкуры продал, деньги израсходовал, а колхоз ему начислил еще и трудодни»¹⁴.

Преобладали методы убеждения, а не карательно-административные меры. Применение репрессивных санкций не получило

широкого распространения, хотя и случалось. Так, за 1941 г. окружной прокуратурой было санкционировано привлечение к уголовной ответственности 51 человека из колхозного актива, в том числе 24 председателя колхозов, 8 членов правления, 6 бригадиров, 13 заведующих фермами¹⁵.

Организация труда в колхозах

В годы войны в русле стратегии организационно-хозяйственного укрепления колхозов была предпринята попытка окончательно сформировать бригадную форму труда. Бригада рассматривалась как средство борьбы с «обезличкой» в колхозе, она должна была стать постоянной производственной единицей с закреплением за ней определенных полевых участков, рабочего скота и инвентаря. Бригадир наделялся большими полномочиями. Он подбирался правлением из числа лучших колхозников. Важнейшими требованиями являлись политическая грамота и квалификация. Бригадир составлял план работы бригады. Основная обязанность бригадира — обеспечение выполнения агротехнических работ. Распоряжения бригадира следовало выполнять безоговорочно. Бригада должна была иметь полевой стан, что повышало эффективность ее работы. Внутри полеводческой бригады формировались звенья, состоявшие из 6—10 человек. Бригадир должен был равномерно распределить производственную нагрузку между ними. Звеньевой подчинялся непосредственно бригадиру¹⁶.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 18 марта 1943 г. «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 г.», подчеркивалось, что в колхозах окрепла трудовая дисциплина, колхозники стали лучше выполнять нормы выработки¹⁷. По сведениям отчета Омского обкома ВКП(б) за 1940—1943 гг., представленного в ЦК ВКП (б), бригада как основная производственная единица и лучшая форма организации труда прочно закрепилась в колхозном производстве, однако в ХМНО указанная форма не получила такого распространения как в целом по Омской области. В полеводстве проблема перестройки организации труда рассматривалась Ханты-Мансийским ОКРЗО и окрисполкомом по итогам 1943 хозяйственного года. Обнаружилось, что практически отсутствовали постоянные полеводческие бригады и звенья.

Планировалось иметь 200 постоянных полеводческих бригад и 260 полеводческих звеньев, фактически не имелось ни тех, ни других¹⁸. Предлагалось в 1944 г. организовать в каждом колхозе полеводческие бригады и звенья¹⁹. На 1 января 1945 г. в колхозах округа, как следует из сводного годового отчета, насчитывалось 93 полеводческие бригады (в них работало 2 189 человек), 21 огородная бригада (137 человек) и 30 прочих сельскохозяйственных бригад²⁰. Б.У.Серазетдинов утверждает, что в большинстве колхозов были созданы постоянные полеводческие бригады и звенья²¹. Документы свидетельствуют и об обратном. Например, агроном Жуков Ларьякского района в передовой статье, посвященной подготовке к посевной кампании 1945 г., сообщал: «...постоянных полеводческих бригад и звеньев почти нет ни в одном колхозе»²². Ю.П.Прибыльский считал, что в годы войны была завершена коллективизация в районах с оседлым населением. К 1 января в ХМНО колхозы объединяли 95% индивидуальных хозяйств²³. В 1941 г. в округе насчитывалось 153 сельхозартели, в 1942 г. — 149, в 1943 г. — 60²⁴. В 1944 г. в округе было 299 колхозов, из них 67 сельскохозяйственных²⁵.

Имел место процесс организационного перевода с одной формы колхоза на другую. Например, вопрос «О хозяйственном направлении колхозов Сургутского района» рассматривался на заседании окрисполкома 15 декабря 1941 г. Из протокола следует, что в целях дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов и полного освоения имевшихся угодий шел процесс перевода с устава сельхозартелей на уставы рыбартелей и наоборот, а также с устава сельхозартели на устав кустарно-промысловой артели. Окрисполком принял решение оставить на уставе сельхозартели с мясо-молочным овощным направлением 8 артелей Сургутского района, а 13 артелей, наоборот, переводились с сельхозустава на другие уставы²⁶.

Организация труда в животноводстве базировалась на традиционных методах с низкими темпами роста производительности труда или их отсутствия. Такой подход требовал увеличения рабочей силы. При ее дефиците рассчитывать на повышение производства сельхозпродукции было неэффективно и нереально. Увеличение размера животноводческой фермы имеет предел. Специфика отрасли такова, что она ограничивает возможности создания

особо крупного производства. При организации животноводческой фермы следовало учитывать породу животных, способ их содержания, возможности кормовой базы, утилизацию навоза, кадры, особенности реализации продукции, наличие путей сообщения²⁷. Модель организации труда в животноводстве еще не соответствовала зоотехническим основам²⁸. Всем председателям колхозов следовало установить на колхозных фермах твердые правила внутреннего распорядка. По итогам 1943 сельскохозяйственного года отсутствовала требуемая в колхозах организация труда. Не были созданы постоянные производственные бригады и звенья. На одном из заседаний окрисполкома отмечалось, что даже специально подготовленные кадры полеводства зачастую не работали в сельском хозяйстве, а использовались на других работах²⁹. Документы содержат достаточно примеров о низкой культуре организации труда в колхозах. Например, в Мануйловском колхозе «Искра» в Самаровском районе все дела были пущены на самотек³⁰. В передовой статье окружной газеты, посвященной организационно-хозяйственному укреплению колхозов, отмечалось, что в колхозах Цынгалинском, Батовском, Реполовском очень плохо организован труд, не существует постоянных производственных бригад, не организован учет³¹. Плохо обстояло дело и с хранением тяжелым трудом полученного урожая. Так, в колхозе им. Молотова (Самаровский район) кладовщик Овсянкина в зиму 1944/45 г. допустила замораживание 11 т семенного картофеля³².

Трудовая мотивация

Система мотивации труда в годы войны представляла собой взаимодействие экономических и политических институтов при доминировании последних. Функционирование политических институтов базировалось на применении норм и методов, направленных на сохранение сложившейся в стране экономической системы и стереотипов общественного сознания, сформированного с помощью идеологии. Методы политического управления сочетали убеждения с репрессиями, политику вмешательства в технологию производства со стремлением к повышению образованности и культуры населения, при этом имело место ограничение их инициативы рамками идеологии. Патриотический подъем являлся

сильнейшим мотивационным фактором труда. Документы полны примеров самоотверженного труда югорчан. Добросовестное отношение к производственным обязанностям демонстрировало подавляющее большинство населения округа.

Производственные соревнования

Еще в довоенный период оформилась система организации социалистического соревнования на производстве, в меньшей степени она распространялась на колхозы округа. В годы войны соцсоревнование являлось мощным средством повышения производительности труда, а также одной из форм мотивации труда. Соревновались практически все — сельхозпредприятия, бригады, звенья, фермы. Существовало несколько уровней организации соцсоревнования: всесоюзный, всероссийский, региональный (на уровне области), местный. Условия Всесоюзного социалистического соревнования за высокий урожай и дальнейший подъем животноводства ежегодно публиковались в средствах массовой информации. Победителями признавались те, кто перевыполнил план, обеспечил высокое качество, без потерь собрал урожай, сохранил поголовье, выполнил государственные поставки по животноводству³³. Во Всесоюзном соревновании участвовали МТС, МТМ и мотороремонтные заводы. Для них разрабатывались специальные условия, сводившиеся главным образом к перевыполнению заданий и снижению затрат. Заключались договоры между районами, внутри районов между отдельными колхозами. Например, договор соцсоревнования Сургутского района с Микояновским содержал 23 пункта обязательств по земледелию и 8 пунктов по животноводству³⁴.

Соревнования также различались по времени. Они носили как краткосрочный (к какому-либо общественно значимому событию, призыву, кампании и т.п.), так и долгосрочный характер (до 1 года). Ежегодный всплеск краткосрочного соцсоревнования происходил в канун празднования годовщины Октябрьской революции, Дня Красной Армии. В протоколе заседания бюро окружкома ВКП (б) от 8 октября 1941 г. отражен вопрос об организации предоктябрьского соревнования в колхозах, совхозах и учреждениях округа, чтобы встретить 24-ю годовщину Октябрьской социалистической

революции новыми трудовыми подвигами, дальнейшим объединением всех сил на разгром врага³⁵. На заседании бюро окружка ВКП (б) 17 сентября 1942 г. вопрос о предоктябрьском социалистическом соревновании рассматривался первым номером. По вопросу было принято следующее постановление: «1. Обязать райкомы ВКП (б), начальников политотделов МТС....:

а) широко развернуть массовую разъяснительную работу среди ... колхозников ... о включении ... колхозов ... в предоктябрьское социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов 1942 г. по ...уборке урожая, заготовке сельскохозяйственных продуктов...

2. Бюро окружка ВКП (б), отмечая хорошую работу передовых колхозов округа., обращает внимание, что каждый колхоз, МТС ... имеют все возможности выполнить свои обязательства перед государством к 25 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»³⁶.

В годы войны приобрели особую популярность общественные призывы, обращения, направленные на улучшение производственных показателей, досрочное выполнение планов. Так, «Обращение рабочих, служащих, инженерно-технических работников Омского паровозо-вагоно-ремонтного завода» широко было подхвачено в округе и направлено на организацию соцсоревнования с тем, чтобы досрочно выполнить годовой план 1941 г.³⁷ Соревнования охватывали как целые коллективы, так и отдельные бригады, звенья, людей. Сфера соревнующихся охватывала отдельные отрасли производства. В протоколе № 120 заседания бюро окружка ВКП(б) от 28 апреля 1942 г. указывалось на необходимость организации соцсоревнования у работников маслозаводов. 22 октября 1941 г. бюро окружка ВКП (б) по вопросу о ремонте тракторов МТС в своем постановлении отметило необходимость организации соцсоревнования как между МТС, так и среди ремонтных бригад за досрочное выполнение графика ремонта тракторов. Например, условия социалистического соревнования трактористок МТС ХМНО в сезон работ 1942 г. включали следующие основные положения: выполнить план каждой трактористкой на 115%; экономить не менее 10% горючего; обеспечить образцовый технический уход, работать без простоев и аварий; обеспечить бесперебойную работу трактора не менее 22 ч в сутки.

За соревнующимися устанавливался контроль с целью проверки выполнения взятых обязательств, организовывалось освещение хода соревнования на доске показателей и в окружной газете «Сталинская трибуна». Итоги соревнования подводила специальная комиссия. Наградой победителю было переходящее Красное знамя³⁸.

13 апреля 1945 г. исполком Тюменского областного совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП (б) приняли постановление «Об условиях социалистического соревнования районов МТС, колхозов, совхозов, сельсоветов и тракторных бригад на весеннем севе». Это было областное социалистическое соревнование. Главная награда — переходящее Красное знамя, кроме этого предусматривалось материальное вознаграждение. Району, занявшему первое место, полагалась премия 10 тыс. руб., второе место — 7 тыс. руб., третье место — 5 тыс. руб. Колхозу, занявшему первое место, — премия 3 тыс. руб., второе место — 2 тыс. руб., третье место — 1 тыс. руб. МТС, занявшей первое место, — премия 5 тыс. руб., второе место — 3 тыс. руб., третье место — 2 тыс. руб. В постановлении на этот счет указывалось, что одновременно с вручением присужденных премий за весенний сев премируются руководители района, заведующий РАЙЗО и главный агроном. За первое место района — кожаное пальто, костюм и сапоги; за второе место — кожаное пальто и сапоги; за третье место — костюм и сапоги. Руководство МТС в случае победы получало: кожаное пальто и отрез на костюм за первое место; костюм и ботинки — за второе место; отрез на костюм — за третье место. Вознаграждение предусматривалось и сельсовету, председателю колхоза, тракторной бригаде, но более скромное³⁹.

Учет и оплата труда колхозников

Учет в годы войны приобрел большее значение, чем накануне. В 1941 г. вышла специальная книга «Новое в колхозном учете»⁴⁰, ставившая своей целью не только нормализовать колхозный учет, но и ввести расчеты по дополнительной оплате труда. Книга содержала такие разделы, как «Новое в учете в растениеводстве», «Новое в учете в животноводстве», «Расчеты по дополнительной оплате труда бригадиров, звеньевых и заведующих фермами». Новый порядок оплаты труда требовал учета урожая культур по

звеньям и бригадам, предполагал ведение новых форм ведомостей и книг. В животноводстве также требовалось вести учет продукции, плановых заданий и их выполнения⁴¹. Регулярно вопросам учета посвящались публикации в центральных сельскохозяйственных журналах, формулировались рекомендации, издавались учетные формы. Специальная статья, посвященная колхозному учету, подготовленная старшим специалистом ГУ колхозного строительства НКЗ СССР А. Красновым, ставила своей целью довести до колхозов основные правила учета. Учет труда в полеводческих бригадах вел бригадир (ведомость). Счетовод колхоза вел учет выработанных трудодней в «Книге учета трудодней колхозников», на каждого колхозника открывался лицевой счет. Месячные итоги трудодней переносились в раздел «Выработка трудодней за год»⁴². С середины войны колхозному учету стали придавать еще большее значение. В центральной печати подчеркивалась крайне неудовлетворительная постановка колхозного учета⁴³.

Учет в колхозах округа был поставлен крайне неудовлетворительно. В 1942 г. в округ не поступили ни книги по колхозному учету, ни другие бланковые материалы к отчетности. По данным на 22 мая 1942 г. 38 колхозов не были обеспечены книгами учета, а это значит, что фактически не вели учет; в 6 колхозах учет был запущен с отставанием на месяц; в 27 колхозах учет не велся с начала года, а в 38 колхозах работникам не выдавали трудовых книжек и соответственно не учитывали их труд⁴⁴. В колхозах округа существовала натуральная и денежная оплата, складывавшаяся из начислений по трудодням. В довоенный период минимальное количество трудодней для колхозника составляло 80. В годы войны обязательный минимум был расширен до 120 трудодней, для подростков и членов семей колхозников — 50. Колхозы обязаны были выдавать подросткам трудовые книжки и отмечать в них трудодни⁴⁵. Окрисполком обязывал осуществлять оплату труда в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 427 от 3 марта 1941 г. «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Омской области»⁴⁶. В данном постановлении отмечалось: «Рекомендовать колхозам, начиная с 1941 г., выдавать дополнительно сверх установленной оплаты трудодней или оплачивать деньгами часть продукции, полученной сверх плановых заданий»⁴⁷.

Бюро ВКП(б) Омской области и облисполком 25 сентября 1941 г. приняли постановление о правильности расчета с гражданами, привлекаемыми на сельхозработы. На основе данного постановления 3 декабря 1941 г. Окрисполком вынес соответствующее решение. Лица, привлекаемые к сельхозработам, получали среднюю зарплату по месту основной работы⁴⁸.

В животноводстве оплата труда колхозников осуществлялась в соответствии с инструкцией НКЗ СССР и постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 марта 1941 г. В решении окрисполкома от 31 декабря 1941 г. говорилось о пересмотре оплаты труда на животноводческих фермах⁴⁹. Апрельское постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР предписывало скорректировать оплату труда в животноводстве. Так, колхозникам, обслуживавшим скот и лошадей на отгонных пастбищах, рекомендовалось начислять трудодни в размере 50% от установленной нормы. В постановлении содержался специальный раздел о премировании зоотехнических и ветеринарных работников райземотделов за выполнение годового плана развития животноводства⁵⁰. Заведующим фермами и правлениям колхозов предписывалось четко вести учет труда и продукции, установить нормы выработки и за перевыполнение этих норм, повышение продуктивности обеспечить колхозникам дополнительную оплату их труда натурой согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 марта 1941 г. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 марта 1943 г. содержало рекомендации о начислении единовременного поощрения от 10 до 30 трудодней заведующим животноводческими фермами и старшему конюху, обеспечившим максимальное накопление, правильное хранение и своевременную вывозку всего накопленного навоза на поля⁵¹.

26 марта 1943 г. Омский ОБЛЗО издал приказ № 85 «Об упорядочении учета, хранения и распределения трудовых книжек», где требовалось в 15-дневный срок провести учет наличия трудовых книжек, проверку правильности их выдачи и хранения, установить систематический контроль за состоянием учета в колхозах⁵². В материалах второго пленума окружкома ВКП(б) (4—5 августа 1945 г.) отмечалось, что в Зеньковском колхозе им. Р.Люксембург Самаровского района в 1944—45 гг. колхозники не получили натуроплаты по трудодням⁵³.

Доходы сельскохозяйственных артелей

Средства артели состояли из нескольких фондов: неделимый, семенной, фуражный, продовольственный и страховой, фонд помощи. Принято считать, что важнейшим показателем развития колхозного хозяйства является рост неделимых фондов и доходов колхозов.

Таблица 1

**Динамика роста неделимых фондов
сельхозартелей ХМНО за 1942—44 гг., руб.**

1942	1943	За 10 мес. 1944 г.	В % к 1942 г.
7 105 837	8 663 700	9 220 000	31%

Лучшие показатели по увеличению неделимых фондов продемонстрировали колхозы Кондинского района. За 10 месяцев 1944 г. они дали рост неделимых фондов на 43%. В сельхозартелях Самаровского района рост составил 789 тыс. руб. (или 30%)⁵⁴.

Таблица 2

Валовые доходы сельхозартелей округа в 1942—43 гг., руб.⁵⁵

Доходы от	1942 г.	1943 г.
полеводства	4 056	5 791,9
животноводства	83 624	6 152,0
рыбодобычи	9 229	8 130,0
охоты	238	836,5
звероводства	33,7	—
оленоводства	297,8	868,2
извоза	3 362,3	2 787,0
Прочие доходы	4 537,4	3 640,0
Итого	25 547,0	28 406,3

Следовательно, валовой доход по колхозам увеличивался. В 1943 г. он вырос по сравнению с 1940 г. на 33%, к 1942 г. — на 7,3%. За период 1943—44 гг. доходы сельхозартелей выросли на 33%⁵⁶. Очевидна хоть и незначительная, но все же положительная динамика роста денежных доходов: 1942 г. — 25547,0, 1943 г. — 28 406,3, 1945 г. — 29 443 тыс. руб.⁵⁷ В сельхозартелях стал

меняться удельный вес доходов по отраслям хозяйства. Окружком ВКП (б) было обследовано 5 сельхозартелей в Сургутском районе. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Удельный вес доходов в сельхозартелях
в Сургутском районе (1940—1944 гг.), %⁵⁸**

Годы	Поле-водство	Животно-водство	Рыбо-добыча	Пушнина	Прочие	Итого
1940	3,6	26,7	8,4	0,7	61,0	100
1941	29	30,8	10,4	1,1	54,8	100
1942	16,1	22,1	18,2	0,9	42,7	100
1943	21,6	29,1	22,1	0,5	26,7	100
1944	23,3	30,8	16,1	0,2	29,6	100

Очевиден некоторый рост доходов от полеводства и животноводства, особенно в период 1942—44 гг. Примеры отдельных колхозов подтверждают указанную тенденцию.

Таблица 4

**Удельный вес доходов по отраслям в колхозе «Новый путь»
(Большой камень, Микояновский район) в 1940—1944 гг., %⁵⁹**

Год	Поле-водство	Животно-водство	Рыбо-добыча	Пушнина	Прочие	Итого
1940	10,8	13	0,3	0,2	75	100
1943	58,9	10,9	15,9	—	13,5	100
1944	34,2	17,3	19,5	—	26,0	100

Нормы выработки

Выработка трудодней, норма выработки и оплата в денежном выражении, а также распределение продукции сельского хозяйства на трудодень в различных колхозах варьировались. А.С.Шевляков заметил, что большинство трудоспособных колхозников зарабатывало по 200—300 трудодней. Выработка превышала установленные правительством объемы в 2,2 раза⁶⁰.

Сводный годовой бухгалтерский отчет за 1941 г. дает информацию о выработке трудодней в 148 сельскохозяйственных колхозах ХМНО.

Таблица 5

Выработка трудодней сельскохозяйственными артелями за 1941 г.⁶¹

Вид работ и сектор	Начислено трудодней
Растениеводство	812,2
Уход за рабочим скотом	266,3
Работа на товарных фермах	647,7
Строительство	100,9
Прочие работы	344,7

Больше всего трудодней было начислено за работу в земледелии и на животноводческих фермах.

Таблица 6

Количество трудодней, выработанное колхозниками за 1941 г.⁶²

Количество трудодней	Число колхозников
До 50	3 332
51—100	2 566
101—200	3 653
201—300	3 024
301—400	2 563

Эти данные свидетельствуют о том, что 1/3 часть колхозников не выработывала даже минимум трудодней.

Таблица 7

Количество трудодней, выработанное колхозниками за 1942—43 гг. в % ко всему количеству колхозников⁶³

Количество трудодней	1942 г.	1943 г.
До 50	7,5	5,1
51—100	15,5	16,5
101—300	38	40,4
300—400	10	14,2
Свыше 400	8,5	10,5
Не выработавшие минимума трудодней	19,8	13,2
Не выработавшие ни одного трудодня	0,5	0,1
Итого	100	100

Возросло количество колхозников, выработавших максимальное число трудодней, уменьшился процент колхозников, не выработавших минимум трудодней. Однако данные таблицы показывают, что были колхозники, не желавшие работать.

Таблица 8

Выработка трудодней сельскохозяйственными артелями за 1943 г.⁶⁴

Количество трудодней	Выработано колхозниками-мужчинами	Выработано колхозниками-женщинами
До 50	11	132
51—100	52	192
101—200	142	827
201—300	379	1053
301—400	251	864
Свыше 400	510	421

Всего работало 1 345 мужчин и 3 489 женщин. Почти 400 человек не выработали минимума трудодней. Распространенной тенденцией являлась невыработка установленных норм трудодней. Так, в Цынгалинском колхозе нормы выработки в полеводстве выполнялись лишь некоторыми колхозниками. В Окружной газете на этот счет отмечалось: «Хорошие люди не поощрялись, а лодыри не привлекались к ответственности»⁶⁵.

Таблица 9

Нормы выработки и расценки в трудоднях по колхозам Кондинского района в 1945 г.⁶⁶

Вид работ	Норма, га	Оценка в трудоднях
Пахота	0,75	1,75
Боронование	4,50	1,50
Посев	5,50	2,0
Посадка картофеля:		
вручную	0,09	1,25
под плуг	0,30	1,25
Косьба травы:		
вручную	0,50	1,75
машинная	3,50	1,75
Сгреб сена		
вручную	1,25	1,25
машинный	6,5	1,25

Косьба хлеба		
вручную	0,75	1,50
машинная	4,0	2,0
Молотьба	5,0	—
Вывозка навоза, кг	256	1,50
Вывозка сена, т	2,5	1,50
Жатва серпом	0,10	1,50
Копка картофеля	0,10	1,25

Существенной разницы в оценке различных видов сельскохозяйственного труда не наблюдалось.

Данные о среднем количестве трудодней, выработанных за год в колхозах округа, представлены в таблице 10.

Таблица 10

**Среднее количество трудодней,
выработанных колхозниками ХМНО за 1945 г.⁶⁷**

Район	Количество трудодней
Самаровский	276
Кондинский	271
Микояновский	269
Сургутский	249
Ларьякский	243
Березовский	229

В среднем по округу на одного колхозника было выработано 257 трудодней.

В таблице 11 представлены данные о выработке трудодней в сельхозартелях, по сведениям годового бухгалтерского отчета за 1945 г.

Таблица 11

Выработка трудодней в сельхозартелях округа за 1945 г.⁶⁸

Число колхозников	Выработавших трудодни
1 967	До 99
429	100—119
1405	120—200
1314	201—301
863	301—400
916	Свыше 400
140	Ни одного трудодня

По-прежнему оставалось значительное количество колхозников, не выработавших минимум трудодней (2396 человек) и вовсе не участвовавших в колхозном производстве (9140 человек). Так, в Реполовском колхозе 17 человек за 1944 г. не выработали минимум трудодней⁶⁹.

Распределение доходов на трудодень

К распределению доходов готовились заранее. Осуществлялась сверка трудодней, правильность записей, для этого создавались ревизионные комиссии. Установка была на то, чтобы ни один трудодень не остался неучтенным и неоплаченным⁷⁰. В колхозах проводилась инвентаризация. После уплаты обязательных поставок государству, засыпки семян, фуража, создания страхового, семенного, продуктового и фуражного фондов начиналось распределение натуральных доходов. Распределять было в большинстве случаев нечего. Лучше обстояло дело с получением денежного вознаграждения, чем натурального. В отчете окружкома ВКП (б) за 1943—44 гг. отмечалось, что денежная стоимость трудодня в сельхозартелях ежегодно увеличивалась⁷¹. В Ларьякском районе в колхозе «Верте-Кос» на трудодни за 1941 г. было подсчитано к получению колхозниками следующее количество денег: М.И.Осипова — 900 руб., А.А.Прасина — 1 700 руб., Е.В.Прасина — 1500 руб.⁷² По итогам 1942 г. колхозники колхоза «Верте-Кос» Ларьякского района получили на 1 трудодень 4 руб. 8 коп. (вместо предполагаемых 4 руб. 3 коп.)⁷³. Колхозница У.К.Чумина получила наличными 1 596 руб., Е.Прасина — 1 578 руб., подросток В.Баженов — 1 325 руб.⁷⁴ В 1942—43 гг. отмечен рост стоимости трудодня в нескольких районах округа.

Таблица 12

Рост стоимости трудодня в денежном выражении, руб.⁷⁵

Район	1942 г.	1943 г.
Березовский	2,71	5,28
Сургутский	3,63	8,33
Микояновский	4,01	6,96
Самаровский	2,40	4,12

В 1943—44 гг. в сельхозартелях Няксимвольского сельсовета Березовского района распределение на трудодень в денежном выражении было следующим.

Таблица 13

Оплата трудодня в сельхозартелях Няксимвольского сельсовета Березовского района в 1943—44 гг.⁷⁶

Сельхозартель	1943 г.	1944 г.
им. 18 партсъезда	3,42	4,80
им. Крупской	1,10	1,73
им. Тимошенко	0,74	0,77
«Победа»	0,92	3,03

В колхозе «Красный северянин» Сургутского района в 1944 г. было выдано 7 руб. 78 коп. на один трудодень. В колхозе им. Молотова (д. Локосово) указанного района выдали по 7 руб. 40 коп.⁷⁷ В целом по колхозам округа за 1944 г., как следует из годового бухгалтерского отчета, было выдано на 1 трудодень 4,96 руб.⁷⁸ Например, в 1945 г. в колхозе «Авангард» Самаровского района на 1 трудодень колхозники получили по 7 руб. В колхозе «Маяк» указанного района колхозники на 1 трудодень получили 5,5 руб.⁷⁹ Единичные колхозы в округе могли позволить ежегодно выплачивать натуроплату труда своим колхозникам. По итогам 1942 г. колхозники колхоза «Верте-Кос» Ларьякского района получили на 1 трудодень 1 кг картофеля, 150 г моркови, 8 кг сена⁸⁰.

Таблица 14

Примеры получения натуральной оплаты в колхозах ХМНО в 1942—43 гг.⁸¹

Колхоз	Зерновые, г		Картофель, г	
	1942 г.	1943 г.	1942 г.	1943 г.
им. Сталина (д. Елизаровво, Самаровский район)	650	500	500	-
«Искра» (п. Горный, Самаровский район)	200	300	500	1 000

В отчете окружкома ВКП (б) за 1943—44 гг. отмечалось, что в большинстве колхозов натуральную оплату колхозники почти не получали, а если и получали, то в очень незначительных количествах. Так, в 1943 г. распределение натуральных доходов произошло

только в 39 колхозах, причем зерновые культуры распределили только в 34 колхозах. На 1 трудодень пришлось по 154 г зерновых и по 107 г картофеля. На 1 трудодень в среднем распределено за 1944 г.: зерно — 0,235 кг, картофель — 0,8 кг, овощи — 0,08 кг, сено — 3,4 кг, мясо — 0,035 кг, молоко — 0,15 л⁸². Колхоз им. Ленина (Самаровский район) распределил зерновых в 1944 г. по 1500 г на трудодень⁸³. В целом по колхозам округа за 1944 г., как следует из годового бухгалтерского отчета, было выдано на 1 трудодень: зерно — 0,370 кг, картофель — 0,065 кг, овощи — 0,069 кг, сено — 1,320 кг⁸⁴. Например, в 1945 г. в колхозе «Авангард» Самаровского района на 1 трудодень колхозники получили по 7 кг хлеба. В колхозе «Маяк» указанного района колхозники на 1 трудодень получили 1 кг хлеба, 1 кг картофеля, 0,5 кг капусты. Из итогов распределения доходов за 1945 г. (доклад на 12-й сессии окрисполкома) следует, что в округе было 70 сельхозартелей⁸⁵. Всего за 1945 г. колхозники получили на трудодни: 1 198 ц ржи, 189 ц овса, 1 165 ц ячменя, 1 982 ц яровой пшеницы, 109 ц прочих зерновых, 3 331 ц картофеля, 1 156 ц овощей⁸⁶. В 1945 г. по округу было собрано 64 870 ц картофеля, а на трудодни выдали 5 650 ц⁸⁷.

Животноводческая продукция распределялась следующим образом.

Таблица 15

Распределение по трудодням продукции животноводства за 1945 г.⁸⁸

Наименование продукции	Получено продукции	Выдано по трудодням
Мясо	3 490 ц	651 ц
Кожсырье	2 861 шт.	—
Шкуры оленьи	4 293 шт.	175 шт.
Овчина	1 667 шт.	—
Молоко	4 695 тыс. л	77 800 л
Шерсть	75 ц	775 кг

Если взять за основу постоянную рабочую силу в колхозах — 2,5 тыс. человек, то можно посчитать среднее распределение на одного колхозника указанных видов продукции. За год колхозник мог получить 2,2 кг мяса, 3 л молока, 200 г шерсти, 0,07 шкуры. Следовательно, минимальная выдача продуктов на трудодни не обеспечивала прожиточный минимум семьи, и вся надежда оставалась только на подсобное хозяйство. Денежные выплаты также

существенной роли не играли, поскольку на деньги ничего нельзя было купить, их чаще всего сдавали государству как добровольные платежи в Фонд обороны и пр. Имелись случаи, когда распределяли доходы по едокам, а не по трудодням⁸⁹. Иногда выданные натуральные продукты были очень низкого качества. Например, в декабре 1944 г. работникам колхоза им. Молотова (Самаровский район) выдали на трудодень по 200 г ячменя — сорного, наполовину со снегом⁹⁰.

Передовики сельскохозяйственного труда и дополнительная оплата

С каждым военным годом увеличивалось число колхозников, получавших дополнительную оплату труда за повышение урожайности и продуктивности в животноводстве. В 1941 г. получили дополнительную оплату 152 человека, в 1942 г. — 373 человека, в 1943 г. — 391 человек⁹¹. Передовиками животноводства по округу за 1942 г. были Г.Липецкая (зав. МТФ), Ф.Янышкина (телятница), А.Крюкова (доярка), М.Захаров, М.Тайгулова, Т.Липецкая, Е.Никифоров (пастух), Ф.Горикова (свинарка), Петрушкин (зверовод), Першина. Среди передовиков Сургутского района значились Т.И.Чускина (конюх), Н.В. Фролова (телятница), Г.И.Мотаева⁹². В Нижневартовском сельсовете в колхозе им. Куйбышева на ферме трудились доярки А.Крюкова, Г. и Т.Липецкие, И.Сармаева, скотник-пастух Никифоров⁹³. Животноводы колхоза им. Калинина (д. Мега) — телятница Л.В.Пет, свинарки М.В.Щепкина и Т.В.Новосельцева — полностью сохранили поголовье⁹⁴.

В 1942 г. только 17 колхозов начисляли дополнительную оплату⁹⁵. В Кондинском районе за 1942 г. дополнительную оплату получили 13 человек⁹⁶. Передовики животноводства в 1943 г. получили дополнительную натуральную оплату в размере 200—300 л молока. Например, доярки Самаровского района колхоза «Путь к социализму» Е.М.Плесовских, А.Г.Корепанова, животновод Е.И.Корепанова получили в качестве дополнительной натуральной оплаты от 129 до 460 литров каждая. Доярка М.М.Мейко (колхоз имени Сталина Микояновского района) добила надоя молока на одну фуражную корову 1300 л, получила в виде дополнительной оплаты 491 л молока. Доярка М.А.Охранова (колхоз «13-й год

Октября») добились удоя молока на одну фуражную беспородную корову 1616 л, получила в качестве дополнительной оплаты 293 л молока. Доярка А.Г.Корепанова вместо плановых 8000 л молока надоила 9592 л и получила дополнительную оплату своего труда — 283 л молока. Телятница М.Г.Чекулина вырастила без падежа 45 телят, получила в качестве дополнительной оплаты своего труда 160 кг мяса. Телятница Захарова сохранила от падежа 40 телят, получила дополнительную плату в 200 л молока. Свиноводка К.П.Рожева вырастила 92 поросенка вместо плановых 80 и получила в качестве дополнительной оплаты труда 2 поросенка. Конюх Г.Б.Гребнев от закрепленных за ним 15 конематок получил и сохранил 15 жеребят, получил дополнительной оплаты 325 руб. За 1944 г. дополнительную оплату получили 906 колхозников, в том числе 111 работающих в животноводстве⁹⁷.

В Постановлении СНК СССР (май 1945 г.) о поощрении работников животноводства Тюменской области отмечалось: «Рекомендовать колхозам Тюменской области, начиная с 1945 г., выдавать колхозникам, работающим на животноводческих фермах колхозов, сверх установленной оплаты в трудоднях дополнительную оплату натурой за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота». Далее шел перечень — кому, за что и в каких размерах, например, телятнице за сохранность до 6-месячного возраста каждых 25 телят выдавать одного теленка в 4-месячном возрасте⁹⁸. Очевиден незначительный процент колхозников, получавших дополнительную оплату труда.

Учет и оплата труда специалистов сельского хозяйства

Качество учета работы специалистов во время войны снизилось⁹⁹. Для ветработников учет выражался в ведении амбулаторного журнала, журнала регистрации больных животных, протоколов вскрытия, составлении актов прививок и обработок, учете выездной работы и санитарно-профилактической. Однако в архивных документах все вышеназванные формы не отражены. В большей степени представлены различные формы отчетов о состоянии ветобслуживания. Степень запущенности в учете наблюдалась и у зоотехников, агрономов, землеустроителей. Зарплата ветеринарного врача в округе не превышала 1 300 руб.

В 1945 г. оплата труда ветврача с высшим образованием Ханты-Мансийской горлечебницы составляла 1 140 руб. Ветврач РАЙЗО получал 1 270 руб., а ветфельдшер с курсовой подготовкой — 306 руб.¹⁰⁰ В 1940 г. зарплата старшего зоотехника РАЙЗО с высшим образованием составляла 475 руб. + 50% надбавка за отдаленность, итого 712 руб. 50 коп. Кроме этого начислялось 10% квартирных и за каждый проработанный год на Севере полагалась 10-процентная северная надбавка. Участковый зоотехник имел ставку в сумме 225 руб. + 50% надбавка за отдаленность, итого 337 руб. 50 коп., 10% квартирных и 10% за каждый проработанный год на Севере¹⁰¹. Ставки соответствовали Постановлению СНК СССР № 163 от 4 февраля 1939 г. «О повышении зарплаты зоотехническим работникам»¹⁰². Зарплата в 1945 г. у зоотехника с курсовой подготовкой составляла 357 руб., со средним образованием — 1 100 руб.¹⁰³, зарплата технических сотрудников контрольно-семенной лаборатории — от 150 до 250 руб.¹⁰⁴ В 1944 г. зарплата научного сотрудника Березовского опорного пункта составляла 800 руб.¹⁰⁵

Таблица 16

**Штатные должности и оклады
Ханты-Мансийского опорного пункта в 1942 г.**¹⁰⁶

Должность	Оклад
Директор, он же зав. полеводством	1 200
Ст. науч. сотрудник по массовому опытничеству	1 013
Ст. науч. сотрудник по овощеводству	1013
Ст. науч. сотрудник по животноводству	930
Ст. лаборант-аналитик	563
Техник-бухгалтер	550
Уборщица, она же науч. сотрудник в лаборатории	863
Ст. науч. сотрудник по агрохимии и почвоведению	—
Техник по растениеводству	300
Уборщица, она же мойщица в лаборатории	150

Лучшими специалистами сельского хозяйства в те годы были: Солдатов Григорий Сергеевич, 1900 г.р., ветврач Ханты-Мансийской горлечебницы — хороший клинист, в годы его работы падеж от незаразных болезней снизился с 5% в 1942 г. до 1,1% в 1945 г.; Шаламов Николай Антонович, 1909 г.р., ветврач, заведующий

Леушинским зооветеринарным участком Кондинского района, провел оздоровление по бруцеллезу в 4-х пунктах (1945 г.). К награждению медалью «За доблестный труд» была представлена Богданова Екатерина Николаевна, 45 лет, старший лаборант окружной ветлаборатории (работала с 1938 г.)¹⁰⁷.

Оплата труда работников МТС

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 марта 1939 г. «О нормах выработки и оплате труда трактористов в МТС» установило четкую систему оплаты труда. Постановление от 17 января 1940 г. представило оплату труда трактористов по следующей схеме: при работе на гусеничном тракторе — 5 трудодней, на колесном тракторе — 4,5 трудодня, на «Универсале» и остальных — 4 трудодня. Тракторист I категории получал на 10% больше. Сколько трудодней полагалось за вспашку 1 га? Например, сменная нагрузка ЧТЗ-60 — 10 га, следовательно, $5:10 = 0,5$ трудодня. Начисление трудодней в двойном размере предусматривалось в следующих случаях: за первые два дня работы на раннем весеннем бороновании и за первые 6 дней на весенней культивации. При хорошем качестве работ и выполнении нормы можно дополнительно начислить 0,5 трудодня для колесных тракторов и 1/5 трудодня для гусеничных за каждый гектар. Оплата прицепщиков составляла 50% трудодней, выработанных трактористом. Учетчик-заправщик обслуживал тракторную бригаду и получал 2 трудодня за рабочий день¹⁰⁸. Ставки зарплаты зависели от принадлежности МТС к определенной группе (по числу тракторов): 1-я группа — 60 и более машин, 2-я группа — 40—60, 3-я группа — до 40. В ХМНО все МТС относились к 3-й группе с незначительным по числу тракторным парком. Зарплата политотдела МТС 3-й группы составляла: начальник — 950 руб., заместитель — 700 руб., помощник — 500 руб. В ХМНО зарплата директора МТС составляла 700 руб., главного бухгалтера — 550 руб. Нередко, как следует из годового отчета Микояновской МТС, ставки завывшались¹⁰⁹. В документах нашли отражение факты премирования персонала МТС. Например, как следует из приказа Омского ОБЛЗО № 77 от 18 марта 1943 г. за выполнение плана ремонта тракторов в четвертом квартале 1942 г. были премированы в размере двухмесячного

оклада директор Кондинской МТС А.М.Карпиков и старший механик (фамилия указана неразборчиво, возможно, В.С.Каняев). Директору рекомендовалось премировать лучших ремонтных рабочих, отличившихся на ремонте тракторов¹¹⁰. Из справки «О результатах проверки Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)» (июнь 1944 г.) следует, что выделенная премия Кондинской МТС ОБЛЗО за лучшие показатели в работе, в частности, в ремонте тракторов, ошибочна, поскольку 6 тракторов простаивали, а один и вовсе не ремонтировался, в совокупности это составляло 50% тракторного парка МТС¹¹¹. За 1945 г. трактористам было начислено трудодней: СТЗ-ХТЗ — 106,7; СТЗ-НАТИ — 619,5; ЧТЗ — 731,3; газогенераторные — 345,5; итого 1803 трудодня¹¹².

Изучение указанной темы показало, что основной формой оплаты труда в годы войны был трудодень, который не оплачивался в должной мере. Большая часть сельского населения трудилась героически. Основным мотивом выступал патриотизм, желание победить в страшной войне. Способы и мотивы повышения трудовой активности населения со стороны органов власти преимущественно носили идеологический характер. Социальная сторона вопроса, касающегося адекватного вознаграждения за каторжный труд, не рассматривалась. Не было, вероятно, ни средств, ни возможностей учитывать интересы работников сельского хозяйства. Вознаграждение за труд было минимальным.

Трудовая дисциплина обеспечивалась во многих колхозах методами убеждения и принуждения. Случаи недобросовестного отношения к труду также имели место. Кто же были эти люди, которые могли позволить себе не работать в условиях всеобщей беды, когда рядом надрывались изможденные женщины, остановившиеся в росте подростки, с торчащими ключицами, вынужденные употреблять в пищу трупы павших животных? Почему был весьма значителен процент так называемых домохозяек? Почему до четверти всех колхозников работали еле-еле или вообще не трудились?

Примечания

¹ Справочник председателя колхоза. Сельхозгиз, 1941. С. 103.

² Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (далее — КУ ИАОО). Ф. 437. Оп. 14. Д. 3379. Л. 169.

- ³ Казенное учреждение «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (далее — КУ ГАХМАО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 454. Л. 28—94.
- ⁴ Там же. Д. 666а. Л. 75—80.
- ⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 49.
- ⁶ КУ ИАОО. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2638. Л. 61.
- ⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг. С. 37.
- ⁸ Шевляков А.С. Трудовая дисциплина в колхозах Сибири в годы Великой Отечественной войны // Великий Подвиг. К 55-летию Победы. Тез. докл. Всерос. молод. науч.-практ. конф. (26—27 апреля 2000 г.). Омск, 2000. С. 29.
- ⁹ Примерные правила внутреннего распорядка для сельскохозяйственных артелей. Омгиз, 1944. С. 4—7.
- ¹⁰ Сподина В.И. Мегион. Омск, 2000. С. 45.
- ¹¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории» (далее — ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 574. Л. 3.
- ¹² Лаптев И. Отечественная война и советское крестьянство // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 4. С. 23.
- ¹³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 641. Л. 7.
- ¹⁴ Сталинская трибуна. 1945. 18 мая. С. 50.
- ¹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 641. Л. 7.
- ¹⁶ Сергеев П. Организация бригад и звеньев в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 3. С. 61—65.
- ¹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг. С. 97.
- ¹⁸ КУ ИАОО Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3636. Л. 27; Ф. 437. Оп. 21. Д. 147. Л. 20 об.
- ¹⁹ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 43.
- ²⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 678. Л. 2.
- ²¹ Софиев Э.С., Хмелев Н.Н. Новое в колхозном учете. М., 1941. С. 73.
- ²² Сталинская трибуна. 1945. 3 февраля.
- ²³ Прибыльский Ю.П. Социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1997. С. 35.
- ²⁴ КУ ИАОО. Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 2.
- ²⁵ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 100.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Большая советская энциклопедия. URL: slovari.yandex.ru.
- ²⁸ Лаптев И. Отечественная война и советское крестьянство. С. 39—32.
- ²⁹ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 38.
- ³⁰ Колхоз без руководства // Сталинская трибуна. 1945. 4 февраля.
- ³¹ Сталинская трибуна. 1945. 3 февраля.
- ³² Об обязательном минимуме трудодней // Стахановец. 1942. 14 мая.
- ³³ Условия Всесоюзного социалистического соревнования за высокий урожай и дальнейший подъем животноводства // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 6—7. С. 3.

- ³⁴ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 570. Л. 7.
- ³⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 575. Л. 25.
- ³⁶ Там же. Д. 634. Л. 187.
- ³⁷ Там же. Д. 575. Л. 62.
- ³⁸ Там же. Д. 633. Л. 67; Д. 633. Л. 75.
- ³⁹ Сталинская трибуна. 1945. 18 мая.
- ⁴⁰ Софиев Э.С., Хмелев Н.Н. Новое в колхозном учете.
- ⁴¹ Учет в колхозах в связи с дополнительной оплатой труда колхозников // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 2. С. 59.
- ⁴² Краснов А. Учет труда в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1943. № 5—6. С. 53.
- ⁴³ Дмитриев В. Навести порядок в колхозном учете // Социалистическое сельское хозяйство. 1943. № 9. С. 23.
- ⁴⁴ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 584. Л. 107.
- ⁴⁵ Об обязательном минимуме трудовой // Стахановец. 1942. 14 мая.
- ⁴⁶ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 95.
- ⁴⁷ КУ ИАОО. Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 2687. Л. 3.
- ⁴⁸ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 89 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 131 об.
- ⁵⁰ Стахановец. 1942. 7 апреля.
- ⁵¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг. С. 108.
- ⁵² КУ ИАОО. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2638. Л. 65.
- ⁵³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 827. Л. 9.
- ⁵⁴ Там же. Д. 763. Л. 91.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Повседневно заботиться об организационно-хозяйственном укреплении колхозов // Сталинская трибуна. 1945. 3 февраля.
- ⁵⁷ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 18; ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 91.
- ⁵⁸ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 92.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Шевляков А.С. Трудовая дисциплина ... С. 30.
- ⁶¹ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 607. Л. 1.
- ⁶² Там же. Л. 1 об.
- ⁶³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 93.
- ⁶⁴ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 659. Л. 3.
- ⁶⁵ Почему отстает Цынгалинский колхоз? // Сталинская трибуна. 1945. 29 января.
- ⁶⁶ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 676. Л. 193.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 15 об.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.
- ⁶⁹ Сталинская трибуна. 1945. 3 февраля.
- ⁷⁰ Своевременно и правильно распределить доходы в колхозах // Стахановец. 1941. 25 декабря.
- ⁷¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 92.

- ⁷² Как мы готовимся к распределению доходов // Стахановец. 1942. 5 января.
- ⁷³ Трудодень колхозника стал полновеснее // Стахановец. 1943. 31 января.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 92.
- ⁷⁶ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 676. Л. 145.
- ⁷⁷ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 93.
- ⁷⁸ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 680. Л. 10.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 13.
- ⁸⁰ Трудодень колхозника стал полновеснее // Стахановец. 1943. 31 января.
- ⁸¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 93.
- ⁸² КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 676. Л. 145.
- ⁸³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 93.
- ⁸⁴ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 680. Л. 10.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 13.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 700. Л. 3 об.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 17.
- ⁸⁸ Там же. Л. 17 об.
- ⁸⁹ Колхоз без руководства // Сталинская трибуна. 1945. 4 февраля.
- ⁹⁰ Непорядки в Семейкинском колхозе // Сталинская трибуна. 1945. 29 января.
- ⁹¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 763. Л. 93.
- ⁹² КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 644. Л. 13.
- ⁹³ Делом отвечать на призыв товарища Сталина // Стахановец. 1941. 14 декабря.
- ⁹⁴ Передовики животноводства // Стахановец. 1944. 8 января.
- ⁹⁵ КУ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 49.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 644. Л. 10.
- ⁹⁷ Там же. Д. 678. Л. 3.
- ⁹⁸ В Совнаркомех СССР // Стахановец. 1945. 25 мая.
- ⁹⁹ Ворович А.А. Больше внимания учету ветработы // Ветеринария. 1943. № 12.
- С. 14.
- ¹⁰⁰ КУ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 690. Л. 23.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 574 а. Л. 22, 34.
- ¹⁰² Там же. Л. 175.
- ¹⁰³ Там же. Д. 690. Л. 160.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 30. Л. 3 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 29. Л. 1—2.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 690. Л. 10—23.
- ¹⁰⁸ Назимов В. Правильно оплачивать труд работников тракторных бригад МТС // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 1. С. 58—63.
- ¹⁰⁹ КУ ГАХМАО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
- ¹¹⁰ КУ ИАОО. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2638. Л. 72.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 18.
- ¹¹² Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

Глава 4

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ДЕТСКИХ ДОМАХ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЛЕНИНГРАДА НА ТЕРРИТОРИЮ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

23 октября 1940 г. Остяко-Вогульский округ, созданный 10 декабря 1930 г., был переименован в Ханты-Мансийский национальный округ. На территории Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны действовало 12 детских домов, 10 из них были ленинградскими. По состоянию на 7 октября 1942 г. в детдомах округа было 1000 воспитанников¹. В разные периоды количество воспитанников детских домов на территории ХМНО по некоторым оценкам доходило до 1200 человек. По архивным данным в **Самаровском районе** ХМНО детские дома располагались в поселках Урманый (97 воспитанников), Кедровый (107 воспитанников), Нялино (100 воспитанников).

В **Микояновском районе** (на основании постановления ВЦИК от 4 июля 1937 г. в составе Остяко-Вогульского национального округа Омской области образован Микояновский район с центром в селе Кондинское. В район вошло 7 сельсоветов из Берёзовского и Самаровского районов: Большеатлымский, Казымский, Кеушинский, Кондинский, Нарыкарский, Полноватский, Шеркальский. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1957 г. район переименован в Октябрьский; районный центр — село Кондинское — в село Октябрьское; Кондинский сельсовет — в Октябрьский ХМНО) было два детских дома — в пос. Большой Камень (101 воспитанник) и в с. Заречное (94 воспитанника).

В **Кондинском районе** детдом и школа-интернат располагались в пос. Листвиничный (100 воспитанников) и Ягодный (96 воспитанников в школе-интернате).

В **Сургутском районе** детские дома были в с. Песчанное (82 воспитанника), в г. Сургуте (90 воспитанников) и в с. Ямское (116 воспитанников). В **Берёзовском районе** детский дом находился в пос. Шайтайский, в нем было 138 воспитанников². Сложности

военного времени сказывались не только на организации снабжения воспитанников детских домов продуктами питания и предметами первой необходимости (лекарствами, обувью, одеждой, постельным бельем и т.п.), но и существенно затрудняли учебно-воспитательные процессы. Однако обучение воспитанников детских домов продолжалось в годы войны практически без перерывов, хотя и с большими трудностями. В этом была заслуга местных органов власти, добросовестных руководителей и сотрудников детских домов, учителей сельских и поселковых школ, а также партийных и советских органов власти, представителей общественности. Вместе с тем были и серьезные недостатки в организации учебно-воспитательной работы, в том числе связанные с неподготовленностью кадров. Документы контролирующих организаций фиксировали наличие крайне негативных явлений в детских домах: хищения руководителями и сотрудниками продуктов и одежды, растраты, халатность, равнодушие к нуждам детей, грубость и рукоприкладство в отношении воспитанников. В решении окружного исполнительного комитета Ханты-Мансийского национального округа № 164 от 24 октября 1942 г. «О работе детских домов в округе» было указано, что прием и размещение прибывших в округ 10 эвакуированных ленинградских детских домов (782 ребенка школьного возраста и 162 дошкольника) в основном прошли организованно. Вместе с тем исполком указывал на «наличие серьезных недостатков в размещении, организации жизни и работе детдомов. В детдомах Микояновского района в Заречном на одного воспитанника приходится всего около 1,5 кв. метров площади, в Больше-Каменском на одного ребенка приходится около 2,5 кв. метров площади. Нет комнат для отдыха, для выполнения учебных заданий, что ведет к чрезмерной скученности детей, отсутствию возможности развернуть полностью культурно-массовую работу.

В Урманском детском доме Самаровского района детская спальня помещается в зале бывшего клуба, не имеющего перегородок, вследствие чего девочки и мальчики по существу помещаются в одной комнате. Самаровский райисполком затягивает разрешение вопроса об устранении этого недостатка³. Окружной исполком отмечал, что в результате выявленных недостатков (отсутствие комнат для отдыха и для выполнения учебных заданий, плохое оснащение учебного процесса учебниками и канцелярскими предметам,

заболеваемость детей) в размещении и оборудовании детдомов, затягивания организационного периода, совершенно недостаточной практической подготовки направленного на работу с детьми руководящего и педагогического состава (большинство директоров и воспитателей никогда в детдомах не работало) и неумения организовать воспитательную работу с детьми, слабости руководства домами со стороны РОНО и ОКРОНО (работники ОКРОНО за этот период обследовали работу лишь 3 детдомов, Самаровский РОНО не обследовал ни одного детдома) имели место случаи нездоровых явлений среди воспитанников: грубые нарушения дисциплины, воровство, плохая учеба в школе, ненормативные отношения с воспитателями и др. У некоторой части руководителей детдомов существует неполное понимание взаимоотношений их с РОНО, из-за чего они не выполняют распоряжения работников РОНО (директора Зареченского, Больше-Каменского, Сургутского детдомов тт. Добровольский, Пинхасевич, Шемелина)⁴. Исполком окружного совета 24 октября 1942 г. решил: «Считать основной задачей исполкомов райсоветов в части детдомов создание для эвакуированных детей всех необходимых условий для нормальной, здоровой жизни, обеспечения им необходимого внимательного ухода, повседневной заботы о их развитии и воспитании. Работники детдомов должны так построить свою работу, чтобы ребенок, оставшийся без родителей или временно выбывший из семьи, чувствовал себя как дома, чтобы был обеспечен чуткий и внимательный подход к каждому воспитаннику, воспитание их в коммунистическом духе». Там же было указано: «Обязать зав. ОКРОНО тов. Игнатова:

а) Обеспечить нормальную учебную работу воспитанников детдомов, принять меры к снабжению их необходимым количеством учебников, школьно-письменных принадлежностей и библиотеками-передвижками.

б) Принять меры к быстрейшему налаживанию в каждом детском доме глубокой воспитательной работы с детьми, устранение случаев нарушения дисциплины и др. антиобщественных явлений.

в) Пересмотреть состав руководителей и воспитателей детдомов, заменив негодных, не обеспечивающих развертывание должной воспитательной работы.

г) Обязать ОКРОНО до 1/ХII проверить работу каждого детдома. Оказав педперсоналу необходимую методическую помощь.

д) Не позднее 25/XI откомандировать инспекторов ОКРОНО в Сургутский и Кондинский районы для оказания помощи в налаживании работы детдомов»⁵.

Кроме того, окружной исполком решил, что необходимо «в декабре 1942 года созвать окружное совещание директоров детдомов с повесткой дня:

Организация воспитательной работы в детдомах.

Доклад одного из директоров детдомов о состоянии работы в детдоме.

Семинар по организационно-хозяйственным вопросам.

Поручить зав. ОКРОНО тов. Игнатову согласовать о созыве совещания с ОБЛОНО»⁶.

Через два месяца, 26 декабря 1942 г., исполком окружного совета снова рассмотрел вопросы обеспечения детских домов. Решение № 205 от 26 декабря 1942 г. «О работе детских домов в округе. (Докл. ОКРОНО т. Непомнящих)». «Проверкой работы детдомов округа, а также по материалам совещания директоров детдомов установлено, что, несмотря на ряд трудностей, обусловленных устройством на новом месте, некоторые детдома (Кедровский — т. Малахова, Большекаменский — директор тов. Добровольский, Сургутский — директор тов. Шемелина) добились значительных успехов в деле организации нормальной жизни, воспитания и обучения детей. Например, в Кедровском детдоме созданы необходимые жилищно-бытовые условия для детей, установлен твердый распорядок, воспитательная работа находится на достаточной высоте. Дети этого дома представляют собой дружный, крепко спаянный коллектив, отличаются дисциплинированностью, вежливым отношением друг к другу и к старшим, бережно относятся к имуществу детдома, любят труд, хорошо организуют свой досуг и хорошо учатся (успеваемость за I четверть 92,5%, из обучающихся в III—V классах нет ни одного неуспевающего). Эти результаты достигнуты благодаря тому, что, наряду с большой помощью, оказанной детдомам со стороны партийных и советских органов, а также со стороны общественности, директора, воспитатели и технический персонал этих домов поняли ответственность, возложенную на них государством, за воспитание и обучение детей, родители которых с оружием в руках защищают нашу Родину или работают на оборону, и, как истинные патриоты, по-матерински любовно относятся к детям, отдают все силы и знания делу их воспитания»⁷.

Вместе с тем исполком окрсовета отмечал, что в работе детских домов имеется ряд крупных недостатков, а именно: «8. В ряде детских домов в качестве воспитателей и технических работников работают лица, случайно попавшие на эту работу, не желающие, не могущие выполнять возложенных на них обязанностей, работники домов, в отдельных случаях используются администрацией не по назначению (Ягодный, Листвиничный, Песчаный, Ямской, Нялинский, Заречинский детские дома). 9. Учебно-воспитательная работа в ряде детдомов поставлена крайне неудовлетворительно (Нялинский, Заречинский, Ямской детские дома). Вся работа в этих домах проходит беспланово, самотеком, отсутствуют правила внутреннего распорядка, режим дня воспитанников, дисциплина воспитанников находится на крайне низком уровне, причем в отдельных детдомах к воспитанникам применяются физические меры воздействия (Урманский, Нялинский детдома). В Нялинском детдоме не только отсутствует необходимая воспитательная работа, но и в этом детдоме воспитанники систематически избиваются работниками детдома, в детдоме царит вопиющий беспорядок, отсутствует какая бы то ни было дисциплина, воспитанники занимаются воровством, курением, сотрудники пьянствуют, в детдоме созданы невыносимые условия для воспитанников, некоторые из них настойчиво просят увезти их из этого детдома, у части детей появились крайне нездоровые настроения.

10. Не все воспитанники детских домов охвачены школой (не учатся 6 человек в Ямском, 6 — в Ягодном, 2 — в Листвиничном детдомах), воспитанники не обеспечены необходимыми письменными принадлежностями, тетрадями и учебниками (в Ямском детском доме на 17 учеников III-го класса имеется один учебник географии и один учебник естествознания), ни в одном из детских домов, кроме Березовского, нет мастерских по труду, а также подсобного хозяйства. Отмеченные серьезные недостатки в работе детских домов являются следствием того, что окружной и районные отделы народного образования не использовали имеющиеся возможности для создания нормальных условий и организации работы в детских домах, не обеспечили контроля за работой детских домов и соответствующей помощи по устранению недостатков, а исполкомы райсоветов не потребовали от отделов народного образования коренного улучшения их работы по руководству детдомами и не оказали в этом деле

необходимого содействия. Большинство директоров детских домов, не поняв исключительной ответственности перед Государством за воспитание детей, проявили безответственность к порученному делу (директор Ямского детдома т. Васильев, Заречинского — т. Пинхасевич, Урманного — т. Васильев), а директор Нялинского детдома тов. Полякова не только не приняла необходимых мер по наведению порядка в детдоме, но шла на поводу у некоторых сотрудников детдомов, не руководила работой воспитателей»⁸.

«Исполком окрсовета решил указать ОКРОНО и исполкомам Самаровского, Сургутского и Кондинского райсоветов на неудовлетворительное руководство с их стороны детскими домами и предупредить зав.ОКРОНО и председателей исполкомов райсоветов, что они несут персональную ответственность за создание нормальных условий для жизни в детских домах, за правильную организацию учебно-воспитательной работы с детьми.

Обязать исполкомы райсоветов в течение января месяца обеспечить все детские дома постельными принадлежностями, верхним и нижним бельем, и особенно теплой одеждой и обувью из расчета на одного воспитанника (с учетом имеющегося): матрац — 1, одеял — 1, простынь — 2, наволочек — 2, пальто теплое — 1, шапка-ушанка — 1, валенки — 1, нижнего белья две пары, верхнего платья — 2, пар рукавиц — 1 пара.

а) К 10 января 1943 года обеспечить каждый детский дом керосином из расчета 0,025 литра в день на воспитанника (до 1 мая 1943 года), а также мылом из расчета на одного воспитанника в месяц туалетного 1 кусок, хозяйственного — 0,5 куска...»⁹.

Материальное обеспечение воспитанников детских домов (в первую очередь питание) было важным вопросом, но для организации учебно-воспитательного процесса также было необходимо обеспечить детские дома учебными и школьно-письменными принадлежностями и укрепить их административно-педагогический состав. Поэтому окружной исполком указывал в своем решении: «Обязать ОКРОНО:

а) К 20 января 1943 года пересмотреть состав работников детских домов, заменив негодных, не справляющихся со своей работой и укомплектовать детские дома добросовестными, знающими свое дело работниками, способными осуществлять подлинную заботу о детях, о их воспитании и обучении. В суточный срок командировать

в Нялинский детдом бригаду из 3-х человек для детальной проверки работы детдома, после чего решить вопрос о работе тов. Поляковой и о передаче материалов следственным органам.

б) В течение января месяца навести необходимый порядок в детских домах как в области учебно-воспитательной работы, так и хозяйственной.

в) К 25 января 1943 года обеспечить каждый детдом учебниками из расчета (как минимум) один учебник на 4 воспитанников, а также тетрадами и другими школьно-письменными принадлежностями.

г) Оказать помощь детдомам в организации при каждом детдоме мастерских по дереву и по изготовлению орудий лова рыбы, снабдить мастерские детдомов инструментами за счет изъятия у школ не использующегося ими инструмента...»¹⁰. Исполком обязал директоров детдомов:

«... е) Установить твердый распорядок жизни воспитанников, коренным образом улучшить воспитательную работу среди них; добиваться сознательной дисциплины, высокой успеваемости, бережно отношения к государственному имуществу, активного участия воспитанников как в организации внутренней жизни детского дома, так и в общественной жизни.

Исполком окрсовета предупреждает директоров детдомов, что они несут полную ответственность за жизнь, воспитание и обучение детей, что невыполнение этих ими требований будет рассматриваться как неспособность и нежелание выполнить особо почетную обязанность по воспитанию детей защитников нашей Родины вплоть до применения оргвыводов»¹¹.

Кроме того, исполком обязал окружной отдел кинофикации включить в план своей работы систематическое обслуживание кинопередвижками всех детских домов округа¹².

В решении окрисполкома от 26 декабря 1942 г. окружному отделу народного образования также предписывалось обратить внимание на ряд нерешенных проблем в Урманном детском доме: «6. Обязать ОКРОНО:

а) к 1 августа проверить работу Урманного детдома, работу каждого работника этого детдома, заменив лиц, не желающих добросовестно выполнять порученную работу или не справляющихся с возложенными на них обязанностями, одновременно оказать практическую помощь работникам детдома в улучшении постановки

воспитания и обучения детей, в наведении твердого порядка в детдоме и в укреплении дисциплины среди воспитанников;

б) обеспечить за счет завоза в округ для 1943—44 г. первоочередное снабжение детдомов учебниками, тетрадами и другими школьно-письменными принадлежностями»¹³.

Принятые меры позволили улучшить ситуацию в отдельных детских домах, хотя в решении окрисполкома от 15 июня 1943 г. вновь отмечалась плохая дисциплина воспитанников детских домов, указывалось, что имели место факты грубого нарушения дисциплины воспитанниками как в детдомах, так и в школе. Положение в детских домах осталось сложным до окончания войны, а также в первые послевоенные годы.

Источником сведений об организации учебного процесса и воспитательной работы являются отчеты директоров детских домов, хранящиеся в Государственном архиве Югры. Ценность источников заключается в том, что в отчетах даны сведения об организации детских домов в момент эвакуации из Ленинграда, количестве воспитанников, приводятся конкретные факты из повседневной жизни детдомов. Вместе с тем необходимо учитывать, что отчеты директоров детских домов не всегда соответствовали фактическому положению дел. Это нашло отражение в архивных документах — актах проверки детских домов сотрудниками районных отделов народного образования.

Архивные материалы указывают, что особо серьезной проблемой было обучение воспитанников в детских домах и сельских школах. В детских домах не хватало учителей и учебников, а в сельские школы не все воспитанники могли ходить из-за нехватки верхней одежды и обуви, а также из-за распространенных заболеваний (простуда, чесотка, и др.). Особенно плохо обстояло дело с учебниками для 5—7 классов в Кедровом, Урманном и в Песчаном детских домах. В местных школах эти классы были открыты только в связи с прибытием детдомов (до этого в поселках были лишь начальные школы). На качество учебы воспитанников детских домов повлияли не только жизнь в осажденном Ленинграде и трудности эвакуации, но и то обстоятельство, что начало учебного года фактически пришлось на три последних месяца 1942 г. и значительное количество учебных часов было пропущено. Однако почти все воспитанники школьного возраста все же учились, хотя и

с перерывами. Ниже приводятся примеры работы эвакуированных детских домов. Ленинградская школа-интернат (детский дом № 13) прибыла в пос. Ягодный Кондинского района 14 сентября 1942 г. К прибытию школы-интерната было отведено одно здание, состоящее из пяти комнат. Но помещения не были приспособлены и оборудованы. Вслед за размещением дошкольников были оборудованы помещения для кухни и столовой. До 1 октября 1942 г. воспитанники пользовались столовой и кухней школы. Кровати для детей собирали по всему поселку¹⁴. Безусловно, организация быта и тесно связанная с ним ситуация с заболеваемостью детей серьезно сказывалась на учебно-воспитательной работе. Поэтому важной является также информация, касающаяся здоровья детей и санитарного состояния детских домов. Из Отчета директора Ленинградской школы-интерната от 29 декабря 1942 г., раздел «Оздоровительные мероприятия»: «В детском доме имеется врач, обслуживающий детей. Ежедневно проводится медосмотр, а слабых детей чаще. Врач следит за питанием воспитанников. Хуже обстоит дело с прививками, ибо отсутствует какой-либо прививочный материал. В Омск отправлена телеграмма о срочной отправке, хотя бы для дошкольников, прививочного материала, предохраняющего от заболевания дифтерией. В бане моются ежедневно, но бывают перебои из-за топлива. Физкультурная работа развернута недостаточно: мало коньков, мало лыж»¹⁵. В разделе отчета «Трудовое воспитание» указано: «В детском доме было организовано полное самообслуживание. Все воспитанники были разделены на бригады, которые выполняли работы по уборке помещений детского дома, доставке воды и заготовке топлива, работе на кухне»¹⁶. В отчете особо отмечалось: «С наступлением сильных морозов заготовка дров тормозится из-за отсутствия валенок, особенно для старших воспитанников»¹⁷. Понятно, что отсутствие валенок затрудняло посещение школы. В разделе «Выводы и предложения» указано: «Работа в целом в детдоме налажена и проходит нормально. В ближайшее время необходимо:

1) Трудоустроить воспитанников, достигших 14—17-летнего возраста.

2) Дооборудовать необходимые помещения, подсобки.

Приобрести кровати, необходимую мебель., ватные одеяла, шапки зимние и зимние пальто, валенки.

Оборудовать комнату приготовления домашних заданий.

Приобрести музыкальный инструмент (рояль или пианино)»¹⁸.

В «Отчете о работе детдома № 1 г. Ленинграда», располагавшегося в поселке Лиственничный (отчетный период с 11 октября по 10 декабря 1942 г.), указано, что он был скомплектован на базе ранее эвакуированного детского дома № 1. Таким образом, на момент отправки из Ленинграда детдом № 1 не представлял прочно сложившейся организации. Административно-педагогический состав детдома комплектовался в течение 3—5 дней. Согласно «Отчету» учебная работа в детском доме началась 1 октября 1942 г. Но учились не все дети — 16 человек болели, 2 были исключены из школы как дезорганизаторы¹⁹. «Успеваемость первое время не блистала, так как прошлый учебный год (1941/42 г.) фактически был сорван, и большинство детей не учились. Но вскоре была налажена помощь воспитателей в приготовлении домашних заданий, и уже первая четверть дала успеваемость 92% всех охваченных учебой. Количество отличников и ударников учебы составило 15 человек; в настоящий момент (декабрь) почти нет даже текущих неудовлетворительных оценок, и есть основания предполагать, что во второй четверти по дому будет полная успеваемость. Помимо указанного вида работы в борьбе за успеваемость большую роль сыграла связь со школой, посещение уроков директором, завучем и воспитателями детдома и изучение ими всех слабых мест, всех пробелов в знаниях воспитанников. Точно так же воспитатели школы постоянно бывают в д/д, сигнализируя о всех неблагоприятиях в успеваемости и поведении детей администрации д/д. Педагогические советы школы и д/д взаимно посещались работниками школы и д/д, и тем самым содействовали успешному разрешению вопроса успеваемости. В результате указанных мероприятий повышается не только % успеваемости, но и ее качество. К концу 2-ой четверти предполагается 22—25 отличников и ударников»²². Четвертый раздел «Отчета» детдома № 1 г. Ленинграда за период 11 октября по 10 декабря 1942 г. посвящен воспитательной работе. Он хорошо отражает и дух времени и конкретику воспитания детей (орфография и особенности текста в цитате сохранены). «Воспитательная работа занимает основное место в жизни д/д. Воспитательная работа ведется путем бесед и докладов, чтения периодической и художественной литературы, политинформаций, чтения газет, организации вечеров, через стенную печать, а также через кружковую сеть. Существует общий план

воспитательной работы д/д, который составляется на основе и в связи с планами воспитателей. Воспитательные планы предусматривают все отрасли воспитательной работы, они утверждаются зав. восп. частью или директором. На педагогическом совете ставятся систематические отчеты воспитателей о проделанной работе. За указанный период проделана следующая работа: проведено бесед на текущие политические темы по группам около 80—100; на санитарно-гигиенические темы — 30—40; докладов — 3: 25-е летие Октябрьской революции, день Сталинской конституции и о Международном положении. Вечеров проведено 8. Чтение газет проводится систематически при получении каждой новой почты. Художественный материал, подбираемый к вечерам, носит ярко выраженный политический характер. Очень большую роль в жизни д/д занимает групповое чтение художественной литературы. За это время прочитаны из наиболее значительных вещей: «горячий цех», «пионер Павел Морозов», сказки, рассказы, и стихи Пушкина, рассказы Горького, Мамина-Сибиряка, и т.д. На 10 декабря существуют следующие кружки: драматический, хор мальчиков, кружок шитья, кружок литературный. К сожалению, старшие дети у нас настолько перегружены работой — главным образом по самообслуживанию, — что для кружковой работы почти только выходные дни²¹. Кружковая работа ведется точно также по особому расписанию. Необходимо указать, что развитие некоторых форм работы лимитирует бумага. Напр. начал работать с большим подъемом кружок рисования (младшие ребята), но не смог продолжать из-за отсутствия бумаги. Литературно-творческий кружок за последнее время замедлил работу, т.к. на весь кружок (10 человек) имеется несколько листов бумаги. В этот же вопрос упирается работа стенгазеты. Воспитательная работа ведется методом социалистического соревнования. Имеются договоры между группами и между отдельными воспитателями, предусматривающими все стороны воспитательной работы, начиная от чистоты рук, постелей, комнат, кончая политическим воспитанием. Воспитатели старших групп проводят культпоходы воспитанников в Леуши — в кино; таких культпоходов (5,6,7 кл.) проведено 5. Несколько раз (3) кинопередвижки приезжали в д/д. Посещались старшими воспитанниками некоторые доклады, устраиваемые в поселке другими организациями (напр. доклад т. Гамана о международном

положении). Отдельные воспитатели проводят экскурсии, используя те немногочисленные объекты, которые имеются в поселке (напр. воспитательница Мацкевич с девочками 1, 2, 3 кл. на ветряную и паровую мельницы, на метеорологическую станцию и др.). В нашей воспитательной работе большую роль должна сыграть пионерская организация. Таковая создана. Пионеры выявлены, разбиты на отряды и звенья, избран штаб дружины. Но должного размера эта работа не получила и действенность этой организации в жизни д/д незначительна; пионер-работник (работающая по совместительству мед сестрой Уличигаева не соответствует своему назначению)»²².

Важную информацию содержит отчет Больше-Каменского детского дома (17-й Ленинградский) за 4 месяца 1942 г. (вторая половина августа — первая половина декабря). В нем подробно указывается количество воспитанников, персонала, результаты административно-хозяйственной работы (количество благодарностей и выговоров сотрудникам), материальное обеспечение (питание, одежда и обувь, постельное белье, мебель) и пр.²³ В разделе «Учебно-воспитательная и культурно-массовая работа» на 5 страницах записаны фамилии и имена воспитанников с указанием предметов и отметок, которые они получили в отчетном периоде²⁴. На вопрос о том, какие меры принимались и предпринимаются для повышения успеваемости, дан развернутый ответ.

«1) Со стороны воспитателей с самого начала занятий в школе был организован контроль над приготовлением домашних заданий. Однако нормальное приготовление уроков невозможно из-за отсутствия керосина.

2) Ежемесячно проводятся собрания групп с докладами воспитателей о ходе учебы и состоянии дисциплины.

3) Практикуются самоотчеты воспитанников об их учебе.

4) С отстающими воспитанниками проводились и проводятся беседы воспитателями, зав. учебной частью, директором д/д и директором школы.

5) Наиболее отстающие и недисциплинированные воспитанники, нуждающиеся в ежедневной помощи и контроле, прикреплены к работникам дирекции.

6) В группах и классах организовано соцсоревнование и ежедневный наглядный учет успеваемости.

7) Вопросы успеваемости обсуждаются на заседаниях Педсовета д/д, которые иногда проводятся совместно со школой.

8) Для отстающих воспитанников организуются дополнительные занятия по русскому языку, истории и математическим дисциплинам.

9) В целях поощрения лучших воспитанников было проведено 2 вечера отличников. Приказом директора 6 воспитанникам объявлена благодарность за отличную учебу и дисциплину в 1 четверти.

10) Еженедельно вопросы успеваемости и дисциплины освещаются на линейках.

11) Итоги 1 четверти были обсуждены на заседании Педсовета д/дома и школы, на общем собрании воспитанников. Кроме того было проведено совещание с отстающими и вечер отличников.

Во всей системе воспитательной работы большое место занимают вопросы дисциплины. Долгое время и значительно вредное влияние на весь детский коллектив оказывал воспитанник Тимофеев, который слабо учился, ругался, занимался воровством, избиванием ребят, оскорблял взрослых. Принимаемые меры воздействия не дали результатов и по постановлению Педсовета Тимофеев был исключен из д/д и арестован органами НКВД²⁵. Шестой раздел отчета Больше-Каменского детского дома был посвящен кружковой работе. «Основной задачей внешкольного воспитания детей является кружковая работа. Выполняя данную задачу, были организованы следующие кружки: а) физкультурный (две группы); б) хореографический (одна группа); в) хоровой кружок (две группы); г) литературный (5,6,7 класс); д) художественного чтения (2 группы); е) юннатов (5,6,7 класс); ж) рукоделия (две группы).

Намеченный план кружковой работы выполняется. Подготовлена программа к XXV годовщине Октябрьской Социалистической революции в 72 номера и показана 6 ноября на торжественном заседании поселка, 7 ноября на детском утреннике. Во 2 четверти основная задача кружков д/д — подготовка к новогодней елке. Основным недостатком в работе кружков является отсутствие пособий, стабильных программ и материалов²⁶.

Архивные документы содержат сведения не только о самоотверженном труде учителей, воспитателей, директоров детских домов. В историческом исследовании нельзя обойти вниманием мрачные стороны того или иного социального явления. В решениях

органов местной власти фиксировались недостатки в работе руководства детских домов в период первоначального размещения, в том числе критиковалась работа Нялинского детского дома № 78. В период с 4 по 8 февраля 1944 г. заведующий Самаровским районным отделом народного образования П.М.Магдалинский совместно с инспектором И.В.Овсянниковым провел проверку Нялинского детского дома № 78. В разделе «Общая характеристика» указано: «Детский дом расположен в одном здании, в котором помещается 3 спальных комнаты, кухня, столовая, канцелярия и коридор. Полезная площадь спальных комнат 144 кв.м., коридор 30 м², столовой 24, кухня — 24 и канцелярии 20. Воспитанников в д/д 93, из них девочек 29. Возраст от 8—14 лет. Все воспитанники обучаются в школе»²⁷. Сведения из раздела «Хозяйственное благоустройство и оборудование» показывают, в каких условиях воспитанники детского дома жили и учились. «Коек топчанов в д/д 35, в спальнях имеется по одному ветхому столу, табуреток и скамеек нет, в результате чего дети вынуждены стоять на ногах, или помещаться на своих койках. Тумбочек или полочек также не имеется, в силу этого необходимые предметы (учебники и учебные принадлежности) дети вынуждены хранить на койке под матрацем.

Оборудование столовой. В столовой стоит два ряда ничем не покрытых столов — ветхих, а по сторонам поставлены скамейки с высокими спинками, сделанными из реек. Комнаты, коридор, столовая представляют собой мрачный, грязный вид, стены не побелены, предметов, создающих домашний уют, нет. Таким образом, дети не имеют какого-либо удобства в области своего уюта. Постельных принадлежностей имеется на 40 человек, простыней 66, полотенец 10, валенной обуви 70 пар, верхней одежды (фуфайки и пальто пришедшие в негодность) 70, нательного белья 2 смены, верхнего платья 1,5 смены»²⁸. «Детский дом находится в исключительно антисанитарном состоянии. Постельные принадлежности покрыты грязью, подушечные и матрацные наволочки почернели. Одеяла и матрацные наволочки не были в стирке около года. На койках под матрацами обнаружены целые вороха обуглившейся лучины, всевозможные тряпки, очистки от картофеля, хлебные крошки и масса других предметов. Матрацы многие разодраны и превратившиеся в труху, сено высыпается, стены в спальнях грязные, измазаны углем и сажой, на потолках и в углах тенета. Рамы наполовину забиты те-

сом, в результате этого и в результате грязных стен в комнате стоит полумрак. В кухне и в кухонном шкафу помещаются всевозможные грязные и не нужные для кухни предметы и прочие нечистоты (весла, лыжи, коньки, обувь, железные вещи, тряпки и проч.). Под столами и шкафом наросты грязи, потолок покрыт плесенью. В большинстве дети пьют сырую из бака, не имеющего крышки и крана, воду черпают через верх своими кружками. Бак стоит в коридоре на полу. Кастрюли на кухне не эмалированные, в результате суп, каша и др. пища имеют запах и потемневший вид. Внешний вид детей всего д/дома, а также гигиеническое их состояние неудовлетворительное»²⁹. «Дисциплина детей в д/доме крайне неудовлетворительная. Взаимоотношения детей как с руководителями, так и с воспитателями крайне обостренные. Грубость с обеих сторон является обыденным явлением. Со стороны отдельных воспитателей (Железкова, Микулина, Менадер) применяется физическое воздействие.

В большинстве своем дети в д/доме предоставлены сами себе. Спорт, катанье на лыжах, коньках, салазках является крайне редко. Настольные игры не существуют. Игрушки не изготавливаются. Ни один из кружков не работает, даже рукодельный не организован и девочки высказывают на это свои обиды. Девочки с живым интересом показывают свои изделия по рукоделию, изготовленные ранее. Многие хорошо поют, пляшут, декламируют, но дарования их не развиваются. Трудовые навыки не прививаются и трудовое обучение не организовано»³⁰. В 5-м разделе «Руководство д/дома» даны объяснения проверяющих о том, почему сложилась такая обстановка в Нялинском детском доме. «Все вышеизложенное в разделах I—IV является следствием крайне неудовлетворительного руководства д/домом со стороны директора тов. Сергеевой и зам. директора по воспит. части тов. Кузнецова. Отсутствие мебели и прочего инвентаря объясняется неповоротливостью тов. Сергеевой. Последняя бывая в командировках в районе и округе не удосужилась закупить и доставить в д/дом стулья, этажерки, табуретки имеющиеся в наличии в магазинах. Не могла обеспечить д/дом известью или в крайнем случае белой глиной. Не закупила столярный инвентарь, несмотря на то, что часть его имеется в их рыбкопе (столярные пилы, молотки, долота, плоскозубцы и т.д.). Не организовала изготовление настольных игр, даже сами дети высказывали на сей счет свои мнения. Не организовала сбор от населения разного рода инвентаря

и оборудования. Зам. директора по воспитательной части т. Кузнецов со своей работой явно не справляется и авторитетом среди детей не пользуется»³¹. По результатам проверки детского дома комиссия предложила освободить от работы заместителя директора Кузнецова и воспитателя Железкову; поваров Молодина и Молодину отстранить от работы за антисанитарное состояние кухни и грубость с воспитанниками; наложить взыскание на фельдшера Герасимову за антисанитарное состояние детдома, за допущение распространения чесоточных заболеваний и издевательство над больными детьми; наложить взыскание на воспитателей Микушину и Менадер за антисанитарное состояние их комнат и детей, за издевательское отношение к детям, кроме того вопрос об их дальнейшей работе оставить открытым; поставить вопрос на бюро РК ВЛКСМ о работе пионервожатой Кайгородовой; о работе директора т. Сергеевой поставить на обсуждение на бюро РК ВКП (б) и заседании исполкома Райсовета³². Об ином отношении к эвакуированным детям говорилось в газете «Сталинская трибуна». В № 29 от 8 февраля 1944 г. было опубликовано сообщение К.Корепанова «Трудовое воспитание — на первом плане». В нем были такие строки: «В одном из ноябрьских номеров прошлого года “Комсомольская правда” писала о встрече эвакуированных в наш округ детей: “Жители таежного поселка Кедровый в далеком Ханты-Мансийском национальном округе вышли со знаменами навстречу приехавшим. В каждом доме был накрыт стол для дорогих гостей”. С тех пор прошло около двух лет. Воспитанники Кедровского детского дома освоились с новым местом жительства. Помещение, хотя и тесновато, но всегда чистое и уютное. Всякий труд здесь привыкли считать поистине честью. Своими силенками дети заготовили для детского дома дрова на всю зиму, оказали большую помощь колхозу в уборочных работах. А сколько было обид и даже слез у того, кто по какой-либо причине не мог поехать вместе со всеми на колхозное поле! За оказанную помощь колхозники щедро вознаградили ребят: выдали им 4 центнера зерна и 3 тонны овощей. Трудовое воспитание здесь — на первом плане. Дети обучаются разнообразным ремеслам, 15 девочек занимаются в рукодельном кружке. Есть в детдоме пошивочный кружок, где старшие девочки шьют для всех ребят новое белье, платье, рубашки, приводят в порядок старое. 5 юных сапожников производят ремонт обуви. Директор детского дома М.Я.Мо-

лохова и все воспитатели много сил и энергии отдают для того, чтобы каждый ребенок чувствовал себя здесь, как в родной семье».

Подводя итоги рассмотрения темы на основе архивных документов, можно сказать, что, несмотря на трудности военных лет, большинству воспитанников детских домов, расположенных на территории Ханты-Мансийского национального округа, все же уделялось надлежащее внимание, обеспечивалась возможность обучения и трудового воспитания, благодаря в том числе принимаемым мерам и контролю со стороны партийных и советских органов власти, а также со стороны общественности.

Примечания

¹ Казенное учреждение «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 240.

² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 166.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 210. Л. 197 об., 198.]

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 289.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 289 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 290.

¹¹ Там же. Л. 290 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.—3 об.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3, 4 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 132—134.

²⁰ Там же. Л. 134, 134 об.

²¹ Там же. Л. 134 об., 135.

²² Там же. Л. 135—136.

²³ Там же. Л. 30—31.

²⁴ Там же. Л. 35—37.

²⁵ Там же. Л. 37—38.

²⁶ Там же. Л. 42, 42 об.

²⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 117. Л. 118.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 118, 118 об.

³⁰ Там же. Л. 119.

³¹ Там же. Л. 119, 119 об.

³² Там же. Л. 120, 120 об.

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОВЕТСКОМ ДЕТСТВЕ В ВОЕННЫЙ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНЫХ ОКРУГОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение детства как части исторического прошлого требует тщательного отбора источников, способных отразить такие его аспекты, как направления государственной политики в области детства и ее результаты, поведенческие практики, отношение детей к происходящим событиям.

Первую группу источников составляют документы партийных и советских органов власти (законодательные акты, правительственные распоряжения, нормативные и ведомственные материалы Народного комиссариата просвещения, постановления ЦК ВКП (б) о школе, приказы Тюменского ОблОНО, постановления Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б))¹. Анализ этой группы источников позволил сделать выводы, что главной задачей государственной образовательной политики в годы войны было сохранение школьной сети и контингента учащихся, осуществление идеологического воспитания школьников как будущих воинов. Работа школьных комсомольских организаций строго подчинялась задачам учебно-воспитательной работы в школах и задачам, определенным государством в области школьного строительства². Основой эффективного воспитания правительством и партией определялась дисциплина, в исследуемый период были приняты соответствующие организационные решения об укреплении дисциплины³. Решение задачи качества образования было напрямую связано с вопросами всеобуча. Для северных округов Тюменской области в послевоенные годы задача всеобуча не теряла своей актуальности. Приказы Тюменского ОблОНО за 1944—1952 гг. констатируют «недохват» обучающихся, неудовлетворительную успеваемость и их отсев⁴.

Война определила особый статус детства — беспризорничество. С первых дней войны вышли постановления, связанные с созданием организаций с целью сохранения жизни детей, оставшихся

без попечения родителей⁵. Соответствующие решения были приняты на местах⁶. Ответственность за профилактику безнадзорности возлагалась на родителей, первичные комсомольские ячейки, органы образования.

Вторая группа источников: делопроизводственные материалы государственных учреждений (протоколы и выписки из протоколов заседаний отделов народного образования различных уровней и др., резолюции), совещаний представителей педагогической общественности и отчетная документация⁷. Анализ источников данной группы позволил выявить проблемы, с которыми столкнулись органы народного образования при реализации государственных задач в области школьного образования, охраны детства, и попытках их разрешить.

Фонды Государственного архива социально-политической истории Тюменской области содержат переписку комсомольских и пионерских организаций с областным и окружным комитетами ВЛКСМ по вопросам организации воспитательной работы в пионерских и комсомольских организациях школ Ямало-Ненецкого округа, реализации всеобуча. Работа школьных пионерских организаций велась по направлениям политического просвещения (с пионерами 9—12 лет беседы проводились на такие темы: «Что такое звено?», «Чем отличается звено от отряда?», «Чем отличается отряд от дружины?»)⁸, обеспечения высокой успеваемости и укрепления дисциплины среди пионеров⁹. Указанные задачи решались и в летнее время через вовлечение школьников в летние пионерские лагеря, детские площадки, однако их посещала лишь треть школьников по причине кадрового дефицита и удаленность проживания детей¹⁰. Материалы о работе пионерских и комсомольских организаций школ, детских домов, о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1952—1953 гг.) свидетельствуют о низком уровне организации воспитательной работы в детских домах Ханты-Мансийского округа, характерных явлениях второродничества, слабой материально-технической базе учреждений¹¹.

Сиротство как статус детства, ставший явлением войны, нашел отражение в архивных фондах. Эвакуированные из прифронтовых районов дети были размещены в детских домах Ханты-Мансийского автономного округа¹². Фонды Государственного архива

Ханты-Мансийского автономного округа содержат сведения о формах борьбы с беспризорностью. Наиболее распространенная из них — патронат¹³. Несмотря на материальное вознаграждение, случалось, что опекуны отказывались от патронирования в силу затруднительного материального положения.

Отчеты о работе школ являются ценным источником, позволяющим выявить количественные и качественные показатели развития школьного образования. Сводные отчеты по типам школ Ханты-Мансийского автономного округа позволили определить, что количество школ в исследуемый период увеличилось со 195¹⁴ до 264¹⁵.

Таким образом, представленные источники позволяют сделать вывод о существовании проблемы реализации всеобща на протяжении всего исследуемого периода. Такие общесоюзные формы организации труда и отдыха школьников, как пионерские сборы, организация тимуровских команд, получили распространение не во всех районах.

Третью группу источников, воссоздающих социальную реальность советского детства, занимает периодическая печать, транслировавшая государственные задачи в области воспитания молодежи и формирующая идеалы советского школьника в сознании читателей. Журнал «Пионер» издавался Центральным комитетом ВЛКСМ. Первый номер журнала был издан в Москве 15 марта 1924 г. и был целиком посвящен В.И.Ленину. Цель журнала заключалась в просвещении советских людей, в особенности школьников, так как основную аудиторию журнала составляли дети в возрасте 10—14 лет. В отличие от многих других пионерских изданий журнал продолжал публиковаться и в годы Великой Отечественной войны. Журнал содержал произведения художественной литературы (повести, рассказы), тематические статьи, посвященные достижениям советской науки и промышленности (что формировало ценность технического труда и рабочих профессий). В содержании текстов складывался собирательный образ идеального советского школьника — члена пионерской организации, трудолюбивого, имеющего активную гражданскую позицию, преданного советским идеалам. Он всегда выступал примером не только для других ребят, но и для собственных родителей¹⁶. Выпуски журнала «Пионер» за январь—апрель 1941 г. отражали

предвоенное состояние страны: публикация практического курса «Молодого разведчика», экскурсов в военную историю, призывов к «социалистическому труду и обороне своей Родины». Ведь пионер — это в первую очередь боец. «Вожатый звена! Помни: каждый пионер в будущем должен быть хорошим бойцом-разведчиком. К этому нужно готовиться уже сейчас. Добейся того, чтобы все пионеры твоего звена стали курсантами нашей школы разведчиков»¹⁷. Журнал, выполняя воспитательные и просветительские функции, решал задачи вовлечения юных граждан в общественную жизнь (призывы проводить лето в пионерских лагерях, участвовать в общественной жизни школы и класса). «В лагерях вы окрепнете, закалитесь, многому научитесь и с новыми силами придете осенью в свою родную школу. Борясь за честь школы, мы должны помнить о ней и летом. Ведь за летние каникулы можно многое сделать для школы. Давайте работать так, чтобы каждый отряд, звено, каждый пионер осенью вернулся в школу с подарками: кто с гербарием, кто с коллекцией, кто с картой своего края... Пусть наступающее лето станет для вас началом большой работы в помощь школе, началом настоящей борьбы за честь школы!»¹⁸.

Помимо текстов, журнал содержит огромное количество фотографий, демонстрирующих детали из жизни счастливых и вовлеченных в общественно значимую деятельность пионеров (сцены из школьной жизни, мероприятий на отдыхе в пионерском лагере), визуализирующих советское детство. Раздел «Наши письма» содержит рассказы и стихи юных читателей, сочинения о проведенном лете, описание увлечений. Авторами публикаций этого раздела выступают школьники преимущественно из крупных областных городов и Москвы, что дает основание предполагать, что в отдаленных регионах страны этот журнал не был широко доступен.

«Остяко-Вогульская правда» содержит газетные статьи и заметки о детях и для детей. На страницах газет описывались трудовые и фронтовые подвиги сверстников — как далеких, так и тех, кто проживал рядом («Теплые вещи в подарок бойцам») (призыв ученицы Самаровской неполной средней школы Гали Змановской к пионерам вести разъяснительную работу с родителями о важности посылок на фронт) от 14.11.1942 г., «Посылки школь-

ников» (о сданных зимних вещах (всего 393 вещи) учащимися Самаровского района) от 14.11.1942 г., «Подарок школьников» (учащиеся Ханты-Мансийской средней школы отправили на фронт четыре праздничные посылки) от 11.10.1943 г. и др.).

На страницах газеты рассказывалось о повседневной жизни школьников: о сборе средств для помощи фронту, выполнении производственных показателей для помощи колхозу, работе на пришкольных участках («Помощь школьников колхозам» (об учащих Елизаровской школы Самаровского района, помогавших колхозам собирать колосья) от 26.09.1942 г., «К пионерам и школьникам округа» (обращение пионерского актива п. Ханты-Мансийск к пионерам всего округа с просьбой оказать помощь колхозам в подготовке путины) от 11.04.1941 г., «Школьники в летний период» (из 3 тыс. школьников Самаровского района были сформированы 200 бригад для помощи колхозам) от 21.05.1944 г., «Подарок юного пушника» (о 14-летнем охотнике Лыскове, жителе юрт Мулигородских, выполнивших план обстрела на 350%) от 23.02.1945 г.)¹⁹.

Таким образом, с одной стороны, газета выполняла информационные функции, с другой — функции агитации и пропаганды, что позволяет почерпнуть не только информационные данные, но и увидеть пропагандируемые руководством ценности и отношение к ним простого населения.

Четвертую группу источников составили источники личного происхождения (письма, воспоминания). В своих воспоминаниях, отложившихся в архивных фондах Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск), а также содержащихся в сборнике воспоминаний «Истории школы в истории судеб», учителя рассказывают о своей работе, о своих взглядах на те или иные проблемы школы²⁰. Воспоминания учителей также изложены на страницах регионального научно-популярного журнала «Югра». Трагические страницы крестьянской ссылки описаны в воспоминаниях выпускников школ в спецпоселках, содержащихся в сборнике «Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа» из серии документальных публикаций «Судьба моя — Югра», рассказывающих о нелегкой судьбе, выпавшей на долю детей спецпереселенцев²¹. Безусловно, воспоминания не дают

всеохватывающего представления, но позволяет наметить проблему субъективного восприятия детства в годы войны и послевоенный период.

Таким образом, представленные источники позволяют определить направления государственной политики в области детства, результаты ее реализации и проблемы в осуществлении, понять отношение к происходившему участников событий.

Примечания

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917—1973 гг. / Сост. А.А.Абакумов, Н.П.Кузин, Ф.И.Пузырев, Л.Ф.Литвинов. М., 1974; Решения окрисполкома, касающиеся деятельности народного образования в округе // Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 5. Ханты-Мансийский Окружной отдел народного образования. Оп. 1. Д. 323. Приказы министерства просвещения и решения окрисполкома, касающиеся народного образования в округе.

² О мерах по улучшению работы комсомола в школе. Постановление XII пленума ЦК ВЛКСМ (март 1944) // <http://intellect-invest.org.ua>

³ Постановление СНК СССР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов». 16 июля 1943 г. // Народное образование в СССР... С. 177; О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе: постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 21 июня 1944 г. // Хрестоматия по истории советской школы и педагогики: Учеб. пособие / Ред. А.Н.Алексеев, Н.П.Щербов. М., 1972. С. 289.

⁴ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. Р-1823 Комитет по образованию и науке (1944—1992). Оп. 1. Д. 41. Приказы Тюменского ОблОНО (1947), Д. 53. Приказы Тюменского ОблОНО (1948), Д. 109. Приказы Тюменского ОблОНО (1950).

⁵ Постановление СНК от 23 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей»; Постановление СНК от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством».

⁶ Постановление Бюро Ямало-Ненецкого окружного комитета комсомола от 28.03.1944 г. «О борьбе с детской беспризорностью и предупреждении детской безнадзорности» // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 1454. Оп. 1. Д. 44. Оп. 42, 42 об.

⁷ ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1 Д. 342. Приказы Тюменского ОблОНО по основной деятельности; ГАТО. Ф. Р-1823. Комитет по науке и образованию (1944—1992 гг.); ГАСПИТО. Ф. 1490. Ханты-Мансийский окружном ВЛКСМ; Ф. 1454. Ямало-Ненецкий окружном ВЛКСМ.

⁸ Докладная о политико-воспитательной работе в школах-интернатах района (Ямальского. — С.Н.) // ГАСПИТО. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 272. Л. 5—5 об., 6—6 об.

⁹ Отчет о работе комсомольских и пионерских организаций школ Ямало-Ненецкого округа за 1950/1951 уч.г. // ГАСПИТО. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 326. Л. 13—19.

¹⁰ Отчет об организации летней оздоровительной работы с пионерами и школьниками Ямало-Ненецкого округа в 1951 г. // Ф. 1454. Оп. 1. Д. 326. Л. 23, 24.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 419. Оп. 1. Л. 69—77.

¹² ГАХМАО. Ф. 5. Д. 172. Оп. 1. Л. 91.

¹³ Материалы о патронировании детей-сирот Самаровского района. 1942—1943 гг. // ГАХМАО. Ф. 14. Д. 106. Оп. 1.

¹⁴ ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247. Л. 1—1 об.

¹⁵ Там же. Д. 281. Л. 1.

¹⁶ Кулешова А.Н. Мой сын // Пионер. 1939. № 12. С. 53—56.

¹⁷ Фронтовые новеллы // Пионер. 1941. № 4. С. 54—56; Школа разведчиков // Пионер. 1941. № 4. С. 64—66.

¹⁸ Праздник борьбы и труда // Пионер. 1941. № 4. С. 4.

¹⁹ Остяко-Вогульская правда (Ханты-Манчи шоп) — орган издания окружного комитета ВКП (б), издавался с июля 1931 г.

²⁰ История школы в истории судеб. История развития системы образования в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа. 1930—2004 гг.: Сборник документов. Вып. 2. Екатеринбург, 2004.

²¹ Политические репрессии 1930—1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сборник документов / Сост. Е.М.Брагина, Ю.В.Лазарева, Л.В.Набокова. Ханты-Мансийск, 2002.

Раздел 3

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

Глава 1

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУМЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА II СОЗЫВА (1996—2000 гг.)

Выборы в Думу Ханты-Мансийского автономного округа II созыва состоялись 27 октября 1996 г. Было избрано 19 депутатов, а 14 декабря избрали еще четырех депутатов по единому национально-территориальному избирательному округу. В выборах приняли участие 377 605 человек, или 46,6% от общего числа избирателей. Депутатами Думы стали Асеев Леонид Александрович, Бахир Сергей Юрьевич, Богданов Владимир Леонидович, Важенин Юрий Иванович, Волостригов Петр Станиславович, Гоголева Татьяна Степановна, Грабовский Владимир Соломонович, Гребенюков Владимир Иванович, Гумерский Хаким Хасанович, Занкиев Марат Якубович, Крупинин Николай Яковлевич, Огульчанский Дмитрий Петрович, Николаев Николай Михайлович, Попов Петр Джонович, Пясецкий Андрей Дмитриевич, Резяпов Александр Филиппович, Рязанов Александр Николаевич, Собянин Сергей Семенович, Сондыков Василий Семенович, Титова Нина Васильевна, Холманский Сергей Павлович, Чаун Владимир Григорьевич, Чистова Любовь Александровна. Из 23 депутатов на второй срок были избраны шестеро, пятеро работали на профессиональной основе. Среди депутатов этот созыв получил название «мэрский», поскольку большинство из них являлись главами администраций муниципальных образований.

Первое заседание Думы II созыва состоялось 6 ноября 1996 г. Его открыл Председатель избиркома В.В.Змановский, проинформировавший депутатов о том, что выборы состоялись и действительны. Повестка дня заседания включала 9 вопросов: о структуре Думы, о заместителях, об образовании комиссий и др. Председателем Думы вновь избрали Сергея Семеновича Собянина (избирательный округ № 9, г. Когалым и г. Покачи). Первым заместителем председателя 4 февраля 1997 г. был избран Петр Станиславович Волостригов (избирательный округ № 3, Советский район). Заместителем председателя по социальной политике избрали

Любовь Александровну Чистову (избирательный округ № 1, г. Ханты-Мансийск). В январе 1998 г. в соответствии со статьей 44 устава Ханты-Мансийского автономного округа депутаты, избранные по единому национально-территориальному избирательному округу, сформировали Ассамблею представителей коренных малочисленных народов Севера, председателем избрали Василия Семеновича Сондыкова, а постановлением Думы от 23 января того же года его назначили заместителем председателя Думы по делам коренных малочисленных народов Севера. «Главной целью, — вспоминал В.С.Сондыков, — ставилась защита на законодательном уровне прав аборигенного населения». Впоследствии данная Ассамблея активно участвовала в разработке и принятии нормативных правовых актов, законов и программ, защищающих права народов ханты и манси. В качестве постоянно действующих органов Думы II созыва были сформированы три комиссии: по бюджету, региональной политике и социальной политике.

Таблица 1

**Состав комиссий Думы
Ханты-Мансийского автономного округа II созыва**

Комиссия и ее председатель	Члены комиссии
По бюджету Резяпов Александр Филиппович (депутат от избирательного округа № 8)	Важенин Юрий Иванович (депутат от Сургутского трехмандатного муниципально-территориального избирательного округа); Грабовский Владимир Соломонович (депутат от Нижневартовского трехмандатного муниципально-территориального избирательного округа); Крупинин Николай Яковлевич (депутат от избирательного округа № 11); Николаев Николай Михайлович (депутат от избирательного округа № 10); Холманский Сергей Павлович (депутат от избирательного округа № 4).
По социальной политике Чистова Любовь Александровна (депутат от избирательного округа № 1)	Асеев Леонид Александрович (депутат от избирательного округа № 6); Гребенюков Владимир Иванович (депутат от национально-территориального избирательного округа); Попов Петр Джонович (депутат от Нижневартовского трехмандатного муниципально-территориального избирательного округа); Пясецкий Андрей Дмитриевич (депутат от национально-

	территориального избирательного округа); Рязанов Александр Николаевич (депутат от Сургутского трехмандатного муниципально-территориального избирательного округа); Сондыков Василий Семенович (депутат от национально-территориального избирательного округа); Титова Нина Васильевна (депутат от избирательного округа № 7).
По региональной политике Волостригов Петр Станиславович (депутат от избирательного округа № 3)	Бахир Сергей Юрьевич (депутат от избирательного округа № 5); Богданов Владимир Леонидович (депутат от Сургутского трехмандатного муниципально-территориального избирательного округа); Гоголева Татьяна Степановна (депутат от национально-территориального избирательного округа); Гумерский Хаким Хасанович (депутат от Нижневартовского трехмандатного муниципально-территориального избирательного округа); Занкиев Марат Якубович (депутат от национально-территориального избирательного округа); Огульчанский Дмитрий Петрович (депутат от национально-территориального избирательного округа); Чаун Владимир Григорьевич (депутат от избирательного округа № 2)

Депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа II созыва более четко определили направления законодательной деятельности постоянных комиссий Думы. В целях эффективной организации законопроектной работы, подготовки и предварительного рассмотрения наиболее важных социально-экономических вопросов, относящихся к ведению комиссий Думы автономного округа, депутаты образовали Совет Думы из числа председателя, его заместителей и председателей комиссий. Новым структурным подразделением Думы стала и Мандатная комиссия. В ее компетенцию входило осуществление подготовки и предварительное рассмотрение постановлений Думы по вопросам признания полномочий избранных депутатов; осуществление контроля за соблюдением установленного порядка прекращения депутатских полномочий, проверка и формулирование заключений на протесты, жалобы, заявления по результатам выборов депутатов и другие вопросы. При Думе по инициативе ее председателя в 1998 г. создали Координационный совет представителей органов местного самоуправления. Он обеспечивал взаимодействие между органами власти

и координировал деятельность представительных органов местного самоуправления. Совет также готовил рекомендации для продвижения проектов законов, предложений по социально-экономической политике муниципальных образований, оказывал содействие в юридическом обеспечении деятельности органов местного самоуправления, устраивал выездные заседания в муниципалитеты. Таким образом, структура Думы изменилась.

Работу Думы обеспечивал ее аппарат, который ведал делопроизводством, обеспечивал протоколирование заседаний Думы, готовил и рассылал необходимые справки депутатам, информационные бюллетени, обеспечивал регистрацию и хранение документов, осуществлял контроль за принятыми постановлениями. Численность аппарата Думы составляла 30 человек. Функционировали следующие отделы: общий, организационный, государственно-правовой, по бюджету, экономике и финансам. Продолжила работу и Счетная палата, по-прежнему осуществлявшая контроль за исполнением бюджета автономного округа. Благоотворно повлияло на работу Думы и принятие нового регламента.

Для квалифицированной подготовки законопроектов сформировали юридическое управление с привлечением к работе ведущих юристов страны. Распоряжениями председателя Думы в 2000 г. произошла реорганизация некоторых отделов, появились управления: документационного обеспечения (В.А.Белобородова), государственно-правовое (Т.В.Запевалина), организационное (В.И.Сутягин). Продолжили работать отделы по бюджету, экономике и финансам (О.Н.Солодская), информационно-аналитический (В.В.Андреевских), отдел бухгалтерского учета и отчетности (Т.П.Сонникова), пресс-служба (И.В.Кириллов).

В конце срока полномочий Думы II созыва произошли изменения в ее руководстве. На заседании Думы 25 сентября 2000 г. было принято решение о досрочном прекращении полномочий ее председателя С.С.Собянина в связи с назначением его на должность первого заместителя полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе. В интервью С.С.Собянин отметил: «Просто с этим расстаться нельзя.., отношения, которые сложились в Думе.., достаточно дружеские, тесные.., наша совместная работа — давно не просто формализованный процесс... это дело, за которое переживают все»¹.

Исполнение обязанностей председателя до январских выборов 2001 г. возлагалось на первого заместителя П.С.Волостригова. Оценивая деятельность С.С.Собянина в качестве председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа, П.С.Волостригов подчеркнул: «Именно его трудолюбие, нестандартность и смелость мышления, инициативность позволили Думе округа уйти от провинциального уровня разработки и экспертизы наших законопроектов, вывели его в лидеры регионального законодательства в России»².

Новым этапом в деятельности Думы и функционировании системы управления в целом стал 1999 г., когда было принято решение о создании Правительства Ханты-Мансийского автономного округа. Губернатор принял решительные меры по формированию новой команды, способной решать современные задачи в изменившихся условиях. Структура правительства была утверждена на заседании Думы 10 декабря 1999 г. В этой связи А.Филипенко в одном из интервью заметил: «Чрезмерная централизация власти к тому времени стала тормозом экономического и социального развития»³. На первом заседании правительства губернатор поставил новую задачу: пересмотреть приоритеты деятельности в отношении экономики и социальной сферы, более решительно заняться вопросами социального развития, что, безусловно, стало отправной точкой для корректировки законотворческой деятельности Думы на указанном этапе.

Законодательная деятельность Думы автономного округа осуществлялась на основании плана работы, утверждаемого депутатами на каждый календарный год. Планом работы закреплялись наиболее приоритетные сферы общественных отношений, правовое регулирование которых необходимо для стабильного социально-экономического развития автономного округа, и перечень проектов законов, предполагаемых к рассмотрению Думой автономного округа на очередной год. Формируя систему законодательства, Дума автономного округа видела свою стратегическую задачу, прежде всего, в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь населения округа. Этому всецело посвящалась перспективная законодательная политика, основанная на долгосрочных планах социально-экономического развития округа. Важным достижением того периода стало создание нормативной правовой

базы для эффективного природопользования и охраны окружающей среды, а также принятие законов, ориентированных на социально-экономическое развитие региона. К осени 1997 г. Дума фактически завершила работу по формированию основ государственного устройства и местного самоуправления в регионе. На основе устава Ханты-Мансийского автономного округа постепенно были разработаны и приняты законы, сыгравшие фундаментальную роль в функционировании системы государственной власти в округе.

При формировании нормативной базы округа представители законодательной и исполнительной власти работали в тесном контакте, стремились согласовать позиции и снять разногласия еще до процедуры вынесения законопроекта на заседании Думы. Подобный механизм взаимодействия оказался весьма эффективным, позволив значительно повысить качество подготовки законопроектов. Практически все законы, принятые окружной Думой, утверждались губернатором без существенных возражений.

Между тем на фоне активно идущего процесса становления округа как полноценного, полноправного субъекта РФ, повышения его значимости в экономике России были заметны тенденции настороженной реакции как со стороны руководства Тюменской области, так и со стороны некоторых представителей в федеральном центре. В апреле 1997 г. был подписан договор о сотрудничестве между округами и Тюменской областью. В соответствии с его положениями создавались координационные органы из представителей законодательных и исполнительных органов власти регионов. Однако это не удовлетворило руководителей Югры и Ямала, и они инициировали судебное разбирательство в Конституционном суде РФ. Формально данный спор завершился принятием Постановления Конституционного суда от 14 июля 1997 г. № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации Положения о вхождении автономного округа в состав края, области». Был подтвержден факт вхождения автономных округов в состав Тюменской области, но признавалось и равноправие этих субъектов. Суд пришел к выводу о необходимости единой власти для всех трех субъектов, которая должна избираться населением области и округов. В результате ситуацию еще более запутали. В октябре 1997 г. между органами власти автономных округов и Тюменской области был заключен

новый договор о принципах взаимоотношений. Тюменская область получила 40% платы за недра от предприятий, находящихся в автономных округах, что составляло почти половину ее бюджета.

Из-за возникшего финансового кризиса в России 1998 год складывался для округа непросто. Существовала ограниченность бюджетных средств, наблюдалась низкая финансовая и платежная дисциплина, предприятия не имели достаточных средств, росли затраты. Принятие нормативных актов Думой автономного округа II созыва было направлено на преодоление последствий кризиса, ликвидацию задолженности по зарплате и пособиям. Несмотря на это, по результатам 1998 г. по объему поступлений в консолидированный бюджет Ханты-Мансийский автономный округ занял 2-е место среди субъектов РФ, а по вливаниям в федеральную казну — 3-е место, уступив Москве и Московской области. Формированию бюджета 1999 г. были посвящены депутатские слушания. В условиях снижения цен на нефть и общего уменьшения налоговых поступлений верстать бюджет, предложенный федеральным центром, было сложно. В частности, очень мало денег поступало из Москвы для обеспечения выплат детям, ветеранам, инвалидам, больших расходов требовало и содержание федеральных учреждений, расположенных на территории округа. И представление у некоторых приезжих гостей о том, что округ «купался» в деньгах, было далеким от истины. Другое дело, что, принимая бюджет, Дума старалась распределить его как можно правильнее, с учетом приоритетов, а использовать выделенные средства требовала эффективнее.

Расширяя контакты с другими субъектами РФ, Дума автономного округа II созыва подписала соглашения с Государственным собранием — Курултаем Республики Башкортостан, Новосибирским областным советом депутатов, Государственным советом Чувашской Республики, Законодательным собранием Пензенской области, Народным Хуралом Республики Калмыкия. В 1999 г. Дума округа заключила Соглашение о сотрудничестве с парламентским центром Канады в сфере законотворческой деятельности по вопросам недропользования и природопользования. Дума автономного округа II созыва внесла существенные коррективы в устав автономного округа. Это было связано с изменением федерального законодательства. Для осуществления контрольных функций в соответствии с законом «О счетной палате Ханты-Мансийского

автономного округа», который был принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 30 мая 1995 г., Думой была образована Счетная палата. Период 1999—2000 гг. в работе Думы характеризуется как время, когда депутаты работали над совершенствованием законодательства (вносили изменения, дополнения, поправки, принимали законы в новой редакции).

В 1999 г. в Тюмени состоялась научно-практическая конференция «Пять лет региональному законодательству: опыт, проблемы, перспективы», где были подведены итоги законотворчества областного и окружных органов законодательной власти. В выступлении Председателя Госдумы Г.Н.Селезнева прозвучали следующие данные: 20% региональных законов не соответствуют федеральным и Конституции РФ, это объяснялось тем, по его мнению, что не было принято закона для регионов — об общих принципах организации системы органов госвласти в субъектах РФ, где были бы распределены полномочия между исполнительной и представительной властью. Что касается Ханты-Мансийского автономного округа, то удалось достигнуть некоторого баланса ветвей власти и компромисса с тем, чтобы избежать конкуренции в полномочиях. Основным результатом работы Думы II созыва стало обеспечение условий для окончательного становления органов государственной власти автономного округа.

В 1999—2000 гг. проявилась устойчивая тенденция улучшения экономического и финансового состояния в округе. Ханты-Мансийский автономный округ занимал 1-е место в стране по добыче нефти, 2-е место по выработке электроэнергии, 3-е место по добыче газа. В 2000 г. округ отметил 70-летие со дня образования. Благодаря профессиональной деятельности органов региональной власти, Ханты-Мансийский автономный округ стал одним из самых экономически эффективных и социально адаптированных регионов в стране.

Итоги четырехлетней деятельности Думы Ханты-Мансийского автономного округа II созыва характеризовались возросшей эффективностью и системностью в подготовке и принятии нормативных правовых актов, достаточно высоким качеством принимаемых законов и программ. С начала II созыва Думой автономного округа на 33 состоявшихся заседаниях было обсуждено 1077 вопросов, принято 378 законов. В их числе законы, регулирующие

выборы в органы государственной власти и местного самоуправления. По важнейшим аспектам организации местного самоуправления Дума Ханты-Мансийского автономного округа приняла более 35 законов. Депутатами принят блок законов, регулирующих осуществление государственной и муниципальной службы в автономном округе. С принятием закона Ханты-Мансийского автономного округа от 24 июня 1998 г. № 53-оз «О нормативных правовых актах Ханты-Мансийского автономного округа» были установлены: система законодательства автономного округа, единые требования к законам и иным нормативным актам органов государственной власти, порядок их подготовки, рассмотрения, принятия, опубликования и вступления в силу, толкования и отмены, а также определены способы разрешения юридических коллизий. А принятие закона от 7 октября 1999 г. № 56-оз (ред. от 3 мая 2011 г.) «О международных и внешнеэкономических связях Ханты-Мансийского автономного округа» позволило осуществлять политическое и экономическое взаимодействие Ханты-Мансийского автономного округа с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также с политическими партиями, общественными объединениями и иными субъектами договорных отношений.

Дума автономного округа II созыва осуществляла активную законодательную деятельность в сфере бюджетных правоотношений, экономики и финансов, налогового законодательства, природопользования и охраны окружающей среды, в области социальной политики. Законодательная деятельность органов государственной власти автономного округа по регулированию социальной сферы приобрела особую актуальность в условиях перехода к рынку. Законодательством автономного округа в основном были урегулированы основы правоотношений в области здравоохранения, образования, культуры, физкультуры и спорта, молодежной политики. В центре внимания находились и вопросы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. Думой II созыва в основном была создана необходимая правовая база для реализации прав коренных малочисленных народов Севера, сохранения и обеспечения их жизнедеятельности. Иногда можно еще встретить позицию, сторонники которой являются противниками вложения средств в обустройство жизни аборигенов.

А.В.Филипенко в одном из интервью в этой связи отметил: «Мы еще мало вкладываем в аборигенов. Они (западные аборигены) живут, а наши ханты, манси, ненцы — выживают»⁴.

Думой автономного округа II созыва было разработано и утверждено более 30 программ («Жилище», «Ветеран», «Старшее поколение», «Социальная поддержка инвалидов Ханты-Мансийского автономного округа на 1998—2001 гг.», «Дети Югры. 1999—2000 гг.», «Лекарственное обеспечение населения и лечебно-профилактических учреждений Ханты-Мансийского автономного округа на 1998 г. и перспективу», «Развитие профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа», «Молодежь Ханты-Мансийского автономного округа. 1997—1999 гг.» и др.).

В период с 1996 по 2000 гг. Думой округа регулярно реализовывалось право законодательной инициативы. Выражалось это в разработке замечаний и дополнений к проектам федеральных законов, в экспертизе принятых нормативных правовых актов Российской Федерации, поддержке законодательной инициативы иных субъектов Российской Федерации. Думой II созыва рассматривались законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, непосредственно затрагивающие права и интересы населения Ханты-Мансийского автономного округа. В 2000 г. Думой автономного округа были направлены в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации поправки к проекту второй (особенной) части Налогового кодекса Российской Федерации.

Решающая роль в подготовке и принятии нормативных правовых актов отводилась депутатским комиссиям Думы автономного округа. Благодаря этому более продуктивными стали заседания законодательного органа власти, ускорился сам законотворческий процесс. За период второго созыва проведено 80 заседаний комиссий. Деятельность депутатских комиссий не исчерпывалась лишь заседаниями, которые проходили не более одного-двух раз в месяц. В соответствии с регламентом Думы они имели возможность обсуждать различные проблемы законотворческого процесса в рабочих группах, за круглым столом, проводили депутатские слушания. Важно подчеркнуть, что главным в законотворческой работе Думы была ее социальная направленность. Каждый третий закон, каждая вторая программа, принятые Думой, непосредственно

касались социальной сферы. В автономном округе своевременно производилась выплата пенсий, обеспечивалось финансирование учреждений социальной сферы, реализовывались окружные программы по развитию здравоохранения, образования, социального обеспечения. Нельзя не отметить, что именно за годы работы Думы II созыва губернатор и председатель Думы предприняли решительные шаги для укрепления положительного имиджа органов государственной власти округа. П.Волостригов так писал об А.В.Филипенко и С.С.Собянине: «Мощный тандем двух неординарных интеллектуалов..., органично дополняющих друг друга, позволяет обеим ветвям власти целеустремленно работать во благо населения округа, являясь важнейшим качеством власти»⁵.

К концу работы Дума II созыва имела уже достаточно большой опыт законотворческой работы. Ведущие специалисты юриспруденции Института сравнительного правоведения при Президенте РФ активно участвовали в разработке проектов законов. Благодаря их деятельности в округе сформировалось земельное, природоресурсное, экологическое законодательство. Контроль над законотворческим процессом прокуратуры округа также был весьма действенным. К тому времени было очевидно, что, несмотря на накопленный опыт в сфере законотворческой деятельности, оставались проблемы. Так, некоторые нормативные акты принимались при отсутствии достаточного федерального правового обеспечения и при очевидных пробелах в федеральном законодательстве. Следовательно, при проведении юридических экспертиз проектов нормативных актов, эксперты сталкивались с проблемой оценки их соответствия нормам, содержащимся в проекте, действующему федеральному законодательству и Конституции РФ. Начальник управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу Г.В.Тихонов отмечал, что были проблемы и в сфере организации взаимодействия экспертов с разработчиками нормативных актов. Зачастую проекты поступали в Управление юстиции без пояснительной записки. Экспертов не приглашали на рабочей стадии разработки законопроектов, что отрицательно влияло на их качество.

Оценивая деятельность Думы II созыва, П.Волостригов сказал: «Дума округа очень „выросла“, ее депутаты приобрели достаточно большой авторитет и популярность. Стало престижным быть

депутатом окружной Думы. ...Депутаты, Дума округа реально влияют на положение дел в округе». Он высказал пожелание в адрес Думы III созыва, чтобы в новом составе было больше законодательных инициатив на федеральном уровне для того, чтобы Дума автономного округа действительно влияла на политику федерального центра, чтобы росло число депутатов, работающих на постоянной основе, так как депутаты не могут быть ни государственными, ни муниципальными служащими»⁶.

Таким образом, деятельность Думы II созыва продемонстрировала тенденцию усиления законодательной власти в регионе, что способствовало, на наш взгляд, возрастанию роли региональной и национальной элит не только на местном, но и на общероссийском уровне.

Примечания

¹ Попкова Н., Попкова Л. С.Собянин: Административная реформа созданием федеральных округов не закончится! // Югра. 2000. № 9—10. С. 11.

² Выборы — это только начало работы // Новости Югры. 2000. 17 февраля.

³ Филипенко А. Нам по силам создать достойную жизнь // Новости Югры. 2000. 9 декабря.

⁴ Гецевич И. Юбилей — хороший повод подумать о завтрашнем дне... // Югра. 2000. № 9—10. С. 2—3.

⁵ Выборы — это только начало работы // Новости Югры. 2000. 17 февраля.

⁶ Избирательная система Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 15 лет. Ханты-Мансийск, 2009. С. 42.

Глава 2

ЭКОНОМИКА НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО—ЮГРЫ В ЭПОХУ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (2002—2012 гг.)

Базовый сектор

Инновационные факторы всегда обеспечивают расширение базового сектора. На это обратили внимание авторы монографии, посвященной экономической трансформации ХМАО¹. В процессе движения и трансформации товарных цепочек и услуг, исходно сгенерированных в районе, происходят многочисленные утечки финансовых средств. Обычно к месту рождения возвращается только ничтожная часть финансового потока, созданного северным ресурсом или услугой. Чем больше несоответствие между потенциальной ценностью ресурса и возвращенной в регион его рождения финансовой ценностью, тем сильнее отчуждение его жителей от богатств территории. Отчуждение гасит предпринимательскую энергию людей, ослабляет доверие между агентами экономики и потому очень деструктивно. Судьба базового сектора экономики района и округа оказывается напрямую связана и с моделью федеративного устройства РФ, и с экономическим поведением нефтяных компаний, и с влиянием региональных коалиций в самом округе — со степенью их патриотичности². На разработку нефтяных месторождений в Нижневартовском районе в середине 2000-х гг. имели разрешение пять вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК): ОАО «ГНК-ВР», ОАО «НГК Славнефть», ОАО «Башнефть», ОАО «ЛУКОЙЛ», ОАО «Сиданко», а также мелкие и средние нефтедобывающие компании (включая совместные предприятия). Ситуация высоких мировых цен на нефть в 2000-х гг. абсолютно не стимулировала компании к проведению инновационной модернизации отрасли. Затягивание решения этого вопроса может привести к тому, что работать на нефтепромыслах захотят только вахтовики из стран СНГ, не всегда подходящие по своей квалификации.

Начиная с 2000 г. отмечался рост объема добычи нефти на территории района.

Таблица 1

**Добыча нефти и газа предприятиями,
зарегистрированными на территории района в 2000-х гг.³**

	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2010
Нефть, млн т	11,3	18,1	18,3	11,0	17,1	16,2	19,7
Газ, млрд м ³	0, 621	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,460

Причинами падения объема добычи нефти предприятиями района в 2006 г. являлись: истощение базы Самотлорского месторождения (ОАО «ТНК-Нижневартовск», на 8,8%), технологические причины (ОАО МПК «Аганнефтегазгеология», на 16,3%), а также перерегистрация двух предприятий по месту их нахождения (ОАО «Соболь» и ООО «Славнефть-Нижневартовск» с 2006 г. внесены в государственный реестр г. Мегион), невосполнение объемов добычи разведанными запасами.

Решением Думы Нижневартовского района от 14 мая 2008 г. № 41 была утверждена «Комплексная программа социально-экономического развития Нижневартовского района на 2007—2017 годы». Начало ее реализации связано с экономическим кризисом, охватившим мировую экономику. За 2009 г. добыча нефти увеличилась в открытых акционерных обществах «Мохтикнефть», «Нефтегазовая компания “Славнефть”», обществе с ограниченной ответственностью «Заполянефть». Сокращение объемов добычи нефти произошло в 11 из 14 нефтедобывающих предприятиях района. Из них снижение объемов добычи более чем на 10% произошло в наиболее крупных компаниях, доля которых в объеме добычи предприятиями района составляет более 72%. Основной характеристикой состояния экономики района в 2010 г. являлось состояние перехода от спада к восстановительному росту. По-прежнему основой экономики остается нефтегазовый комплекс. В настоящее время на территории района осуществляют добычу нефти семь вертикально-интегрированных компаний.

Инфраструктурный сектор

Электроэнергетика является инфраструктурной отраслью в районе, однако по мере экспорта энергии на рынок становится по ряду функций базовой. Потребность предприятий, организаций, а также населения района в электроэнергии обеспечивает Нижневартовская

ГРЭС. В августе 1982 г. выбрана площадка для строительства Нижневартовской ГРЭС в районе излучины р. Вах, притоке р. Обь, в 20 км от г. Нижневартовска. В марте 1983 г. отряд строителей из 25 человек прибыл в устье реки Окуневки. Пять вагончиков, два трактора, бульдозер, два грузовика, два автобуса — это было началом строительства Нижневартовской ГРЭС. В апреле 1984 г. приказом Минэнерго СССР был назначен первый директор — Жабо Владимир Владимирович. В октябре 2002 г. директором станции назначили Бородина Виктора Николаевича. ОАО «Тюменьэнерго» приняло решение о безусловном вводе в эксплуатацию энергоблока № 2 Нижневартовской ГРЭС в 2003 г., определило объем необходимого финансирования и его график. Началась напряженная работа коллективов Нижневартовской ГРЭС и подрядных организаций, вошедших в группу компаний «Интертехэлектро»: ОАО «ИК Кварц», ОАО «Нижневартовскэнергомонтаж», ОАО «Электрозапсибмонтаж», ЗАО «Силовые машины», ООО «Раник» и других на объектах строительства энергоблока № 2. Среднегодовая выработка в тот период составляла около 5 млрд кВт·ч. Станция обеспечивала электроэнергией не только район, но и другие регионы страны. Налог с Нижневартовской ГРЭС составляли 5% районного бюджета⁴.

В 2003 г. станция отметила десятилетие. За 10 лет работы энергоблока № 1 Нижневартовской ГРЭС выработано более 40 млрд кВт·ч электроэнергии и 3,6 млн Гкал тепла. С 29 сентября 2006 г. Нижневартовская ГРЭС вошла в ОАО «Первая генерирующая компания оптового рынка электроэнергии». В настоящее время Нижневартовская ГРЭС — третья по мощности станция Тюменской области с установленной мощностью 1600 МВт (два энергоблока по 800 МВт). На ее долю приходится около 15% всех мощностей Тюменской энергосистемы. В 2007 г. достигнута рекордная выработка электроэнергии в количестве 11,635 млрд кВт·ч, что на 7,93 млрд кВт·ч больше уровня 2002 г. С вводом в промышленную эксплуатацию в ноябре 2003 г. второго энергоблока Нижневартовской ГРЭС выработка электроэнергии увеличилась более чем в 2 раза.

В сентябре 2007 г. ОАО «Первая генерирующая компания оптового рынка электроэнергии» и ТНК-ВР подписали предварительное соглашение о создании совместного предприятия по строительству третьего энергоблока Нижневартовской ГРЭС мощностью 800 мегаватт с применением более современных технологий

парогазового цикла. Объем производства, передачи и распределения электроэнергии, газа и воды за 2009 г. составил 9 891,8 млн руб., произведено электроэнергии 11,514 млрд кВт·ч. За 2010 г. произведено электроэнергии на территории района 11,4 млрд кВт·ч⁵. В 2011 г. производство электроэнергии увеличилось на 10,5% и составило почти 12,5 млрд кВт·ч⁶. В феврале 2011 г. ТНК-ВР и «ИНТЕР РАО ЕЭС» подписали первые в истории российской деловой практики долгосрочные договоры на поставку газа на Нижневартовскую ГРЭС и купли-продажи электроэнергии и/или мощности, действующие в течение 18 лет. Договоры обеспечивают стабильные поставки газа в объемах, учитывающих долгосрочную программу развития Нижневартовской ГРЭС, и гарантированные продажи для ТНК-ВР, а также создают для электростанции предсказуемый рынок сбыта электроэнергии. В апреле 2011 г. в Москве состоялось подписание договора между ОАО «Атомэнергомаш» и ЗАО «Нижневартовская ГРЭС», согласно которому предусматривается участие ОАО «Атомэнергомаш» в строительстве блока 3.1 Нижневартовской электростанции. 8 июля 2011 г. в администрации Нижневартовского района получено разрешение на строительство объекта. Нижневартовской ГРЭС в 2011 г. установлен самый высокий показатель станции по выработке электроэнергии — 12,462 млрд кВт·ч. По сравнению с результатами работы за 2010 г. рост выработки электроэнергии превысил почти 10%. Ввод в эксплуатацию первого генератора 3-го блока мощностью 410 мегаватт планируется в 2013 г.

Сектор услуг

Лесной комплекс. Эта отрасль утратила свои базовые функции. Территория Нижневартовского района расположена в пределах Западно-Сибирской равнины, в северной и средней подзонах таежных лесов. На территории Нижневартовского района общая площадь земель, занятых лесами, составляет 11,4 млн га (50% территории района). В середине 2000-х гг. лесозаготовительную и перерабатывающую деятельность вели 12 предприятий. В 2002 г. объемы заготовки и переработки древесины по сравнению с 2001 г. увеличились в 3 раза. Произвели и вывезли деловой древесины 33,5 тыс. м³, пиломатериалов — 5,8 м³. Лесозаготовки в основном направлены на удовлетворение нужд нефтегазового комплекса.

В 2003 г. заготовили 161,26 тыс. м³ древесины⁷, в 2004 г. — 107,4 тыс. м³ древесины, а в 2005 г. всеми рубками было заготовлено 85,2 тыс. м³ древесины. Основными лесоперерабатывающими предприятиями являются ЗАО «Нефтьстройинвест», ООО «Юграстрой», ООО «Акка», ЗАО «База по производству стройматериалов», ОАО «Деревообрабатывающий завод», ОУП «Строительно-промышленный комбинат», ООО «Стройреконструкция», ОАО «Кодавартлес». В составе лесного комплекса преобладает лесозаготовительная промышленность. Деревообрабатывающая отрасль развита слабо и не соответствует сырьевым возможностям района. Большая часть древесины в необработанном виде вывозится за пределы района⁸. Лесная и деревообрабатывающая промышленность занимает малозаметное место, что явно не соответствует ее сырьевому потенциалу. Занимая первое место в округе по запасам древесины, составляющим 700 млн м³ (22,6%), в районе не созданы и не функционируют крупные предприятия по заготовке и переработке древесины. До настоящего времени пока не проработаны и окончательно не утверждены варианты развития лесной и деревообрабатывающей промышленности в районе.

Сельское хозяйство. В районе почти отсутствует общественное сельскохозяйственное производство. В 2002 г. крестьянским хозяйствам было начислено субсидий в размере 2 835,3 тыс. руб.⁹ В 2003 г. в районе было зарегистрировано 6 сельхозпредприятий. В середине 2000-х гг. насчитывалось 22 фермерских хозяйства. Среднегодовое производство составляло: мясо — 200 т, картофель и овощи — 150—200 т, молоко — 370 т¹⁰.

Таблица 2

**Показатели сельскохозяйственного производства
в крестьянских (фермерских) хозяйствах района в 2003—2007 гг.¹¹**

Показатели	2003	2004	2005	2007
Скот и птица (на убой в живом весе), т	750	291	408	820
Молоко, т		729	106	203
Поголовье скота, голов:				
в том числе крупный рогатый скот	670	725	147	436
мелкий рогатый скот	100	100	143	235
свињи	1 194	1 190	665	2 328
лошади	163	145	192	284

В 2005 г. субсидии сельхозпроизводителям составили 3 970,64 тыс. руб.¹² Реализация приоритетного национального проекта «Развитие Агропромышленного комплекса» предусматривает финансирование погашения части затрат на уплату процентов по кредитам на развитие малых форм хозяйствования. В 2007 г. выплачено 567 тыс. руб. С 1 января 2007 г. началась выплата субсидий из бюджета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры сельхозпроизводителям Нижневартовского района. В 2007 г. снизились показатели по производству картофеля и овощей. Резкое снижение производства картофеля и овощей связано с высоким весенне-летним уровнем паводковых вод и затоплением пашни. В 2010 г. общая площадь посевов составляла 228 га. Было получено следующее количество продукции: 11,2 тыс. т картофеля, 2,47 тыс. т овощей, 1 113 т молока, 102 тыс. шт. яиц. Объем мяса в живом весе составил 896 т¹³.

В районе, где живут представители коренных народов Севера, весьма актуальна проблема ведения традиционного хозяйства. Сложившийся тип традиционной экономики — не товарный, а жизнеобеспечивающий ввиду его незначительных объемов.

Таблица 3

**Территории традиционного природопользования
в Нижневартовском районе¹⁴**

Площадь территории, тыс. га	Процент использования	Количество родовых угодий	Площадь, тыс. га	Процент использования
3 292,6	27,8	132	3 002	25,3

Обеспечение условий самозанятости коренных малочисленных народов Севера посредством развития частного оленеводства, сохранения и развития традиционных отраслей хозяйствования и производства предусматривают целевые программы. Занимаются традиционными промыслами и видами деятельности (олeneводство, охотпромысел, рыболовство и сбор дикоросов) 319 человек. Оленеводством в районе занимается 82 человека, в хозяйствах которых содержится 2 148 голов оленей.

Таблица 4

Добыча рыбы в районе в 2000-х гг., т¹⁵

2003	2004	2005	2009
250,9	124	48	127

Строительство и жилищно-коммунальное хозяйство. В 2002 г. в районе работали 118 подрядчиков на 244 объектах. УКС освоило 732,6 млн руб. (начальник В.Захаров)¹⁶. С середины 2000-х гг. в районе наблюдаются особенно высокие темпы и объемы строительства. Объем финансирования увеличился в 2005 г. по сравнению с 2004 г. на 3,3%. В 2005 г. были введены в эксплуатацию следующие объекты социального назначения: этно-оздоровительный центр (д. Чехломей), досуговый центр (р.п. Новоаганск), лыжная база (п. Ваховск) и др.; построено 3 магазина, введено 13 893 м² жилья. Многие поселки в эти годы изменились до неузнаваемости. Построены новые мосты и дороги, коммунальные и инженерные сети. На территории района за 2009 г. введено 10 144,0 м² жилья, что составляет более 67% от показателя предыдущего года (15 017,0 м²), в том числе: за счет бюджетных средств — 2 635,6 м², за счет средств инвестора — 6 499,7 м², за счет средств индивидуальных застройщиков — 1 008,9 м². На территории муниципалитета за 2010 г. за счет всех источников финансирования введено в действие жилых домов общей площадью 4 220 м². Доля индивидуального строительства составила 25,1% от общей площади введенного жилья¹⁷. Ввод жилья в 2011 г. увеличился в 2,7 раза. По итогам жилищного строительства 2011 г. Нижневартовский район вошел в тройку лидеров по наращиванию темпов строительства в Югре. Введено более 11 тыс. м² жилья. Объем направленных инвестиций в строительство за прошедший год составил более 391 млн руб.¹⁸

Структура жилищно-коммунального хозяйства представлена: Муниципальным унитарным предприятием «Сельское жилищно-коммунальное хозяйство», Муниципальным унитарным предприятием «Излучинское многопрофильное коммунальное хозяйство», Муниципальным унитарным предприятием «Аганское многопрофильное жилищно-коммунальное управление». В оперативном ведении управления жилищно-коммунального хозяйства находится 443,68 тыс. м² жилого фонда. Удельный вес площади жилья, оборудованного горячим водоснабжением — 57%, центральным отоплением — 85%, канализацией — 74,1%.

Малый бизнес и местная промышленность. В 2003 г. в районе в указанной сфере было занято 1 587 человек. Средний размер фирмы по количеству работающих — 15 человек. Процент в общей занятости района — 6¹⁹. В 2007 г. на территории района осуществляли

свою деятельность 163 малых предприятия с количеством работающих 2,4 тыс. человек (без внешних совместителей — 2,02 тыс. человек), 630 индивидуальных предпринимателей. На территории района сложилась следующая структура малых предприятий по видам осуществления деятельности: строительство — 36,2% от всей численности малых предприятий, промышленность — 9,2%, торговля — 23,3%, транспорт — 8%, прочие виды деятельности — 23,3%. Пищевая промышленность представлена: Излучинским пивоваренным заводом, мукомольным цехом, ООО «Кедр», производящим экологически чистые продукты из местного сырья, мини-пекарнями, кондитерскими и кулинарными цехами²⁰. В 2011 г. более чем в 2 раза увеличился объем финансирования программы по развитию малого и среднего предпринимательства²¹.

Транспорт. На территории Нижневартовского района перевозки осуществляются автомобильным, воздушным, речным транспортом. Транспортная схема района, при всей разбросанности и отдаленности населенных пунктов, с каждым годом развивается и совершенствуется. Во все населенные пункты района, отдаленные и труднодоступные, регулярно (круглогодично) выполняются пассажирские перевозки, завозятся грузы и товары народного потребления. В населенные пункты, в которых имеется постоянные автодороги и зимники, 90% перевозок выполняются автомобильным транспортом. В особо отдаленные и труднодоступные населенные пункты (д. Сосновый Бор, с. Корлики), где нет дорог и зимников, доставка пассажиров, почты, продуктов питания осуществляется самолетами АН-2 и вертолетами МИ-8. В другие населенные пункты — Ларьяк, Покур — доставка осуществляется в зимний период по зимникам, летом — водным транспортом. Протяженность автомобильных дорог, проходящих по территории района, составляет более 5 тыс. км, из них дорог общего пользования окружного значения — 456 км, муниципальных дорог общего пользования — 191,3 км, ведомственных и промысловых дорог — более 4350 км. Автотранспортными предприятиями и частными предпринимателями выполняются пассажирские перевозки автомобильным транспортом в 22 населенных пункта района. Пассажирские перевозки автомобильным транспортом выполняют ООО «ПАТП-1», ООО «Мегионское ПАТП», ООО «Аган-Транс».

Большую роль в развитии экономики района занимает водный транспорт. В настоящее время протяженность судоходных водных путей в границах района составляет 1498 км, из них 1295 км — это боковые и малые реки. Навигационный период длится 5,5 месяца. Судоходство на внутренних водных путях в границах района осуществляется флотом предприятий ООО «Аганречтранс», ЗАО «Дельта», ООО «Речной порт Нижневартовск», ОАО «Северречфлот», ООО «Судоходная компания “Обь Сервис”», предпринимателя А.П.Кузьменко. Для повышения транспортной доступности отдаленных сел и деревень района с 2006 г. открыты две пассажирские линии по маршрутам «с. Ларьяк — с. Корлики» и «с. Ларьяк — д. Чехломей». Данные перевозки выполняются флотом ОАО «Северречфлот». В 2005 г. в районе зарегистрировано 482 судна, 122 судовладельца различных форм собственности²².

В 2009 г. принята Стратегия социально-экономического развития района до 2020 г., которой определяется долгосрочная политика органов местного самоуправления района в экономической, социальной и иных сферах жизни, согласованная с интересами местного сообщества муниципального образования, входящих в состав района поселений и стратегическими интересами автономного округа. По результатам докладов глав городских округов и муниципальных районов автономного округа «О результатах и основных направлениях социально-экономического развития муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» Нижневартовский район занимает 14-е место из 22-х муниципальных образований.

В последние годы в округе популярны разговоры о необходимости устранения жесткой зависимости от нефтедобычи. Приоритетом новой стратегии экономического развития избирается диверсификация, которая понимается, главным образом, как расширение ресурсного фундамента за счет ресурсов Полярного Урала, ресурсов леса и лесопродукции. На самом деле движение вширь, к новым видам деятельности должно предполагать выход за рамки традиционной ресурсной экономики округа, и Нижневартовский район не является исключением. Необходимо формирование информационно-телекоммуникационных, медийных, медицинских, образовательных и других кластеров. Тем более, что это уже происходит, но не выделено как важная долгосрочная тенденция. Новая

диверсификация связана с развитием информационных услуг, укреплением потенциала образования, науки, медицины. Еще одной гранью диверсификации для экономики района является замещение ввоза товаров и услуг собственным производством.

Примечания

¹ Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / Науч. ред. С.С.Артоболевский, О.Б.Глезер. М., 2007.

² Там же. С. 46—47.

³ Протокол № 18 заседания Думы Нижневартовского района от 15 декабря 2003 г. Л. 67. (Без указания фонда и номера дела); Доклад главы Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2007 год. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php

⁴ Акопов П. Вахский край — сибирская провинция // Нефтяник. 1999. 28 мая. С. 11.

⁵ Социально-экономическое развитие района. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php

⁶ Борис Саломатин выступил с отчетом о результатах деятельности администрации Нижневартовского района за 2011 год. URL: www.angi.ru/news.shtml?oid=2786583

⁷ Протокол № 18 заседания Думы Нижневартовского района от 15 декабря 2003 г. Л. 67. (Без указания фонда и номера дела).

⁸ Нижневартовский регион: природа, человек, экология / Под ред. Ф.Н.Рянского. Нижневартовск, 2007. С. 145.

⁹ Нижневартовский район в 2012 г.: цифры и факты // Новости Приобья. 2012. 25 марта.

¹⁰ Нижневартовский регион: природа, человек, экология. С. 153.

¹¹ Протокол № 18 заседания Думы Нижневартовского района от 15 декабря; Доклад главы Нижневартовского района о результатах и основных направлениях социально-экономического развития Нижневартовского района за 2007 год.

¹² Отчет администрации Нижневартовского района за 2005 г. // Новости Приобья. 2006. 6 мая.

¹³ Прогноз социально-экономического развития Нижневартовского района на 2012 г. и плановый период 2013—2014 гг. URL: www.nvraion.ru/adm/struc/econom.php

¹⁴ Пространство, люди, экономика Югры... С. 63.

¹⁵ Протокол № 18 заседания Думы Нижневартовского района от 15 декабря.

¹⁶ Косарева О. Критерии: надежность и экономичность // Новости Приобья. 2003. 16 января.

¹⁷ Социально-экономическое развитие района.

¹⁸ Борис Саломатин выступил с отчетом...

¹⁹ Пространство, люди, экономика Югры... С. 82.

²⁰ Нижневартовский регион: природа, человек, экология. С. 152.

²¹ Борис Саломатин выступил с отчетом...

²² Нижневартовский регион: природа, человек, экология. С. 151.

Раздел 4

ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Глава 1

КРЕДИТОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Переходный период от новой экономической политики к массовой коллективизации представляет научный интерес для ученых-аграрников. Важно проследить, как осуществлялась кредитная политика советского государства по отношению к индивидуальным хозяйствам накануне массовой коллективизации. Анализ документального материала позволит выявить приоритеты в распределении кредитов среди хозяйствующих субъектов. Исследование кредитных отношений в Уральском регионе (Большом Урале) представляет уникальную возможность определить особенности их реализации в одном из крупнейших административно-территориальных субъектов РСФСР.

В 1925 г. в Уральской области насчитывалось 1343,5 тыс. крестьянских хозяйств, а в 1929 г. их стало на 7,1% больше. Количество колхозов за это время возросло с 584 до 3026 (в 5,2 раза)¹. Свертывание нэпа наиболее зримо проявилось в действиях властей по кредитованию села. Хотя и раньше приоритет отдавался бедняцким хозяйствам и зарождающимся колхозам и совхозам, но во второй половине 1920-х гг. был взят курс на кредитование деревни четко по классовому принципу и выделение преференций социалистическому сектору.

Это стало особенно заметно уже в 1926/27 г., когда в Сельхозбанке создали специальные фонды кредитования деревенской бедноты. В 1927 г. за счет бюджетных ассигнований и средств Центрального Сельхозбанка был утвержден фонд долгосрочного кредитования колхозов, установлены предельные нормы процентных ставок по ссудам².

Для сельских производителей важно было получать долгосрочные кредиты. Однако в период экономической нестабильности и намеченной переориентации деревни на социалистические методы хозяйствования долгосрочное кредитование крестьянских хозяйств проводилось в незначительных размерах. На подобное кредитование могли рассчитывать лишь колхозы, да и то в ограниченных

объемах. В СССР в 1926/27 г. долгосрочные ссуды к общей сумме кредитов составляли 39,4%, а в РСФСР — 44,1%³.

Руководство страны, безусловно, хорошо представляло, что ссуды для бедняцких хозяйств и неэффективно работающих маломощных первых немногочисленных колхозов не могли принести быструю отдачу, но шло на это. Решения высших партийно-советских органов нацеливали региональные власти на первоочередное кредитование бедняцко-батрацкой части сельского населения и коллективных хозяйств. Именно эти хозяйствующие субъекты должны были стать основой будущих полномасштабных социалистических преобразований уральской деревни.

В 1927 г. в Уральской области и Башкирии бедняки составляли четверть сельского населения (25,7% и 23,7%), тогда как середняки — 57% и 62,8% соответственно⁴. В переходный период от нэпа к массовой коллективизации еще ставилась задача привлечения середняцких хозяйств в кредитные товарищества. Однако одновременно предлагалось усилить помощь беднякам.

Подобная нацеленность руководства страны видна из следующего документа. Постановление Экономического совещания РСФСР (июнь 1927 г.) отмечало недостатки кредитования сельского населения. Среди них наиболее значимыми указаны следующие: слабое вовлечение середняков в систему сельхозкредита по линии входов и участия в паевых капиталах; недостаточное обслуживание кредитами бедняков. Среди недостатков кредитования назывались и такие, как направление низовой сетью части средств, предназначенных на кредитование населения, в торговые операции; частые просрочки ссуд; недостатки работы снабженческих организаций в своевременном обеспечении селян машинами и сельхозинвентарем по целевым кредитам⁵. Средняки в основном были нужны для роста паевых капиталов. От бедняков брать было нечего.

Одним из важных направлений кредитования являлось выделение ссуд на проведение землеустройства, которое также осуществлялось по классовому принципу⁶. На проведение землеустроительных работ постановлением Экономического совещания РСФСР (июнь 1927 г.) выдавалась ссуда на пять лет, связанная с расселением или с коренным улучшением земельных угодий, и на два года — на прочие мероприятия под 6% годовых⁷.

Финансирование сельского хозяйства тесным образом было связано с возвратом долгов по ссудам. Решить эту проблему было непросто. Хотя выделяемые на подъем села средства являлись не столь значительными, но получить их назад с процентами было явно затруднительно. Прежде всего это было связано с новой политикой в деревне, когда большая часть средств переориентировалась на бедняцкие хозяйства и далеко не богатые колхозы.

Большую роль в кредитовании села должны были сыграть финансовые институты, которые в то время оперативно отреагировали на указания центра о классовом подходе в кредитовании. О состоянии кредитных товариществ можно судить на примере Уральской области. В октябре 1927 г. в Уральской области насчитывалось 701 кредитное товарищество, в которые входило 267,5 тыс. хозяйств с суммой вклада в 703,9 тыс. руб. На одно кредитное товарищество в среднем приходилось 1,1 тыс. руб. Для сравнения: в 1914 г. на Урале имелось 717 подобных товариществ и в них входило 510,7 тыс. хозяйств, а сумма вкладов доходила до 7,8 млн руб., т.е. на одно кредитное товарищество приходилось 10,9 тыс. руб.

Но даже при таком отставании от показателей дореволюционного периода уральские кредитные товарищества в 1927 г. выглядели лучше, чем в целом по РСФСР. Средний баланс одного товарищества был выше, чем по РСФСР, — 22,2 тыс. руб. и 33,1 тыс. руб., средний остаток вкладов на товарищество — 0,5 тыс. руб. и 1,1 тыс. руб., остаток вкладов на одного члена товарищества — 1,5 и 2,7 руб.⁸

Эти данные говорят о том, что результативность работы кредитных советских товариществ значительно уступала дореволюционным подобным структурам. Все это также свидетельствовало о низких доходах селян при советской власти. Даже кратковременная новая экономическая политика не смогла изменить положение к лучшему. Не все крестьяне разбогатели. Численность хозяйств, входивших в товарищества, почти вдвое уступала показателям царской России.

Большое значение в кредитовании деревни имели сельскохозяйственные банки. О финансовом состоянии Уральского сельскохозяйственного банка на октябрь 1927 г. свидетельствовали следующие данные. Баланс брутто равнялся 37741,9 тыс. руб., нетто — 23764,4 тыс. руб. Основной капитал составлял 3900,2 тыс. руб.,

учетно-ссудные операции — 21396,9 тыс. руб., целевые долгосрочные ссуды — 9568,6 тыс. руб., краткосрочные ссуды — 6687,7 тыс. руб., просроченные — 536,4 тыс. руб., вклады и текущие счета — 2952,6 тыс. руб., займы — 12516,1 тыс. руб.

В основном капитале банка коммуны и сельхозарттели составляли тогда всего 1,7%. Валовой доход равнялся 1943,4 тыс. руб., валовой расход — 1880,5 тыс. руб. Чистая прибыль определялась в 62,9 тыс. руб., по обороту — 0,016%, по балансу — 0,18%, основному капиталу — 1,2. Задолженность населения Уралсельхозбанку по целевым ссудам доходила до 16,3 млн руб., а на одно кооперированное хозяйство — 75,92 руб.

Финансовое состояние низовой сети сельскохозяйственного кредита выражалось следующими цифрами: по капиталам в среднем на одно товарищество — 11360 руб., в том числе по паевому капиталу в среднем на товарищество — 2293 руб., по займам в среднем на товарищество — 1885 руб., а по вкладам — 1330 руб., ссудам — 17519 руб. Ссуда на одного пайщика доходила до 37,8 руб., а паевые до 4,95 руб. Краткосрочные средства составляли 49,5% уставной нормы.

Из этих сведений явствует, что в 1926/27 г. суммы долгосрочно-го кредитования еще превышали краткосрочные ссуды. Обращает на себя внимание высокая задолженность селян, составлявшая 16,3 млн руб. Многие крестьянские хозяйства и первые коллективные хозяйства не в состоянии были вернуть полученные ссуды.

В 1927 г. проходила реорганизация структуры Сельхозбанка. В результате обследования банковской системы было выявлено, что сеть филиалов Сельхозбанка в Уральской области сократилась на шесть единиц, а их функции передали кредитным товариществам¹⁰.

По кредитованию уральского сельского хозяйства существуют данные по календарному и хозяйственному годам. По одним сведениям, кредитование аграрной сферы Уральской области в 1927 г. составляло 13,1 млн руб.¹¹ По другим данным, Уральская область в 1926/27 хозяйственном году получила кредитов на 14,6 млн руб. Долгосрочное целевое кредитование центра составило 5,4 млн руб., или 23,7% к балансу, тогда как на Дальнем Востоке оно равнялось 43,1%. По этим показателям Уральская область занимала последнее место в РСФСР: они были ниже средних по республике — 35,6%¹².

Селу необходимы были именно долгосрочные кредиты. Выступая на XV съезде ВКП(б), депутат от Башкирии Шафиева говорила, что «кредит... дается, но на слишком малый срок и в малом количестве. В дальнейшем нужно дать долгосрочный кредит, чтобы поднять сельское хозяйство»¹³.

Вполне понятна заинтересованность сельхозпроизводителей в «длинных» кредитах. Однако руководство страны считало, что на Урале достаточно и краткосрочных кредитов, когда в экстремальных условиях ведения сельского хозяйства весьма проблематичным становился возврат выделенных ассигнований.

При распределении кредитов в Уральской области в 1926/27 г. еще отдавалось преимущество единоличным хозяйствам, но все более приоритеты смещались на колхозно-совхозный сектор экономики. Тогда основная доля кредитов Уралсельхозбанка приходилась на единоличников (40,6%), а колхозы получали 31,9%, совхозы — 10,7%, производственные кооперативы — 14,7% от всех ссуд¹⁴.

По данным В.Муравьева, в 1926/27 г. сельхозкредит составил 12 млн руб., 9/10 которого предназначалось бедняцким и середняцким хозяйствам¹⁵. По архивным данным, среди тех, кто пользовался сельхозкредитом в 1926/27 г. в Уральской области, бедняки составляли 19,6%, зажиточные — 2,4%, колхозы — 26,4%, ККОВ (крестьянский комитет общественной взаимопомощи) — 2,5%¹⁶.

Другие сведения показывают, что сельскохозяйственные кредиты Уралсельхозбанка в 1926/27 г. в размере 17,8 млн руб. были направлены, прежде всего, на финансирование основных капиталов сельского хозяйства — семена, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь (5 млн руб.). На второй позиции находилось улучшение производства (3,2 млн руб.), на третьей — оборотные средства кооперативов (1,6 млн руб.) и лишь на четвертой — кредитование колхозов и совхозов (1,4 млн руб.). Значение промыслов было невелико, и их доля в ссудах являлась минимальной¹⁷.

Как свидетельствовали результаты обследования 285 уральских крестьянских хозяйств в 1926/27 г., наибольшую отдачу от ссуды Уралсельхозбанка давали мелкие и средние крестьянские хозяйства. У них по сравнению с другими группами заемщиков больше средств от кредитов направлялось на хозяйственные нужды.

Эти хозяйства получили больше дохода от реализации излишков. Они же увеличили посевные площади почти на треть. У зажиточных

хозяйств результативность использования кредитных средств являлась не столь значительной, поскольку к ним уже тогда принимались ограничительные меры.

Эффективность использования ссуд во многом зависела от социальной группы заемщиков. Статистика выборочного обследования свидетельствовала, что в 1926/27 г. наиболее высокий уровень доходности от кредитов имели зажиточные хозяйства. В них она превышала среднюю доходность всех хозяйств на 5,1%. Вполне понятно, что самая низкая доходность была в полупролетарских хозяйствах. Она была ниже, чем в других видах хозяйств.

Обследование этих крестьянских хозяйств Уральской области показало, как использовались полученные ссуды. Средняя долгосрочная ссуда для единоличных хозяйств по Уральской области в 1926/27 г. составляла 56 руб., а краткосрочная — 37 руб. Большая часть ссуды (34,3%) шла на сельхозинвентарь, 31,5% — на скот. Не по назначению хозяйствами использовались 2,7% кредитов, в том числе на потребительские нужды — 1,9%¹⁸.

Материалы этого исследования печатались и в журнале «Пути сельского хозяйства». Так, было выявлено, что в основном крестьяне полученные кредиты тратили на средства производства. Причем собственные средства составляли лишь треть всех расходов, а две трети приходились на банковские ссуды. Иное положение было с закупкой семян и строительством. Здесь более половины всех расходов приходилась на собственные средства.

В зажиточных хозяйствах большая часть полученных ссуд направлялась на приобретение рабочего скота. Это объяснялось тем, что мощным хозяйствам требовалась тяговая сила для обработки больших земельных массивов. Для мелких и средних хозяйств важнее было приобрести продуктивный скот. Бедняцкие крестьянские хозяйства ориентировались в первую очередь на покупку рабочего скота. На другие виды вложений они не рассчитывали. С лошадью еще можно было прокормиться.

В условиях, когда уже началось внеэкономическое воздействие на зажиточные крестьянские хозяйства, они все же добивались неплохих результатов и демонстрировали большую эффективность, чем бедняцкие хозяйства. Меньшую отдачу от ссуд, конечно же, получали бедняки. Но все же полученные кредиты позволяли полупролетарским хозяйствам увеличить посевную площадь.

Одно дело было получить кредит, а другое — выполнить свои обязательства. Обследование уральских крестьянских хозяйств показало, что с возвратом ссуд возникало немало проблем.

В среднем на хозяйство в Уральской области в 1926/27 г. было погашено 53,1 тыс. руб. кредитов и осталось не погашено 23,2 тыс. руб. По результатам обследования хозяйств, больше всего кредитов отпускалось на мелкое и среднее хозяйство, и они имели значительные суммы отсрочек. Зажиточные хозяйства, получая десятую часть сельхозссуд, во всех отсрочках составляли 5%. Каждое пятое крестьянское хозяйство имело просроченные платежи по кредитам, причем большая часть приходилась на мелкие и средние хозяйства¹⁹.

Результаты интересного исследования, проведенного уральскими экономистами в 1926/27 г., позволяют увидеть проблемы крестьянских хозяйств. Это касалось в первую очередь использования и эффективности кредитования различных социальных групп и колхозов. Особенно выделялась низкая эффективность бедняцких хозяйств. Но власть делала ставку именно на них, чтобы заручиться поддержкой бедняков в будущей коллективизации.

Кредитование бедняков проводилось из расчета их кооперирования. Для поддержки слабых бедняцких хозяйств выдавались ссуды из фонда кооперирования бедноты. Однако в 1926/27 г. не везде в Уральской области созданные фонды кооперирования бедноты в кооперативных организациях использовались полностью. По сельскохозяйственной кооперации из этого фонда из 62,7 тыс. руб. израсходовали на кооперирование бедняцких хозяйств лишь 25,2 тыс. руб. (40,2%)²⁰.

В следующем году происходили изменения в кредитовании сельской экономики. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. обострил положение в деревне. Низкие заготовительные цены привели к недовольству политикой советской власти в селе и протесту крестьянства. Власть уже не желала мириться с самостоятельностью крестьянских хозяйств. Начался этап перехода аграрного сектора в новое состояние, вытеснение зажиточного хозяина из экономической сферы и переход к колхозному производству.

Классовый подход все больше влиял на кредитование деревни. Колхозы также получали преференции. Единоличные хозяйства постепенно вытеснялись из системы кредитования. Постановление

Совнаркома СССР «О плане государственных мероприятий по сельскому хозяйству на 1927/1928 г.» (март 1928 г.) указывало: «ввиду того, что предоставление сельскохозяйственного кредита мелким единоличным хозяйствам, особенно бедняцким, не дает достаточных результатов в смысле улучшения этих хозяйств, и ввиду необходимости расширения коллективного земледелия предложить системе сельскохозяйственного кредита усилить кредитование простейших производственных объединений крестьянских хозяйств и коллективных хозяйств»²¹.

Но все же кредитование бедняков в переходный период до массовой коллективизации продолжалось, хотя результативность их деятельности была низкой. В июне 1928 г. было принято Постановление Экономического совета РСФСР «Об усилении кредитования бедняцких слоев крестьянского населения за счет средств системы сельскохозяйственной кооперации». Постановление предлагало Сельхозбанку РСФСР и обществам сельхозкредита увеличить кредитование деревенской бедноты за счет общих средств секции сельхозкредита с таким расчетом, чтобы удельный вес бедняцких хозяйств в числе заемщиков превышал их удельный вес в числе пайщиков. Средний размер средств, отпущенных одному бедняцкому хозяйству, должен был быть выше среднего размера ссуд на хозяйство всех прочих социальных групп.

Кредитование бедняцких хозяйств на приобретение средств производства должно было производиться при условии их перехода к коллективным формам хозяйства или объединения в простейшие формы производственной сельскохозяйственной кооперации. Сельхозбанк должен был направлять не менее 25% средств из специального фонда на кредитование бедняцких хозяйств²². Теперь при кредитовании бедняков выдвигались условия обязательного вступления в коллективные хозяйства. Чем крепче становилось бедняцкое хозяйство, тем увереннее можно было надеяться на то, что новые колхозы будут более сильными.

В Постановлении СНК СССР «О мероприятиях по хозяйственной помощи деревенской бедноте» (сентябрь 1928 г.) подчеркивалось, что не менее 40% кредита должно быть предоставлено бедняцким хозяйствам. На нужды, требующие долгосрочных вложений (приобретение скота и машин, возведение построек), должны были предоставляться долгосрочные ссуды. Размер ссуд

в наибольшей степени должен был приближаться к покупной стоимости приобретаемого заемщиком имущества.

При одновременном приобретении заемщиком различных средств сельскохозяйственного производства (лошади, плуга, семян и т.д.) предусматривалась возможность выдачи им, в случае необходимости, ссуд в увеличенном размере. Прекращалась практика индивидуальных поручительств за заемщиков-бедняков. Ссуды выдавались только по личному доверию или на основе рекомендации комитетов крестьянских хозяйств взаимопомощи и организаций крестьянской бедноты. Проценты взымались в сроки погашения ссуд, а не ранее. Ссуды выдавались под 4% годовых²³. Таким образом, все делалось для того, чтобы бедняцкие хозяйства получали льготы в кредитовании.

Однако не все благополучно было с кредитованием аграрной экономики на Урале. Кредитование сельского хозяйства Уральской области на начало 1928 г. равнялось 13,1 млн руб., что составляло 57,6% к сводным балансам общественного сельхозкредита, тогда как в Сибирском крае — 70,2%, на Северном Кавказе — 79%, а в среднем по РСФСР — 71,3%. Все это свидетельствовало о значительном недокредитовании уральского села²⁴.

В то же время паевой капитал на одного члена кредитной кооперации возрос в Уральской области с 4,95 руб. в 1926/27 г. до 7,5 руб. в следующем году. При этом доля долгосрочных кредитов в 1926/27—1927/28 гг. составляла 43%.

В 1927/28 г. по сравнению с предыдущим годом удельный вес бедноты в числе заемщиков увеличился с 56,5% до 61%, а середняков снизился с 39,6% до 37%, зажиточных — с 3,9% до 2,1%²⁵. Необходимо было придерживаться указаний сверху о классовом распределении кредита, и циркуляры неуклонно выполнялись. Пока еще доля увеличения бедняцких хозяйств среди заемщиков была не столь существенной, однако уже наметилась тенденция к их постоянному росту. Одновременно резко уменьшился удельный вес немногочисленных так называемых кулаков.

Хотя количество кредитных товариществ пошло на убыль, но возрос паевой капитал. В Уральской области на 1 октября 1927 г. насчитывалось 667 кредитных товариществ, а через год — 589, в которые входили 256,6 тыс. и 293,7 тыс. единоличных хозяйств соответственно. Паевой капитал низовой сети за это время

увеличился с 1558 тыс. руб. до 2939 тыс. руб., на одного пайщика — с 5 до 7,2 руб.²⁶

Недостатков в кредитовании было предостаточно. Как отмечала Уральская областная рабоче-крестьянская инспекция в 1928 г., в системе сельхозкредита преобладал заготовительно-сбытовой уклон в ущерб кредитно-ссудной работе. Торгово-посреднические операции поглощали все собственные свободные средства низовых кредитных организаций. В кредитных товариществах отсутствовала плановость в распределении кредитов по срокам и мероприятиям. Выдача ссуд проводилась без учета экономической мощности хозяйства и классового подхода. Ссуды использовались не по прямому назначению. Многие ссуды оказывались просроченными²⁷.

Как видим, среди упущений называлось неприменение классового подхода. Нажим на зажиточные хозяйства все более усиливался. Однако при этом требовалось учитывать экономическую мощимость хозяйств. Бедняки и частично середняки как-то не вписывались в данную концепцию. С одной стороны, кредитные институты нуждались в надежных заемщиках, а с другой — необходимо было следовать указаниям властей по расширению кредитования бедняков и свертыванию помощи состоятельным крестьянам.

Изменения происходили и в Уралсельхозбанке — главном кредитном учреждении Урала, обеспечивавшем ссудами деревню. В 1927/28 г. Уралсельхозбанк выдал кредитов, содействующих реконструкции сельского хозяйства, на 10,8 млн руб. Больше половины кредитов направлялось на развитие зернового хозяйства (58%). Каждый пятый рубль (20,7%) шел на кредитование социалистического сектора и только 7,6% — на кредитование бедноты.

Если в 1926/27 г. на кредитование колхозов Уралсельхозбанк выделял 663,8 тыс. руб., то в 1927/28 г. — 1874 тыс. руб. (рост в 2,8 раза), совхозов — 423,6 тыс. руб. и 1076,9 тыс. руб. (рост в 2,5 раза) соответственно. Совхозы и колхозы заимствовали в 1927/28 г. 20,7% всех выделяемых ссуд для села против 7,4% в предыдущем году.

Помощь бедняцким хозяйствам в 1927/28 г. в основном осуществлялась за счет фонда кредитования бедноты (69,2% всех полученных средств). Из всей суммы кредитования 63,9% предоставлялись на долгосрочной основе²⁸. Большая часть кредитов для бедняцких хозяйств распределялась через низовую сеть. Более трети кредитов направлялось на покупку рабочего скота (36,6%),

сельхозинвентарь (33,8%), а также на приобретение продуктивного скота (6,1%), на сельскохозяйственные постройки (5,6%) и т.д.

Фонд кредитования бедноты формировался за счет средств центра — 29,9%, облисполкома — 26,8%, округов — 14,3%, Уралсельхозбанка — 29%.

Согласно новым законоположениям дальнейший порядок кредитования деревенской бедноты должен был происходить за счет общего плана кредитования в размерах не менее 40% кредита, идущего индивидуальным хозяйствам, из которых половина выдавалась на особо льготных условиях.

В 1928/29 г. намечалось по плану выделить для бедноты 2,2 млн руб., из них 62,8% — в виде долгосрочных кредитов. В 1927/28 г. кредитование деревенской бедноты Уральской области выразилось в сумме 1068,3 тыс. руб. Из них основная доля приходилась на фонд кредитования бедноты — 739,6 тыс. руб. (69,2%). На фонд красных партизан выделялось 138,3 тыс. руб., на средства для верхового коневодства — 145,4 тыс. руб., на кустарные промыслы за счет фонда бедноты — 44 тыс. руб. В основном бедняки получали деньги через низовую сеть (91,9%), через колхозы (5,4%), как кустари-промысловики (2,1%), единоличники (0,6%)²⁹.

На январь 1928 г. из бедняцкого фонда кредитовалось 84% хозяйств, не имевших рабочего скота. В среднем на одно такое хозяйство выделялось 250 руб., хотя в ряде мест и меньше, например, в Шадринском округе — 189 руб., в Коми-Пермяцком округе — 141 руб.³⁰

В 1926/27 г. из 968,5 тыс. руб. сельскохозяйственного кредита батраки получили 0,4%, бедняки — 56,1%, середняки — 39,6%, зажиточные — 3,9%, а в 1927/28 г. из 1080,4 тыс. руб. — 1,4%, 53,6%, 42,3% и 2,7% соответственно. Данные показатели несколько не соответствовали установкам центра. Хотя больше средств получили батраки, но уменьшились ассигнования для бедняков и увеличились у середняков. Лишь по зажиточным хозяйствам указания неуклонно выполнялись.

В 1927/28 г. в Уральской области было решено выявить эффективность сельхозкредита. В этих целях обследовали 329 крестьянских хозяйств, из них 5,9% — полупролетарских, 50,5% — мелких, 37,4% — средних, 5,2% — зажиточных и 1% — рабочих и служащих.

Эти хозяйства получили ссуд на сумму 33,6 тыс. руб., к ним они добавили своих 11,4 тыс. руб. и сторонних — 0,6 тыс. руб. Всего затраты составили 45,6 тыс. руб.

По назначениям валового дохода к затратам за время оборота по всем назначениям они составили 38,9%, по рабочему скоту — 55,3%, по сельхозинвентарю — 32,4%, по племенному скоту — 67,5%. По социальным группам доход к затратам распределился следующим образом: полупролетарские хозяйства — 8,1%, мелкие хозяйства — 21,6%, средние хозяйства — 22,8%, зажиточные хозяйства — 40,4%.

Каждый рубль средств, полученных на ссуду и аккумулированных к ним, после оборота в хозяйстве заемщика превратился в батрацком хозяйстве в 1,08 руб., в бедняцком — в 1,22 руб., в середняцком — в 1,23 руб., в зажиточном хозяйстве — в 1,4 руб.³¹ Даже в период начавшегося давления на кулаков они более эффективно распорядились полученными средствами. Но следует учитывать пока еще имевшиеся у них возможности для повышения рентабельности хозяйства.

Как свидетельствует статистика, уральские крестьяне в 1927—1928 гг. активно участвовали в кредитных операциях. Хотя удельный вес крестьянских хозяйств, получавших ссуды, был небольшим, но отмечалась тенденция их роста, который впоследствии приостановила начавшаяся массовая коллективизация³².

Большую часть заемщиков в уральском селе в 1927/28 г. составляли крестьянские хозяйства, имевшие посев от 4,1 до 10 га. Эти хозяйства преобладали среди тех, кто имел собственную упряжь, а также 2—3 лошади и коровы. Они чаще нанимали рабочих.

Хозяйства, сеявшие до 4 га, находились на втором месте по их доле в кредитовании. Они уступали почти вдвое предыдущим хозяйствам по наличию собственной упряжи. Обработка земли шла у них в основном супрягой. Данные типы хозяйств составляли большинство среди однолошадных и однокоровных. Их удельный вес был выше среди хозяйств, имевших подсобный заработок.

Зажиточных хозяйств было немного. Обработка земли у них осуществлялась собственной упряжью. Они занимали третью позицию по обеспеченности лошадьми и коровами и среди хозяйств, имевших подсобный заработок. Но после крестьянских хозяйств с посевом от 4,1 до 10 га их удельный вес был на втором

месте по найму работников. Доля бедняков-заемщиков значительно уступала всем предыдущим хозяйствам по возможностям вести производственную деятельность³³.

В 1928 г. окончательно утвердились преференции в пользу беднейших крестьян. Классовый принцип в распределении кредитов стал преобладающим. Партийные директивы неуклонно выполнялись и на Урале.

Летом 1928 г. социальный состав заемщиков по сравнению с предыдущим годом выглядел следующим образом: бедняцкие хозяйства — 61% и 56,5%, середняцкие — 37% и 39,6%, зажиточные хозяйства — 2% и 3,9% соответственно³⁴. Если ранее отмечалось некоторое несоответствие установкам центральных органов, то теперь уральские руководители добились нужных показателей.

В то же время в ряде районов Уральской области размер ссуды на одно хозяйство для зажиточных крестьян был значительно выше и удельный вес долгосрочных кредитов больше. Как отмечали властные структуры, здесь не проводился классовый принцип³⁵.

Ставки кредита в 1928 г. для уральского крестьянства также носили классовый характер. По краткосрочному кредиту для бедняцких и середняцких хозяйств она была установлена Уральским областным земельным управлением в 8%, для колхозников — 7%, для зажиточных хозяйств — 10%, по долгосрочному кредиту — 5%, 4% и 6% соответственно³⁶. Преимущество получали колхозники, а затем шли бедняки.

В то же время весьма острой оставалась проблема возврата ссуд. В низовой сети сельскохозяйственной кооперации Уральской области задолженность по выданным ссудам на сентябрь 1927 г. доходила до 8,9 млн руб., а через год — 16,5 млн руб. При этом большая часть должников имела среди единоличных хозяйств — 57,4%, колхозов — 19,6% и прочих организаций — 23,6%³⁷.

Подобные тенденции с кредитованием села наблюдались и в других местностях Уральского региона. В 1927/28 г. башкирская деревня получила сельхозкредитов на сумму более 5,5 млн руб., а всего за пять лет — свыше 23 млн руб.³⁸

В 1928 г. в Башкирии кредитование по социальному составу распределялось следующим образом: большая часть приходилась на середняков (54,6%) и бедняков (37,5%), а на зажиточных крестьян значительно меньшая (7,9%). По сравнению с кредитованием

состоятельных хозяйств в Уральской области показатели Башкирии были выше.

Башсельхозбанк получил на кредитование весенней полевой кампании 1928 г. от Россельхозбанка кредитов на 1,4 млн руб., а выдал на 2,4 млн руб., с превышением в 1,7 раза. По назначению кредиты распределялись следующим образом: большая часть на сельхозмашины — 31,5%, на рабочий скот — 17%³⁹, остальная часть шла на растениеводство, сельскохозяйственную промышленность, животноводство, строительство и прочие нужды.

Кредитным товариществам выгоднее было ориентироваться на зажиточных селян, так как эти хозяйства быстрее расплачивались по кредитам. Но с изменением политики в деревне это стало невозможно. Так, в Башкирии Давлекановское кредитное товарищество из всех выданных кредитов более половины выделило зажиточным хозяйствам, за что подверглось обструкции на совещании партийных секретарей в сентябре 1928 г. Необходимо было неукоснительно соблюдать установку ЦК о классовом распределении кредитов⁴⁰.

Задолженность Башкирскому сельскохозяйственному банку на начало октября 1927 г. составляла: первичной системы сельхозкредита — 2,3 млн руб., колхозов — 0,1 млн руб., прочих первичных кооперативных организаций — 1 млн руб., совхозов — 0,2 млн руб., единоличников — 0,6 млн руб. Всего сельские производители задолжали 6,8 млн руб. Через год сумма задолженности значительно выросла: 6,4 млн руб., 0,1 млн руб., 1,1 млн руб., 0,5 млн руб. и 7 млн руб. соответственно, а всего в сумме 11,1 млн руб. Таким образом, за год долги селян выросли в 1,6 раза. Просроченные сельхозкредиты по отношению к выданным находились в пределах 8,5%, а отсроченные по отношению к поступившим — 3%⁴¹.

Маломощные крестьянские хозяйства не могли вовремя рассчитаться по краткосрочным кредитам, поэтому на бюро Башкирского обкома ВКП(б) в декабре 1928 г. ставился вопрос о необходимости широкого применения долгосрочного кредита⁴².

В конце 1920-х гг. происходят радикальные трансформации в кредитовании крестьянских хозяйств в целом по РСФСР. Приоритет в получении сельскохозяйственных кредитов предоставлялся бедняцким хозяйствам, освобожденным от уплаты сельхозналога. В течение 1928/29 г. среди бедняцких хозяйств возрастает количество

заемщиков с 60,6% до 94,1% (к числу бедняков — членов товариществ). Одновременно почти вдвое падает число заемщиков среди зажиточных хозяйств, обложенных налогом в индивидуальном порядке.

Хотя удельный вес задолженности среди крестьян, обложенных по норме, остается высоким (60,4%), но хозяйства бедняков увеличивают долю среди должников (с 12,1% до 39,1%). Если средний размер задолженности среди бедняков и середняков примерно остался на прежнем уровне, то в состоятельных хозяйствах он сократился, причем значительно.

По удельному весу суммы выданного кредита хозяйства, освобожденные от сельхозналога, значительно улучшили свои позиции (с 13,3% до 40,7%). За это время у бедняков увеличилась сумма просрочек к сумме задолженности и удельный вес суммы просрочек⁴³.

Для вовлечения бедняков в колхозы в 1929 г. при кооперативных организациях и учреждениях сельскохозяйственного кредита было решено учредить фонды кооперирования и коллективизации сельской бедноты и батраков. Фонд льготного кредитования бедноты предусматривал ссуды в 1928 г. в размере 31,6 млн руб., а в 1929 г. — 41,8 млн руб.⁴⁴

В 1928/29 г. абсолютная сумма основного капитала Уралсельхозбанка, вследствие списания с него выкупленных крестьянских паев, уменьшилась по сравнению с предыдущим годом с 4,2 млн руб. до 3,9 млн руб. Фонд кредитования бедноты из средств местных бюджетов, напротив, увеличился с 800,8 тыс. руб. до 972,2 тыс. руб. (на 21,4%).

Отрицательные моменты, как и в прошлом году, проявились в понижении удельного веса в балансе средств и краткосрочных пассивов и несоответствующее пассивной части помещение средств в целевое краткосрочное кредитование⁴⁵.

Большую помощь в финансировании крестьянских хозяйств оказывали сельскохозяйственные кредитные товарищества. В Уральской области паевой капитал низовой кредитной сети на одно товарищество равнялся 2 тыс. руб. в 1927 г., 3,6 тыс. в 1928 г. и 4,4 тыс. руб. в 1929 г. Таким образом, на одного пайщика приходилось сначала 5, затем 7 и в 1929 г. 8 руб. 24 коп.⁴⁶ Эти данные не совпадали с приведенными ранее показателями на октябрь 1927 г. и октябрь 1928 г.

Кооперация активно участвовала в кредитовании сельского населения Урала. Если в 1926/27 г. через нее крестьяне получили 11,1 млн руб. долгосрочного кредита, то в течение двух последующих лет он увеличился почти вдвое⁴⁷.

Социальная дифференциация в уральском селе подошла к завершающей фазе. Государство все более отчетливо внеэкономическим нажимом воздействовало на состоятельных крестьян, в том числе и с помощью кредитной политики, пытаясь трансформировать индивидуальное хозяйство в колхозное. Такие действия, как льготы беднякам, некоторые послабления середнякам, подводили состоятельных крестьян к необходимости объединяться в колхозы.

В 1928/29 г. при получении ссуд бедняки и середняки составляли 98,9%, а кулаки — 1,1%. В 1930 г. кулакам прекратили выдачу кредитов⁴⁸. Их участь была предрешена.

Бедняцкие крестьянские хозяйства, не имевшие возможности заплатить в период посевных работ в 1929 г., получали ссуду из средств низовой кредитной сети или из фонда ККОВ⁴⁹. Фонд кредитования бедноты в Уральской области на 1 октября 1927 г. доходил до 739 тыс. руб., через год — 800,8 тыс. руб., а в 1929 г. составил 972,2 тыс. руб.⁵⁰

В 1928/29 г. социальная направленность кредита проявилась в том, что уральские бедняцкие хозяйства, освобожденные от сельхозналога, получили 35,3% всех ссуд; хозяйства, облагаемые по норме, — 63,7% и хозяйства, облагаемые в индивидуальном порядке, — 1% средств⁵¹. На октябрь 1929 г. бедняцко-средняцким хозяйствам Уральской области выдали производственных кредитов на сумму 8,5 млн руб.⁵²

В деятельности уральских кредитных товариществ по производственно-целевому кредитованию за 1927/28—1928/29 гг. произошли существенные изменения. Если в 1927/28 г. из 16,5 млн руб. 46,5% получили единоличники, 17,5% — колхозы, 6,5% — совхозы и 29,5% — другие кооперативные и государственные организации, то в 1928/29 г. пропорции изменились: на единоличников приходилось 23,7% (7,9 млн руб.) всех средств, на колхозы — 32,5% (6,6 млн руб.), на совхозы — 37,4% (7,7 млн руб.)⁵³. Окончательно был взят курс на коллективизацию. Социалистический сектор получил преимущество в кредитовании, а единоличники отходили на второй план.

В 1928/29 г. Уральская область получила 8,7 млн руб. сельхозкредита, в том числе средства Россельхозбанка и Уралсельхозбанка — 7,2 млн руб., местных банков — 1,3 млн руб. Колхозам выдали 31%, а с началом массовой коллективизации — 74% всех кредитов. Среди единоличных хозяйств средства распределили следующим образом: батрацкие хозяйства — 1,8%, бедняцкие — 65,7%, середняцкие — 31,7% и зажиточные — 0,8% против выданных в 1927/28 г. — 1,4%, 53,6%, 42,2% и 2,7% соответственно⁵⁴.

Как показывают данные за 1926/27—1928/29 гг., в Уральской области большая часть кредита (примерно треть) предназначалась на приобретение сельскохозяйственных машин, орудий производства и их ремонт, что было несколько выше, чем в целом по РСФСР (28%), однако уступало Башкирии. За три года в 3 раза возрос в Уральской области удельный вес во всех кредитах средств, направленных на улучшение растениеводства (с 7,2% до 22,8%), что также немного превышало показатели по России и Башкирии (12,2% и 20,5%).

Больше кредитов стало выдаваться в Уральской области на развитие сельскохозяйственной перерабатывающей промышленности (7,4% и 10,8%). Здесь также наблюдалось превышение показателей РСФСР (7,6%). Возрос размер кредитов на покупку рабочего скота (с 3,8% до 7%), хотя и уступал российским данным (8,4%). В 1928/29 г. меньше стало выделяться ссуд на организацию сельскохозяйственных территорий (2,1% в области и 3,9% в РСФСР).

Уральские показатели уступали российским в кредитных асигнованиях на строительство (3,4% и 5,5%), хотя за эти годы они выросли более чем в 3 раза. Меньше, чем в РСФСР, выделялось кредитов на приобретение тракторов (1,3% и 2,2%), что в дальнейшем сказалось на техническом отставании Уральской области в сельском хозяйстве. Уральская область отставала от средних показателей РСФСР в распределении ссуд на животноводство (5,4% и 8%), особенно от Башкирии (24,1%).

В 1928/29 г. почти половина кредитов предназначалась прочим организациям, в том числе государственным органам. На второй позиции находились колхозы, а на третьей — единоличники, хотя в РСФСР единоличные хозяйства занимали второе место (31,2%). Среди индивидуальных хозяйств приоритет имели хозяйства, обложенные сельскохозяйственным налогом по норме (в Уральской

области 2/3, а в РСФСР — более половины). Зажиточные хозяйства ограничивали в получении кредитов — только 1% в Уральской области и 0,9% в РСФСР. Таким образом, четко соблюдалось классовое распределение кредитов.

На организацию сельскохозяйственной территории больше всего кредитов уходило на единоличников (свыше половины средств на это мероприятие) и треть — на колхозы. В то же время по РСФСР 40,4% кредитов на устройство земельной территории предназначалось прочим организациям и 28,3% колхозам. Из этих данных ясно, насколько остро стояла проблема с землей для единоличных хозяйств Уральской области.

На мероприятия по сельскому строительству в Уральской области более половины средств получали колхозы и пятую часть — крестьянские хозяйства, в которых основная доля приходилась на хозяйства, обложенные сельхозналогом по норме. Примерно так же складывалось распределение кредитов и в РСФСР.

Для приобретения рабочего скота свыше половины всех кредитов, как на Урале, так и в РСФСР, доставались единоличным хозяйствам и более трети — колхозам. Среди крестьянских хозяйств распределение шло примерно поровну между освобожденными от сельхозналога и обложенными налогом по норме⁵⁵.

В течение 1927/28—1928/29 гг. сумма кредитов, выделенных для сельских жителей Уральской области, возросла более чем на четверть — с 15,7 млн руб. до 20 млн руб. Однако сумма долгосрочных кредитов увеличивалась не такими быстрыми темпами. В 1,5 раза возросли кредиты на производственные процессы и на переработку сельхозпродукции. В то же время несколько сократилось кредитование сельхозкооперации. В кредитовании села проводилась классовая политика: отмечался рост кредитов для бедняков на 9,1% и сокращение у середняков на 4,8%. Зажиточные хозяйства вообще перестали кредитоваться⁵⁶.

На примере одного из округов Уральской области видно, с какими проблемами приходилось сталкиваться селянам. Сумма кредитов Троицкого округа значительно возросла. Если в 1926/27 г. на развитие сельского хозяйства округа было выделено кредитов на 1,5 млн руб., в 1927/28 г. — на 2,5 млн руб., то в 1928/29 г. — на 3,2 млн руб.⁵⁷

В 1928/29 г. в среднем на безлошадное хозяйство Троицкого округа краткосрочный кредит составлял 47 руб., на однолошадное — 31 руб., на двухлошадное — 35 руб., трехлошадное — 47 руб., четырехлошадное — 124 руб. Хозяйство, не имевшее коровы, могло получить 35 руб. кредита, а при наличии четырех коров — 69 руб.⁵⁸ С подобным положением власть не могла мириться, и позднее стал применяться классовый подход в распределении кредитов. Этот округ в Уральской области был одним из лучших по производственным показателям, но кредитование не отвечало требованиям времени. Исходя из партийных указаний, преимущество зажиточных хозяйств в кредитовании являлось недопустимым.

По-прежнему бичом для села оставалась задолженность за предоставленные кредиты. Ни бедняцкие хозяйства, ни маломощные колхозы не могли вовремя рассчитаться по долгам. Неумелое ведение хозяйства, отвлечение полученных средств на другие нужды затрудняли расчеты с кредитными организациями⁵⁹.

В 1929 г. 2/3 состава клиентов, просрочивших ссуды, составляли единоличные хозяйства, причем среди них 42,3% являлись бедняцкими хозяйствами и только 0,1% — зажиточными. Имелись просрочки и у зажиточных крестьян. Например, в одном из крестьянских хозяйств Еманжелинского района находилось четыре лошади и шесть коров, а долг составлял 148 руб.⁶⁰

Какие же меры принимались к неплательщикам? Как в вопросах кредитования применялся классовый подход к должникам? Партийные органы запрещали продажу в счет долга основных орудий производства у бедняцких и малообеспеченных середняцких слоев, хотя это допускалось в случаях полного развала хозяйства. В то же время поощрялись продажи у них предметов производственного назначения. Предлагалось «в максимальной степени использовать принудительные взыскания при допущении ими просрочек, что окажет моральное воздействие и на других неплательщиков»⁶¹.

Отмеченные в Уральской области недостатки были характерны и для Башкирии. Рациональное использование ссуд, борьба с должниками были актуальны и для автономной республики.

С повестки дня региональных партийных органов не сходили вопросы кредитования деревни. Среди первоочередных задач

деревенского отдела Башкирского обкома партии на октябрь 1929 г. — март 1930 г. значилось именно кредитование села⁶².

Башкирским сельхозпроизводителям пришлось столкнуться и с такой проблемой: в Башкирии Россельхозбанк сократил кредитование сельского хозяйства с 8,5 млн руб. в 1927/28 г. до 6 млн руб. в 1928/29 г.⁶³ При всем этом средний размер ссуды за 1926/27—1928/29 гг. в Башкирии доходил до 173,2 руб.⁶⁴

В этой республике неэффективно использовалась помощь бедняцким хозяйствам. Крестьянские общества взаимопомощи Башкирии в 1927/28 г. получили субсидию в размере 33,7 тыс. руб., а в 1928/29 г. — 40 тыс. руб., причем на содержание управленческого аппарата уходило 18,1% и 23,1% средств соответственно⁶⁵. Понятно, что на помощь беднякам средств не хватало.

Возникали проблемы и с задолженностью банкам. Сельхозбанк Башкирии в 1929 г. имел просроченные задолженности, и в то же время, как считали руководители республики, не применял репрессивных мер к задолжникам. Кредитные планы банка не были увязаны с развитием сельского хозяйства. Вне внимания осталось снабжение запчастями и организация среднего ремонта техники⁶⁶. В августе 1929 г. дебиторская задолженность по этому банку составляла около 600 тыс. руб., что равнялось 5% к остатку ссуд⁶⁷.

Получало поддержку в виде кредитов и сельское хозяйство Оренбуржья. За 1928/29 г. в Оренбургском округе было выдано ссуд на 7,7 млн руб., в том числе на машиноснабжение — 4,8 млн руб., на рабочий скот — 607,7 тыс. руб., на уборочную кампанию — 403 тыс. руб.⁶⁸

По другим источникам, в Оренбургском округе в 1927/28 г. было получено кредитов на 4,5 млн руб., а в следующем году — на 7,6 млн руб., из которых на машиноснабжение выделили 1,1 млн руб. и 4,5 млн руб. соответственно. Из общих кредитов колхозы получили 24,6%, простые производственные объединения — 45,6%, госорганы — 0,5%, ККОВ — 1,3%, единоличники — 25,3%⁶⁹.

В Оренбургском районе на развитие сельского хозяйства в 1928 г. выделили кредитов на 709,4 тыс. руб., а через год — 897,5 тыс. руб., в том числе на машиноснабжение 654,3 тыс. руб. и на животноводство — 152 тыс. руб.⁷⁰

Итак, исследование кредитования крестьянских хозяйств на Урале во второй половине 1920-х гг. показало, что накануне массовой

коллективизации приоритет отдавался бедняцким и коллективным хозяйствам. Наметилась тенденция распределения ссуд по классовому принципу. Сельскохозяйственные банки, кредитные товарищества, фонды ККОВ и другие кредитные институты должны были точно выполнять решения высших партийно-советских органов о распределении кредитов.

К началу массовой коллективизации из всех крестьянских хозяйств более двух третей кредитов приходилось на бедняков. Эти хозяйства стимулировали кредитами на условиях дальнейшего перехода к коллективному ведению хозяйства. Ежегодно сокращалось кредитование зажиточных хозяйств. С началом массовой коллективизации большая часть кредитов стала направляться колхозам, а раскулачивание привело к полному прекращению кредитования так называемых кулаков.

В Уральском регионе отмечалась тенденция высокой задолженности по кредитам. Маломощные коллективные хозяйства и хозяйства бедняков не могли своевременно погасить взятые ссуды. Причем такое положение было на протяжении всего исследуемого периода. Советское государство сознательно шло на потерю кредитных ассигнований в село ради утверждения социалистического сектора аграрной экономики.

Примечания

¹ История народного хозяйства Урала: В 2 ч. Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 114, 115, 121.

² Денежное обращение и кредит СССР. М., 1985. С. 88.

³ Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 298.

⁴ Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 359.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 84. Ст. 563.

⁶ Филатов В.В. Землеустройство на Урале в конце 1920-х — 1930-е гг. // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 104—113; Он же. Особенности землепользования и землеустройства на Урале во второй половине 1920-х гг. // Клио. № 2. 2006. С. 158—162.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 88. Ст. 501.

⁸ Хозяйство Урала. 1928. № 3. С. 29, 30.

⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 44. Л. 90, 98—102.

- ¹⁰ Там же. Д. 66. Л. 24 об.
- ¹¹ Хозяйство Урала. 1929. № 1. С. 8.
- ¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 38. Л. 18 об.
- ¹³ Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стеногр. отчет. М., 1961. С. 173.
- ¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 369. Л. 83.
- ¹⁵ Муравьев В.Е. Состояние сельского хозяйства Урала к началу реконструктивного периода // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1966. Сб. 1. С. 136, 137.
- ¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 66. Л. 20, 20 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 309. Л. 88.
- ¹⁸ Там же. Д. 369. Л. 88, 95, 96.
- ¹⁹ Пути сельского хозяйства. 1928. № 3. С. 37, 41, 43.
- ²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 66. Л. 2 об.
- ²¹ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1928. № 5. Ст. 126.
- ²² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1928. № 90. Ст. 586.
- ²³ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1928. № 59. Ст. 530.
- ²⁴ Хозяйство Урала. 1929. № 1. С. 8.
- ²⁵ Год социалистического строительства на Урале. Материалы к отчету Уральского областного комитета ВКП(б) к IX областной партконференции. Декабрь 1927 г. — февраль 1929 г. Свердловск, 1929. С. 20, 21.
- ²⁶ Уральская новая деревня. 1929. № 1. С. 28—30.
- ²⁷ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 94. Л. 141.
- ²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 369. Л. 92.
- ²⁹ Там же. Л. 33; Оп. 7. Д. 35. Л. 465.
- ³⁰ Там же. Оп. 6. Д. 66. Л. 20, 20 об.
- ³¹ Там же. Д. 369. Л. 34.
- ³² Там же. Д. 300. Л. 88.
- ³³ Пути сельского хозяйства. 1928. № 3. С. 39.
- ³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 64. Л. 25, 26; Д. 59. Л. 525; Д. 480. Л. 93.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 307. Л. 7 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 37. Л. 83.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 16. Л. 198.
- ³⁷ Уральская новая деревня. 1929. № 1. С. 31.
- ³⁸ Красная Башкирия. 1929. 22 марта.
- ³⁹ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее — ЦГАООРБ). Ф. 122. Оп. 7. Д. 41. Л. 91.
- ⁴⁰ Там же. Д. 103. Л. 31.
- ⁴¹ Хозяйство Башкирии. 1929. № 4—5. С. 257.
- ⁴² ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 23. Л. 18.
- ⁴³ Филагов В.В. Уральское село, 1927—1941 гг.: финансирование. Магнитогорск, 2013. С. 188.
- ⁴⁴ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 197.

- ⁴⁵ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2988. Л. 5, 6.
- ⁴⁶ Уральская новая деревня. 1929. № 1. С. 28—30; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 325. Л. 14.
- ⁴⁷ История народного хозяйства Урала: В 2 ч. Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 119.
- ⁴⁸ Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925—1932. Свердловск, 1987. С. 174—176.
- ⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 465. Л. 156 об.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2988. Л. 5; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 369. Л. 33.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2988. Л. 10 об.
- ⁵² История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927—1937). Сборник док. и мат-лов. Пермь, 1983. С. 83.
- ⁵³ Хозяйство Урала. 1929. № 4—5. С. 104.
- ⁵⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 465. Л. 156; Филатов В.В. Система управления уральскими колхозами в годы коллективизации (конец 20-х — 30-е годы) // Рукопись деп. в ИНИОН РАН 1.12.92. № 47352. М., 1992. С. 34.
- ⁵⁵ Филатов В.В. Уральское село, 1927—1941 гг.: финансирование. С. 189, 190.
- ⁵⁶ Хозяйство Урала. 1929. № 4—5. С. 188.
- ⁵⁷ Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 1917—1977. Челябинск, 1977. С. 123.
- ⁵⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 7. Д. 31. Л. 127 об.
- ⁵⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 460. Л. 3.
- ⁶⁰ Там же. Д. 333. Л. 18, 19 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 363. Л. 18.
- ⁶² ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 101. Л. 2.
- ⁶³ Там же. Оп. 7. Д. 104. Л. 22.
- ⁶⁴ Хозяйство Башкирии. 1929. № 10—12. С. 8.
- ⁶⁵ Там же. № 1. С. 175.
- ⁶⁶ Красная Башкирия 1930. 28 февраля.
- ⁶⁷ ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 27. Л. 148.
- ⁶⁸ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 148. Л. 14.
- ⁶⁹ Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 12, 14.
- ⁷⁰ Там же. Д. 60. Л. 8.

Глава 2

ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА В СПЕЦПОСЕЛКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В 1930—40-е гг.

Принудительные переселения начались в 1930 г. в ходе массовой коллективизации. В 1933 г. в спецпоселках Северного края¹ было учтено 112 266, по стране — 1 142 084 спецпереселенца². Среди трех регионов Европейского Севера, Архангельской области, Вологодской области и Республики Коми³ наибольшее количество спецпереселенцев в 1930—50-е гг. было заселено в Архангельскую область. В 1940-е гг. к высылке на спецпоселения определялись представители депортированных народов, репатриированные, военнопленные и др. В 1940 г. в спецпоселки были заселены польские граждане. На 1 октября 1940 г. в Архангельской области проживало 94 214 спецпереселенцев, в Коми АССР — 32 049, в Вологодской области — 22 723 спецпереселенца, всего по стране — 1 173 170 человек⁴.

К 1945 г. ситуация в спецпоселках изменилась. Польские граждане были освобождены и сняты с учета спецпоселения. В это время в спецпоселки были заселены новые категории спецпереселенцев, в основном члены семей участников организаций украинских националистов (ОУН) и советские граждане немецкой национальности, в 1946 г. в спецпоселки были высланы «власовцы»⁵. Это была последняя массовая партия спецпереселенцев. На 1 апреля 1945 г. в СССР в режиме спецпоселения проживало 2 212 126 человек, в том числе 29 717 человек в Архангельской области, 19 620 — в Коми АССР, 5 756 — в Вологодской области⁶. В начале 1950-х гг. в спецпоселки выселялись ссыльные и высланные в административном порядке. Высылка на спецпоселение, то есть в спецпоселки, как репрессивная мера перестала применяться в 1954 г., с этого же года начинается массовое освобождение спецпереселенцев.

Культурно-просветительские учреждения в спецпоселках (клубы, библиотеки, избы-читальни, красные уголки и др.) решали задачи по идеологическому перевоспитанию спецпереселенцев, основной из которых была «перделка спецпереселенцев, классово-

чуждых людей, в активных участников нашего (социалистического. — *Н.И.*) строительства путем включения их в процесс производства»⁷.

Неофициальная культура, существовавшая на бытовом уровне, не всегда совпадала с идеологическими установками в отношении спецпереселенцев и нередко попадала под запрет. Повседневная культура проявлялась в сохранении религиозных взглядов и соблюдении религиозных обрядов, стремлении представителей депортированных народов к сохранению родного языка, национальных праздников, обычаев и традиций, также проявлялась в творчестве (сочинение стихов, песен, частушек).

Главной задачей спецпереселенцев было выжить физически. Но следует согласиться с исследователем М.М.Кудюкиной, которая утверждает, что в условиях, когда рушился привычный образ жизни, важным становилось не только экономическое и физическое выживание, но и защита традиционных духовных ценностей, духовное самосохранение личности⁸. Преобладающей социальной группой среди всех спецпереселенцев были крестьяне, которые являлись носителями народной культуры, отличавшейся традиционностью, коллективностью и консервативностью. Народная культура имеет глубокие исторические корни, и религия является неотъемлемой частью этой культуры. Религия способствовала «духовному выживанию» личности и была определенным каналом сохранения элементов групповой культуры памяти.

Сохранение религии было характерно для всех национальных групп. Из отчетов НКВД-МВД «О настроениях спецпереселенцев», составлявшихся по доносам агентурной сети, а также исходя из воспоминаний спецпереселенцев, известно, что, несмотря на угрозу арестов, в спецпоселках люди продолжали отмечать религиозные праздники и даже отказывались выходить на работу, особенно в праздник Пасхи, соблюдали обряды отпевания и крещения, в бараках вешали иконы, и многие, не скрываясь, молились. Спецпереселенцы вопреки запретам продолжали не только верить, но и вели религиозную деятельность. Следует отметить, что эти явления были характерны для всех крестьян, не только для высланных. Исследователь М.В.Левкова отмечает, что в Вологодской области сопротивление крестьян антирелигиозной политике выражалось в открытых выступлениях и жалобах, а также в сохранении религиозных

обрядов, духовных традиций, соблюдении религиозных праздников. Несмотря на активную антирелигиозную политику государства в деревне крестьяне продолжали соблюдать религиозные праздники и обряды. Например, на премирование работы в день религиозного праздника высказывались: «Неужели кто променяет религиозный праздник на восьмушку махорки»⁹.

Любое проявление религиозной деятельности в спецпоселках курировалось органами НКВД (МВД) и соответственно фиксировалось как «контрреволюционная деятельность». Данные сведения с негативным оттенком являются зачастую единственным источником по сохранению религиозной культуры среди спецпереселенцев. В 1936 г. в Коми АССР в спецпоселке Вежаю Усть-Куломского района были «выявлены» две религиозные группы католиков и лютеран, которые отказывались от работы и «открыто выступали против местной власти»: «Раньше мы были богачи, а в данное время злые коммунисты заставляют работать на них, держат голодом, хлеба не дают»¹⁰.

В Архангельской области в декабре 1943 г. было заведено агентурное дело «Секта» на 10 спецпереселенцев, проживавших в спецпоселке Перекоп Плесецкого района. Все 10 человек были из «бывших кулаков», в том числе одна бывшая монахиня. По данным агентов НКВД, это была «религиозно-сектантская группа, участники которой систематически собирались на религиозные сборища, где под руководством К... проводили религиозные моления», которые посещали до 150 человек из населения прилегающих к поселку деревень. Помимо общих молений устраивались панихиды по случаю смерти «с чтением Евангелия». Регулярно в течение всего 1943 г. на религиозные службы собиралось от 10 до 30 человек. В апреле 1944 г. по делу «Секта» вновь были зафиксированы «факты сборищ»: «В ночь на 16 апреля 1944 руководитель группы К... организовал моление участников группы и верующих в доме спецпереселенца Р., где присутствовало около 200 человек. Призывал молиться за спасение душ верующих, за укрепление православной церкви и за здоровье патриарха Сергия»¹¹.

В 1930-е гг. религиозная деятельность преследовалась в любых формах, но с началом войны и изменением политики правительства по отношению к религии преследования сокращаются, в частности на вышеуказанную информацию о молениях, вероятно

пасхальных, «в ночь на 16 апреля 1944... где присутствовало около 200 человек», при проверке сводок в МВД СССР была сделана пометка карандашом «что здесь антисоветского?». При этом в тех же сводках отметили «дело заслуживает внимания» на следующем высказывании одного из спецпереселенцев: «В газетах пишут, что были пышные похороны патриарха. Представители Советского правительства якобы высказали сожаление о смерти патриарха. Это им надо было показать своим союзникам, однако союзники хорошо знают, что из себя представляют эти большевики. Интересно, кто же по большевикам будет справлять похороны. Они настолько надоели людям, что на их похоронах даже собаки не забрешут»¹².

В годы войны постоянно фиксировалось распространение «святых писем» среди спецпереселенцев. В феврале 1944 г. в Плесецком районе Архангельской области была арестована и привлечена к уголовной ответственности спецпереселенка, «кулачка, бывшая монашка», которая в поселке Березовое распространяла среди верующих «Святое письмо Иисуса», призывавшее колхозников не выходить на колхозные сельскохозяйственные работы¹³. В мае 1944 г. в спецпоселках Ветью и Божьюдор Железнодорожного района Коми АССР было «вскрыто» два случая распространения «святых писем» («святое письмо», «золотое письмо») с призывом «не работать по воскресеньям и верить богу»¹⁴. В апреле 1944 г. распространение «святого письма» было зафиксировано в спецпоселке Сорель Летского района Коми АССР¹⁵.

Спецпереселенцы-украинцы отличались религиозностью, как и большинство спецпереселенцев. В воспоминаниях высланных в 1944—45 гг. в Коми АССР описывается: «По воскресеньям... женщины отсыпались. Потом... разговаривали, вспоминали Украину, долго молились... Матушка Мария (бывшая монахиня. — *Н.И.*)... вдали от родины вела монашескую жизнь, соблюдала посты... Она добровольно взяла на себя роль священника... Проводила проповеди, отпевала умерших. Послушать ее проповеди приходили ссыльные и из других барачков. Работала она на лесоповале, наравне со всеми. Но женщины ее жалели, оберегали, как могли, от непосильного труда»¹⁶.

В 1940-е гг., когда на спецпоселения были высланы спецпереселенцы, принадлежащие неправославным конфессиям, органы

НКВД уделяли им особое внимание. Во втором квартале 1946 г. в оперативной разработке по Архангельской области состояло дело «Менониты». Судя по оперативным материалам, в спецпоселке Архбумкомбината группа репатриированных немцев (4 человека), «проживая на спецпоселке, в одном из бараков под видом проведения религиозных обрядов устраивают контрреволюционные сборища, на которых присутствует до 150 человек», где собравшихся призывали «быть до конца преданными религии»¹⁷.

Некоторые данные, отображенные в оперативных материалах НКВД, могли быть явно утрированы, например, о численности спецпереселенцев, собирающихся на «моления», о проповедях «профашистского содержания» и т.д. Однако несомненно, что спецпереселенцы, вопреки запретам, продолжали не только верить в душе, но и вели религиозную деятельность. Это говорит прежде всего о том, что традиционная крестьянская культура, включающая и религиозные ценности, оказалась устойчива под гнетом советской пропаганды.

Несмотря на активную антирелигиозную пропаганду и деятельность органов власти, а также ограничение общения между местным населением и спецпереселенцами, отношения между ними существовали, в том числе в рамках религиозной деятельности. Кроме отсутствия населения из ближайших деревень на некоторых «сборищах», работниками НКВД Архангельской области отмечалось, что в феврале 1945 г. деревню Ефимово неоднократно посещал бывший священник спецпереселенец Б., который проживал у «контрреволюционных религиозников и содержателей подпольно молильной комнаты»¹⁸.

В 1950-е гг. религиозные настроения были по-прежнему широко распространены. Фиксировались, например, такие высказывания: «Нам, украинцам, надо организовываться в религиозный кружок. В святых книгах написано, что наших людей будут заставлять насильно расписываться и вечно жить на чужой стороне...» (1952 г. Архангельская обл.)¹⁹.

В идеологические задачи власти входило также искоренение некоторых национальных особенностей, не соответствующих образцу «советского гражданина», поэтому сохранение родного языка, сочинение и исполнение песен на родном языке, сохранение традиций, присущих какой-либо национальной культуре, воспринимались во

многим представителями власти как «антисоветские националистические проявления», но желание говорить на родном языке и сохранить национальные традиции были сильнее запретов.

Для высланных российских немцев было характерно стремление к сохранению национальной культуры. По воспоминаниям С., высланной в годы Великой Отечественной войны в п. Краснозатонский, пригород Сыктывкара, в семье родители говорил с детьми на немецком языке, хотя представители комендатуры неоднократно их предупреждали о том, что не только на работе, но и с детьми надо говорить на русском языке²⁰. Немцы получили паспорта и возможность выехать в другие регионы страны в 1970-е гг., многие из них, особенно представители старшего поколения, плохо говорили на русском языке и после освобождения, потому что в семье общение продолжалось только на немецком языке.

Польские граждане, высланные на спецпоселение в 1941—44 гг. в северные регионы, отличались высоким уровнем протеста, по отношению к мероприятиям советской власти были настроены крайне критично, в том числе к праздникам. В начале ноября 1940 г. органами НКВД в ходе подготовки к празднованию 23-й годовщины Октябрьской революции был проведен рейд по предприятиям г. Сыктывкара. В ходе данного рейда выяснилось, что «особенно резкое проявление антисоветских высказываний порождающего и провокационного характера наблюдается среди враждебно настроенной кучки спецпереселенцев-поляков». О празднике высказывались: «Этот праздник не для поляков, а для русских, пусть они его и празднуют, а мы его отмечать не будем. Мы живем здесь временно, и не стоит привыкать к советским праздникам, они нас ничем не радуют»²¹.

Следует отметить, что польские граждане трепетно относились к своей национальной культуре и по возможности старались сохранять принятые в обычной жизни нормы поведения. В 1942 г. был арестован А.В.Кухарский, уполномоченный польской делегатуры, и по решению особого совещания 19 мая 1943 г. осужден «за шпионаж и антисоветскую агитацию» на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Он обвинялся в том, что был руководителем комитета опеки («комитет сполечный»), который был организован зимой 1942 г. в спецпоселке Уксора Архангельской области по инициативе самих высланных поляков. В состав комитета опеки

входила спецпереселенка З., которая обучала детей польскому языку, кружок назывался «Гарцежи». Органами НКВД это было расценено как создание «молодежной патриотической организации», ведущей «националистическую пропаганду среди польской молодежи, в основном против Советской власти». В дальнейшем члены комитета опеки, в том числе З. были арестованы, осуждены и приговорены «за шпионаж, антисоветскую агитацию и саботаж лесозаготовок» к отбыванию сроков в исправительно-трудовых лагерях²².

Сохранение языка было характерно практически для всех польских семей. Исследователь Т.Шунина так пишет о высланных из Украины в 1930-е гг. в Архангельскую область: «Удивляют примеры сохранения в этих условиях человеческого достоинства, духовного начала. В числе немногих вещей, захваченных при отъезде семьей С., была маленькая икона, польский молитвенник, книги на родном языке. В семье продолжали говорить только на польском. Отец читал детям книги. Семья придерживалась правил, заведенных на Родине: “Родители приучили нас к аккуратности... Садились ужинать только с отцом, ели с отдельных мисок”. В тесной комнате барака Е.М.С... учила девочек петь, танцевать. Вечерами после работы молодежь пела песни и плясала»²³.

Творчество — это свободное проявление личности, не подразумевающее ограничений. В условиях несвободы, в лагерях ГУЛАГа или на ограниченном специальном поселении (в спецпоселках) творческие проявления были способом сохранения личностной свободы для человека. В книге «Гулаговские тайны освоения Севера» в одном из воспоминаний говорится следующее: «Стихи, стихи! Спасите наши души. Среди каторжан было много молодежи... Книги запрещены, никакой возможности для умственного развития. Единственное спасение — стихи. Их легко хранить в памяти... Если сочиняешь стихи, ты чувствуешь себя творцом. Для каторжных условий, когда тебя пытаются превратить в раба, это просто спасение»²⁴.

Передача информации в условиях ссылки осуществлялась в основном устно. Тем ценнее немногие зафиксированные факты творческой деятельности спецпереселенцев. Сочинительство частушек было повсеместным, текстовое содержание, как правило, отражало повседневную жизнь спецпереселенцев. Бывший спецпереселенец

К. из спецпоселка Ичет-ди Республики Коми вспоминал: «В 1931 г. многие молодые мужики с гармошками приехали. Собираются... частушки поют:

Мы ехали по железке,
Мы ехали по морям,
Приехали в Куздибожи,
На съеденье комарам.

Вот так они пели, и тут завклубом: «Нельзя»²⁵.

В 1934 г. в документах по Архангельской области отмечалось: «Были случаи распевания антисоветских частушек:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал,
по 200 граммов хлеба
не показывай»²⁶.

Спецпереселенцы-поляки сочиняли частушки, ярко характеризующие их настроения:

Надоели мне бараки,	Раньше были кулаки,
Надоели коечки,	Шили юбки широки,
Еще пуще надоели	А теперь все уже-уже
Лесозаготовочки.	И коленочки наружу ²⁷ .

Одной из форм сохранения национальных традиций было исполнение песен. Как указывается в воспоминаниях бывших спецпереселенцев, песни они пели постоянно, особенно это было характерно для украинцев. Например, описывается, что спецпереселенцы-ОУНовцы в дороге по пути к месту высылки в Коми АССР в вагоне в канун нового года пели гимн Сычовых стрелцов «Боже великий, единый, нам Украину хвали...». «Эту песню подхватил весь вагон. За вечер было спето много песен. Рождество тоже справляли всем вагоном и тоже пели украинские песни»²⁸.

Традиционная любовь украинцев к лирическим песням была трактована в спецпоселках как контрреволюционное проявление. «Распевание националистических песен» стало поводом для создания дел о контрреволюционных сборищах. В 1945 г. после заселения в Архангельскую область членов семей ОУНовцев из Западной Украины было заведено НКВД два агентурных дела. В одном

деле, заведенном на троих человек, указывалось в частности: «Находясь на спецпоселке, указанные лица ведут злостную антисоветскую агитацию, на сборищах распевают националистические песни...»²⁹. Другому «антисоветскому сборищу», состоявшему из двух братьев и их отца, приписывались антисоветские настроения. Помимо «распевания контрреволюционных националистических бандеровских песен», им вменялось, что они «группируют вокруг себя молодежь из числа спецпереселенцев, проводят контрреволюционную националистическую агитацию, высказывают террористические настроения в отношении партийно-советского актива и работников НКВД среди населения»³⁰.

Спецпереселенцы в подавляющем большинстве были крестьянами, общий уровень грамотности был низким. В сохранившихся архивных материалах крайне редко можно встретить зафиксированные тексты песен. К таким редким примерам относятся стихотворения на украинском языке, записанные в 1930 г. В спецсводке № 6 ПП ОГПУ Северного края «Настроение бывших кулаков при переселении» за 10 июня 1930 г. указывалось, что высланный Е., размещенный в Архангельской области, пишет стихотворения «о их кулацкой забитой доле и читает по другим баракам, благодаря его произведениям ссыльные плачут и негодуют». Всего в документе сохранилось шесть стихотворений: «Матери», «Дети добратив», «Мое прохання», «Матері до України», «До дітей», «До воли»³¹.

До воли*	До дітей	Матері до України (написано до змінку мертвих дій у гробу)
Чому я серцам так бо- люю Чому не бачуя тебе, Чому так гирко плачу млію Чому не шкодию себе, Нащо міні себе шкодіті, На вицо слезы берегти Коли и нам нещаскі діти Повинні жереб свой нести. Бони нещасії негодують, Як свіка тають на руках, Вмирають, бьюця голо- дують,	О діти Діти, діти, діти, В краю чужом ви пом- рете А там на рідной Україні Садок густосенький цвіте. Співають птички, вільный вітер, Шумить лечесенько між вітах І груша вітками киває, І жде оціх малих діток. Не жди що скоро при- бежать,	Хто побаче и незаплаче, А як ще та мати, Що мусила у Вологді Діток поховати. Плакала, рыдала, Та нікому та могила Дітей не вертала, Поховала, покинула У тяжкой неволе Оставайся мое бідне И шукай собі далі И не прийде вже повідать

<p>І матери день і ніч в слезах, Нас мае влада как скотину. Це їй видамо як голодать Але за щок малу дитину Примущать відовідать. Нам выпала горькая доля, Так не забудим ми її Коли булла земля і воля Коли вели шляхи свої.</p>	<p>В краю чужом, в краю суровім Вони уже в земле лежать, Вже не вернеця, не усміхнеця В могиле сховане дитя Як в рідний край білея наша Навык зруноване житя.</p>	<p>Тебе твоя мати І не буде тут пікали Могилу вкідати. Подивися, схомениця Рідна Україна, за що тобой покарана Ця мала дитина. Подивиця, схомениця Брати ви лихії, за що ви тут Поховали літа молодії.</p>
<p>Мое прохання Літа мої молодії Літа волотії Поверниця, усмехніця, Усмишкой надії, Прилітайте ви до мене Из рідного краю Я вас тріну ріднисенько, Щірос привітаю, Прілітайте, разважайте, Миж ціми лісами Выплакав я свои очі гіркими слезами Але ви мене пробачите Любо усмехніця І на мое тяжко жітя Прийдіть подивиця подивиця ви На мене на лице на очі Помарніли потугскніли Що цвіти в півночі.</p>	<p>Дети добратив (написано теж до змінку) Брати, брати, За що нас покарали, Ми тільки народились И ничего не знали За що нас не хлюбили. Від себе прогнали И скільки ми не плакали Вы жалю не мали, А теперь дивиця, Дивиця, втишайтесь, Може Вам и любо. Брати, не цурайтесь, І у Вас діти Тільки не такі Вони там кахають Літа молодії. А ми в Вологдії В неволе задохнулись. І у цим у гробі Землею загорнулись.</p>	<p>Матери Ой бачили мои очі Як вмирают бідні діти, Як матеря плачуть, Паложили під баракам, Несщаску дитину, Уже її не вернутись, На свою Вкраину, Уже її не вернутись, Пісень не співати, Бо долею премущають Отут умерают, Не сміюця її очі, Серденько не дише, А над ним несщасна мати, Приподае, обнимае, Слезми обливае Поховають, закопають, та уже и немає, Ой крихстка моя мила, Несщасна дитина, Захватила нас в дорозі Лихая година, Тихо, тихо, ти умерло И слова не сказало...</p>

* Сохранены порядок расположения и текст источника.

В Вологодском областном архиве в фонде райисполкома Тотемского района, где было сосредоточено большое количество спецпоселков, в деле 1933 г. по восстановлению в избирательных правах сохранилась рукописная копия письма на листках из школьной тетрадки. Как видно из текста письма, автор — восстановленный в избирательных правах спецпереселенец. У письма нет адресата и подписи. Письмо состоит из текста песни и нескольких предложений, обращенных к родственникам: «Здравствуйте наши родные... Всем вообще по низкому поклону от Вашего брата Андрея. И вот извещаю Вам... несчастную жизнь. По сему времени живу на свободе, и быт, и в части своей рабочей организации, только скучаю по родине своей и по своей семье, и дети мои страдают, я не знаю, как они там живут, охота мне узнать, кто бы писал мне правду, как вы живете. Я извиняюсь, что к вам не писал, сам, брат, знаешь, моя жизнь теперь, послал бы, да не пошлешь, теперь у меня самого решительный вопрос, дадут свободу, нет, лишат на век. Я теперь живу сам без себя. За тем до свидания. Вот я вам опишу нашу жизнь в песне и примените эту песню и изучите ее»³².

Песня*

<p>В далекой стране Сибири где идет стройка городов Сослано много народу Неизвестно насколько годов Сосланы все без причины скитаться в далеких странах От ребенка до старого деда Живут подневольные все Их хилые дети страдают Безвинно в глухой стороне И слезы с тоской проливают О милой своей стороне За что же в Сибирь нас сослали Не чуя на сердце вины У нас слезы из глаз покатались Поехав со своей стороны Родные нас провожали Толпою окружают они Но их тут до нас не пустили</p>	<p>Мы вылезли все из вагона и много же было нас тут Но горя опять не минуя Опять к нам автобусы шли И снова опять на погрузку Куда-то опять повезли Один за одним подъезжают на остров Мы ночью под звезды бродили Квартиру в кустах нам нашли Постель роковая землица и кочка прикрыла нас всех и мать И мать утешала детишек И их слезы в щеках запеклись На угро проснулись раненько Как буд-то ползут муравьи Со всех мы сторон понемногу Тащили жилище свои И долго мы там проживали</p>
--	--

у них слезы по лицам пошли Прощайте до свидания крестьяне ... что же нас в Сибирь повезли Сердце забилось невольно Кричем родные прощались Мы ехали долго невольно Тайгою уральской в Сибирь Вагоны все к нам прицепляли Построить там город и мир Ну вот уж судьба роковая Кончился наш дальний путь	Под новой ночной тишины И каждый старался Теперь мы страдаем все время несчастные. Судьба от ребенка до старого деда на родину хочется нам Тоска нас по воле терзает По дальней родной стороне За что же вы от нас отказались Примите обратно к себе Песня поэта на могиле брата бро- дет Судьбу проклиная
---	--

* Сохранены текст, орфография и пунктуация источника.

В других регионах спецпереселенцы также сочиняли песни о «своей доле». По воспоминаниям была записана песня спецпереселенцев, высланных на Кольский полуостров для строительства Хибиногорска в начале 1930-х гг.³³:

Далеко за круг Полярный
Меж больших огромных скал
Прибыл поезд под конвоем
Разоренных крестьян...
... Нас невинно осудили
За тяжелые труды.
Поля потом поливали,
Получали с них плоды.
Вот за это преступление
Нас и выслали сюды...

В определенном смысле творческим проявлением и еще одним каналом сохранения коллективной и семейной памяти было рукоделие, распространенное в семьях. Например, традиции вышивок, как и сами изделия, передавались подросшим дочерям и внукам. В ноябре 2011 г. в Национальном музее Республики Коми в г. Сыктывкар прошла выставка «Светлый мир я сама сотворю», посвященная женщинам, прошедшим ГУЛАГ, на которой были представлены сохранившиеся рисунки, вышитые вещи, детские игрушки, сделанные женщинами в лагерях и спецпоселках.

Следует упомянуть высокую культуру труда, характерную для спецпереселенцев — советских немцев. Несмотря на то, что труд более относится к производственному процессу, чем к бытовому, тем не менее это была яркая черта, связанная с традициями народной немецкой культуры. Показателен пример по Локчимскому леспрохозу Коми АССР. В январе 1943 г. в ходе проверки было установлено, что 66 человек, т.е. 30% управленческого аппарата — это «высланные немцы», в том числе главный бухгалтер, два бухгалтера и ветврач³⁴. Лица немецкой национальности из-за особой государственной политики в период Великой Отечественной войны по отношению к ним снимались с руководящих должностей. «Засоренность высланными немцами» в 1943 г. Локчимского ЛПХ была ликвидирована. Был издан приказ о переводе всех немцев на физическую работу. Люди, приговоренные к «вечному поселению», старались как можно быстрее восстановить утерянный в ходе репрессий свой социальный статус на месте высылки, не дожидаясь возможности получить освобождение. Высокая культура труда всегда характеризовала немецкую национальную культуру, и в условиях ссылки эти традиции не были утеряны. После отмены режима спецпоселений ЛПХ, созданные на базе бывших спецпоселков, в которых концентрированно продолжало проживать большее количество высланных немцев, неоднократно становились лучшими леспрохозами по Коми АССР в ходе социалистических соревнований.

В целом, следует сказать, что «коллективная память» спецпереселенцев несла в себе элементы, прежде всего, крестьянской ментальности, что во многом определяло поведение отдельных людей и больших групп спецпереселенцев. Высланные польские граждане отличались тем, что среди них крестьян было меньше, чем ремесленников, таким образом, они представляли культуру малого города больше, чем деревни. Но в условиях ссылки у поляков и евреев, так же как у русских, украинцев, немцев и других спецпереселенцев, именно крестьянское самосознание проявилось через сохранение религии и религиозную деятельность. Традиционная культура у немцев и поляков выразилась, прежде всего, в сохранении семейных традиций и родного языка внутри семьи, у украинцев — в сохранении песенной культуры.

Сохранение родного языка, традиционных праздников, семейных праздников и традиций, религиозных традиций, культуры

труда, культуры питания, культуры общения, характерных для спецпереселенцев до высылки, позволяло спецпереселенцам чувствовать себя «нормальными людьми в ненормальных условиях», позволяло им осознавать себя не спецпереселенцами, а русскими, немцами, украинцами, поляками и т.д. В условиях ссылки традиционная культура во многом становится образом мысли больше, чем образом жизни, что формирует специфический менталитет, позволяющий людям, оторванным от традиционного образа жизни, сохранять традиционную культуру в повседневности спецпоселков.

Примечания

¹ Северный край — административное объединение, в состав которого в 1929—1936 гг. входили Коми автономная область, Архангельская и Вологодская области

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—50-е гг. М., 2005. С. 24.

³ 1929—36 гг. — Коми автономная область, 1936—91 гг. — Коми АССР, с 1991 г. — Республика Коми.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 62. Л. 26—28.

⁵ Военнослужащие, граждане СССР, побывавшие в германском плену во время Великой Отечественной войны.

⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 257. Л. 137.

⁷ Национальный архив Республики Коми (далее — НАРК). Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3203. Л. 1.

⁸ Кудюкина М.М. Зажиточное крестьянство в конце 1920-х гг.: попытка оживления // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 313.

⁹ Левкова М.В. Борьба крестьян Европейского Севера России в 1940-е — начале 1950-х годов // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Мат-лы науч. конф. Вологда, 2005. С. 273.

¹⁰ Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар, 1998. С. 59.

¹¹ Информационный центр (с вычислительным центром) при УВД Архангельской области. Отдел спецфондов (далее — ИЦ УВД АО). Ф. 33. Д. 7. Л. 15, 23.

¹² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 162 Л. 132.

¹³ Там же. Л. 175—184.

¹⁴ Там же. Л. 135—136.

¹⁵ Там же. Л. 127—130.

¹⁶ Дубская Н.В. Исповедь. Роман-хроника. Книга первая. Сыктывкар. 2005. С. 111, 112.

¹⁷ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Д. 7. Л. 198.

- ¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Д. 50. Л. 9.
- ²⁰ Воспоминания Савельевой (Лиске) Клавдии Эдуардовны. Записано Фрайтером А.В. в 2003 г. Личный архив А.В.Фрайтера.
- ²¹ НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 672. Л. 23.
- ²² Шунина Т. Польские поселения на Севере // ГУЛАГ на Севере и его последствия (по материалам научно-практической конференции и воспоминаниям очевидцев). Архангельск, 1992. С. 19.
- ²³ Шунина Т. Спецпереселенцы // Важский край. 2000. 13—19 февраля. С. 6.
- ²⁴ Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2001. С. 221, 253, 301.
- ²⁵ Воспоминания Калачева Семена Николаевича 1923 г.р. Записано И.В.Сажиным в 1997 г. Личный архив И.В.Сагина.
- ²⁶ Государственный архив общественно-политических движений и формирования Архангельской области (далее — ГАОПДФ АО). Ф. 290. Оп. 2. Д. 319. Л. 6.
- ²⁷ Воспоминания Гайфиевой Ольги Казимировны. Записаны Э.Мондон. 2007 г. Личный архив автора.
- ²⁸ Дубская Н.В. Исповедь. С. 82.
- ²⁹ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.
- ³⁰ Там же. Д. 10. Л. 84.
- ³¹ ГАОПДФ АО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 380. Л. 61—64.
- ³² Государственный архив Вологодской области. Ф. 903. Д. Л. 46—50.
- ³³ Спецпереселенцы в Хибинах (книга воспоминаний). Апатиты, 1997. С. 11.
- ³⁴ НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 1027. Л. 6.

Глава 3

ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ АРОН МАРКОВИЧ СЛЕПЯН

Нефтяной промышленности Тюменской области, которая уже 40 лет (с 1974 г.) занимает ведущее место в стране, в 2014 г. исполнилось 50 лет.

В полувековой истории нефтяной сферы Тюменской области еще много неизученных моментов, это касается и процессов, и персоналий. Так, имя Арона Марковича Слепяна оказалось вне внимания исследователей.

А.М.Слепян — начальник объединения «Тюменнефтегаз», с деятельностью которого был связан период пробной эксплуатации нефтяных месторождений в 1964 г. и начало промышленной добычи нефти в Западной Сибири в 1965 г. Он же был и первым руководителем объединения «Главтюменнефтегаз». Арон Слепян стоял у истоков нефтяной промышленности крупнейшего за всю историю нефтедобывающего района, обеспечил выполнение огромного комплекса задач в первые два года разворачивающейся добычи нефти. Однако личность первого руководителя нефтяной промышленности Западной Сибири выпала из поля исторического изучения, посвященных ему публикаций нет, очень скудна, иногда представляется, что рукотворно скудна, источниковая база, касающаяся А.М.Слепяна.

Остановимся на биографии этого человека до его появления в Тюмени. Арон Маркович Слепян родился 23 сентября 1913 г. в городе Минске в семье служащего. В 1926 г. семья переехала в Баку, где юноша в 1934 г. поступил на экономический факультет Азербайджанского нефтяного института, который окончил в 1940 г., получив диплом инженера-экономиста по специальности «Экономика, организация и планирование нефтяной промышленности». Сразу после института был направлен на работу в Башкирию, где в тот период активно наращивалась добыча нефти. Шел процесс создания нового добывающего района, в котором на этом этапе ведущую роль играла Башкирия, а первыми из введенных

в эксплуатацию башкирских нефтяных месторождений были Ишимбаевские. На этот участок работы и прибыл Арон Слепян. Первоначально работал начальником планового отдела, затем — заместителем директора конторы бурения треста «Ишимбаевнефть». Уже в 1943 г. был избран парторгом конторы бурения, и находился на этой выборной должности до 1946 г. В эти годы он создал семью. Его женой стала Елена Васильевна Кузнецова, а 21 марта 1946 г. родился сын Максим.

В 1945 г. на территории Башкирии было открыто в то время крупнейшее в стране Туймазинское нефтяное месторождение. Его особенностью было то, что выявлено оно было в девонских отложениях, т.е. на глубинах, которые ранее не были доступны геологоразведчикам. В определении стратегии разработки этого месторождения был принят курс на отказ от традиционных методов разработки. Министерством нефтяной промышленности СССР, которым руководил Н.К.Байбаков, было решено с самого начала разрабатывать Туймазинское месторождение с поддержанием пластового давления путем законтурного заводнения. Для работы на Туймазинском месторождении потребовались опытные организаторы, в том числе и партийного, близкого к идеологическому фронту. В период с 1946 по 1949 гг. Арон Слепян был парторгом конторы бурения № 1 треста «Туймазанефть». В 1949 г. партийный опыт и по всему успешные результаты работы позволили рассматривать Арона Слепяна не только как партийного работника, но и как специалиста, способного возглавить важный участок производства. Его назначают директором конторы бурения № 1 треста «Туймазанефть», а два года спустя — управляющим трестом. На этом посту он оставался длительный период — с 1951 по 1964 гг.¹ Нельзя не отметить, что его предшественником на этом посту был А.Т.Шмарев, получивший новое назначение — в качестве главы объединения «Татнефть». В 1950 г. в Башкирии нефти добывалось в 6,5 раза больше, чем в Татарии, однако Татарии ставились задачи более чем 20-кратного увеличения нефти к 1955 г. Заместителем начальника объединения «Татнефть» стал В.Д.Шашин, работавший в бурении в Башкирии. В.Д.Шмарев уже в 1956 г. окажется во главе «Главгаза» в Москве, а В.Д.Шашин — во главе «Татнефти». А А.М.Слепян продолжит работу в Башкирии.

В начале 1964 г., когда вплотную была поставлена задача осуществления пробной эксплуатации нефтяных месторождений в Тюменской области, опытный организатор нефтяной промышленности Урало-Волжского района Арон Маркович Слепян был направлен на работу в Тюмень, чтобы возглавить работу создаваемого объединения «Тюменнефтегаз». Нельзя не обратить внимание на цепочку передвижений Арона Слепяна по территории страны: Азербайджан — Урало-Поволжье — Тюмень. Азербайджан как первый в истории нефтяной промышленности России нефтедобывающий район стал называться емко «Баку», применительно к Урало-Поволжью возникло определение «Второе Баку». Так же и «Тюмень» не как город, а как регион новой нефтедобычи, первоначально пытались определять через Баку — «Третье Баку». Только здесь, в Западной Сибири, все оказалось еще масштабнее, и выражение «Третье Баку» не прижилось, осталось просто «Тюмень». Через три важнейших вехи в нефтяной биографии страны: Азербайджан («Баку») — Урало-Поволжье («Второе Баку») — «Тюмень», — шла биография Арона Слепяна.

В одной из тех немногочисленных публикаций, которые косвенно касаются личности А.М.Слепяна, И.Гурьева пишет: «возглавлять объединение прибыл из Башкирии руководитель самого крупного в стране бурового треста «Гуймазабурнефть», и добавляет: «буровик по специальности»². Однако утверждение, что А.Слепян — буровик, ошибочно, он имел экономическое образование, ошибочно здесь и название возглавляемого им треста. При этом с прочими характеристиками Арона Марковича Слепяна нельзя не согласиться: «талантливый руководитель, требовательный к себе и подчиненным, Слепян в короткий срок провел большую работу по комплектованию нефтегазодобывающих предприятий квалифицированными кадрами, по обустройству промыслов и началу освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменской области».

Вернемся к событиям, предшествующим появлению в Тюмени в качестве руководителя объединения «Тюменнефтегаз» А.М.Слепяна. В то время проводилась огромная работа по пробиванию дороги для нового экономического облика Тюменской области рядом тюменских энтузиастов. Среди них прежде всего следует назвать имена А.К.Протозанова (секретаря Тюменского обкома партии, затем председателя Тюменского облисполкома, а с 1963 г. первого

секретаря Тюменского промышленного обкома партии), а также начальника Тюменского геологического управления Ю.Г.Эрвье. Они, ратуя за начало добычи нефти в Западной Сибири, опирались на то, что в стране все более возрастал интерес к увеличению добычи нефти, на повестке стояли показатели в 305—310 млн т³.

В письмах, которыми бомбардировал А.К.Протозанов весной 1963 г. высшие руководящие инстанции, обращалось внимание на то, что крупные месторождения Татарии, Башкирии и Куйбышевской области, обеспечивавшие в последнее время основные приросты добычи нефти в РСФСР, уже в 1966—1970 гг. снизят приросты с 13—14 млн т до 6—8 млн т⁴. Делался вывод, что «наиболее перспективной ... по объему запасов является Тюменская область»⁵. Прогнозная оценка запасов нефти определялась в 45 млрд т (20—25 млрд т извлекаемых запасов), газа — в 5 трлн. м³. Подчеркивалось, что Тюменская область «по нефти превышает запасы Волго-Уральского нефтегазозоносного района почти в 3 раза»⁶. Был подготовлен и проект постановления, которое, как мыслилось, должен был подписать Совет министров СССР. Предлагаемое постановление первоначально не имело названия, но содержало обширную программу мероприятий «по обеспечению начиная с 1964 г. ежегодного вывоза 100—150 тыс. тонн нефти с тюменских месторождений на период пробной эксплуатации разведочных скважин на нефтеперерабатывающие заводы»⁷. А во вводной части постановления говорилось, что все эти мероприятия направлены на «ускорение промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменской области»⁸. 4 декабря 1963 г. А.К.Протозанову удалось сделать, казалось бы, невозможное. Постановление, задуманное тюменскими сторонниками скорейшей добычи нефти как правительственное, было подписано Н.С.Хрущевым при личном приеме А.К.Протозанова. Оно получило название «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области»⁹. Постановление определяло 1964—1965 гг. как период пробной эксплуатации открытых в Тюменской области месторождений нефти и газа, но цифры конкретизировались только по добыче нефти: 1964 г. — 100 тыс. т, 1965 г. — 200 тыс. т¹⁰. Ставилась задача к 1966 г. подготовки к промышленному освоению нефти

и газа месторождений Тюменской области; и объединение «Тюменнефтегаз», которое предстояло создать в соответствии с этим постановлением, должно было провести «пробную эксплуатацию Усть-Балыкского, Мегионского, Шаимского месторождений».

Для выполнения решений, заложенных в постановлении Совета министров СССР от 4 декабря 1963 г. № 1208, постановлением уже Правительства РСФСР от 23 декабря 1963 г. № 1437 было создано объединение «Тюменнефтегаз»¹¹. При этом Совет народного хозяйства (СНХ) Средне-Уральского экономического района отмечал, что не были к тому времени «подготовлены конкретные предложения по организации добычи нефти в 1964 г. на Усть-Балыкском, Мегионском, Шаимском месторождениях, по развитию буровых работ, по завозу материалов и оборудования на промыслы»¹². Вновь созданному объединению предстояло вне подготовленных условий приступить к пробной эксплуатации нефтяных месторождений.

Нет информации, когда А.М.Слепян прибыл в Тюмень. Но документы показывают, как разворачивается работа по организации структуры, на которую и была возложена задача по проведению пробной эксплуатации нефтяных месторождений в Тюменской области. Первый приказ по объединению датирован 19 марта 1963 г. и касался он формирования НПУ «Сургутнефть» в пос. Сургут, Шаимского укрупненного нефтепромысла в пос. Урай, Усть-Балыкской разведочной конторы бурения № 1 в пос. Нефтеюганск с подчинением НПУ «Сургутнефть». Начальником НПУ «Сургутнефть» назначался В.С.Иваненко, директором Шаимской конторы бурения — Э.К.Журавлев. Подписал приказ № 1 от 19 марта 1964 г. начальник объединения А.Слепян. Затем создавались все новые подразделения: на базе Мегионского нефтепромысла № 2 НПУ «Сургутнефть» организуется НПУ «Мегионнефть» (под руководством Г.С.Арнопольского) в пос. Нижне-Вартовском. В сентябре организуется трест буровых и разведочных работ «Тюменнефтеразведка» с местонахождением в г. Тюмени, с передачей ему Усть-Балыкской, Шаимской, Мегионской, Игримской контор бурения. Управляющим трестом назначен М.Н.Сафулин. Формировался и аппарат самого объединения. Заместителем начальника объединения и одновременно главным инженером стал Виталий Иосифович Тимонин, заместителем по бурению —

Евгений Акимович Постнов, начальником отдела главного механика — Виктор Николаевич Коломацкий. В документах объединения названы: главный геолог Ю.И.Шаевский, заместитель начальника объединения по строительству Н.Ф.Паничев, начальник отдела добычи нефти И.И.Шидловский, начальник отдела добычи газа Н.Ф.Мержа, начальник отдела по разработке нефтяных и газовых скважин Е.П.Ефремов, начальник геологического отдела Ю.В.Файн, начальник отдела капитального строительства П.В.Бессолов, начальник технического отдела Е.И.Голдырев, начальник плано-экономического отдела Н.В.Топорков¹³. В последующем структура объединения совершенствовалась, количество заместителей начальника объединения увеличилось с 4 до 7, более четко определялись их обязанности. В.И.Тимонину, который сохранял статус первого заместителя начальника объединения и главного инженера, были подчинены: отдел добычи нефти и газа, технический отдел, отдел главного механика, отдел главного энергетика; Ю.И. Шаевскому как заместителю начальника, главному геологу подчинены отделы: геологический, по разработке нефтяных и газовых месторождений; заместителю по строительству Н.Ф.Паничеву — отдел капитального строительства, отдел комплектации оборудованием; заместителю начальника по бурению Е.А.Постнову — производственный отдел буровых работ. Были конкретизированы функции заместителей начальника по общим вопросам (Н.И.Антропов), заместителя начальника по кадрам (А.И.Ганюхин), заместителя начальника, главного экономиста (А.Г.Фролова). В составе объединения был создан технический совет, который возглавил главный инженер В.И.Тимонин.

В основу деятельности объединения был, как указано в документах объединения, положен «опыт Татарии, Башкирии»¹⁴.

Одной из важнейших задач, ставших перед создателями нефтяной промышленности Тюменской области, являлся подбор опытных кадров. В течение апреля — мая 1964 г. руководители аппарата объединения, его структурных подразделений находились в постоянных командировках по стране — Куйбышев, Саратов, Волгоград, Альметьевск, Октябрьский, Белебей. Осуществлялся не только подбор кадров, в Татарии, например, изучался опыт обустройства нефтяных промыслов, в Башкирии — опыт подготовки промывочных растворов.

Деятельность объединения и его руководителя разворачивалась в невероятно сложных условиях, когда в короткие сроки требовалось начать добывать нефть. Не было пробуренных эксплуатационных скважин. Все скважины — 15 — были взяты из разведочного бурения. Специальным протоколом от 14 апреля 1964 г. определялись задачи Тюменского территориального геологического управления и созданного объединения «Тюменнефтегаз» в «организации проведения пробной эксплуатации Усть-Балыкского и Мегионского месторождений»¹⁵. Тюменское геологическое управление должно было проводить работы по прокладке сборных сетей, монтажу резервуаров и оборудованию нефтеналивов, подготовке скважин на Мегионском месторождении нефти, а объединение «Тюменнефтегаз» «обеспечивало обслуживание персоналом все скважины», проводило организацию нефтедобывающих предприятий. Объединение «после окончания комплекса исследовательских работ и оформления документации» должно было принять от геологов на баланс скважины, а также объекты обустройства¹⁶. Бурения эксплуатационных скважин практически не было, да и время буровиков было занято в основном разгрузкой барж, строительством дорог и жилья, на эти работы пришлось более 50% времени.

Все работы проводились в «аварийном темпе»¹⁷. Газета «Тюменская правда» писала: «с первых дней своего существования объединение “Тюменнефтегаз” столкнулось с неразрешимыми проблемами. Поставка большого количества оборудования в его адрес планируется на четвертый квартал... А в четвертом квартале реки Сибири покрываются толстым слоем льда»¹⁸. Только с началом навигации «началось поступление грузов, массовый набор рабочих, инженерно-технических работников, служащих», «рабочие и служащие после работы использовались при разгрузке барж, подготовке производства, занимались строительством жилья, выгрузкой материалов и оборудования». В некоторые подразделения за период навигации так и не поступило «необходимого оборудования и материалов». Само созданное в марте объединение, не было учтено в планах по труду, финансированию, «все вопросы решались в течение года непланово, разовыми распоряжениями, постановлениями». Строительство велось одновременно с проектированием объектов¹⁹. Снабжение машинами, оборудованием,

материалами осуществлялось в течение года с большими перерывами, не в полном объеме.

Эксплуатация определялась как опытная, закачка воды — как пробная, схемы разработки на момент начала добычи нефти отсутствовали и находились в стадии разработки, сбор нефти осуществлялся по временным схемам, составленным и предложенным работниками промыслов, добыча сдерживалась несвоевременной подачей барж, которая определялась как «бессистемная», промыслы работали с частыми остановками скважин в «ожидании налива» и нарушением режима работы скважин. Не было установок по подготовке нефти, на Омский перерабатывающий завод нефть вывозилась с механическими примесями и водой. Схемы разработки месторождений создавались в условиях их начавшейся пробной эксплуатации²⁰. Несмотря на все трудности, опытная эксплуатация нефтяных месторождений в мае 1964 г. началась. «Тюменская правда» за 23 мая 1964 г. на первой полосе писала о том, что «вчера к Сухоборскому причалу (Шаимской группе месторождений. — Г.К.) пришвартовался первый танкер. В объемистые баки судна пошла первая нефть. Налив успешно осуществлен. Танкер отправился в обратный путь»²¹. Далее под заголовком «Свершилось!» шел очень пафосный текст: «... Первые тонны тюменской нефти — сегодня ручеек, двинувшийся в путь, чтобы завтра стать нефтяным половодьем»²². Первая баржа, заполненная тюменской нефтью, отправилась на Омский нефтеперерабатывающий завод сначала из Шаима. 2 июня 1964 г. газета «Тюменская правда» писала, что тюменской, а точнее усть-балыкской, нефтью заполнены 3 баржи²³, а 4 июня повезли нефть из Мегиона.

Первоначально в документах правительственного уровня объемом добычи нефти на период пробной эксплуатации был определен в 100 тыс. т, однако имелся и план в 300 тыс. т²⁴. Добыто было 208,9 тыс. т. Из этого объема на июль—август пришлось 131,020 тыс. т. Управление «Сургутнефть» дало за весь 1964 г. 133,9 тыс. т, «Мегионнефть» — 59,2 тыс. т, «Шаимнефть» — 15,7 тыс. т. Главнефтеснаб РСФСР оплачивал объединению «Тюменнефтегаз» добытую нефть, убытки главка составили 53 руб. за каждую тонну²⁵.

Начальнику объединения требовалось решать большой круг вопросов, связанных не только с организацией добычи нефти, но

и со строительством торговых баз, доставкой и установкой энергопоездов, строительством причалов, ЛЭП от энергопоездов. Постоянно возрастали объемы строительства. 15 июля 1964 г. в системе объединения организуется трест «Тюменнефтегазстрой» с местонахождением в г. Тюмени²⁶. Искали выход и в создании временных объектов. Сложнейшими были условия быта работающих. Начальник объединения требовал, чтобы представители отдела кадров выезжали в Усть-Балык, Сургут и занимались на местах вопросами улучшения жилищно-бытовых условий работников промыслов и контор бурения²⁷.

В деятельности А.М.Слепьяна были постоянные командировки на север, на промыслы, и в этом, вероятно, заключается существенная для карьеры стратегическая ошибка. В Москву ездили чаще всего его заместители — в Госкомитет нефтедобывающей промышленности по разработке проекта развития добычи нефти, в НТО нефтяной и газовой промышленности на совещание о развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири и на полуострове Мангышлак Казахской АССР. Согласно архивным документам стремление Слепьяна постоянно быть на севере, в гуще дел очень очевидно.

Начальнику объединения приходилось уделять внимание не только собственно вопросам добычи нефти, но и вопросам добычи газа, и структурам, которые этим занимались. Как отмечалось в документах объединения, управление «Игримгаз» было «сложным объектом»²⁸. Вопросы разработки газовых месторождений постоянно стояли на повестке дня, в том числе строительства газопровода Игрим—Серов, обустройства и бурения на Пунгинском, Северо-Игримском месторождениях, работы на Березовском месторождении, где действовала одна скважина с суточным дебитом 8 тыс. м³. Для газозаводов строили причалы, пекарни, бани, ледники. Москва все более спешила с разработкой газовых месторождений, проводились заседания комиссий по рассмотрению проекта разработки Тазовского месторождения, требовалось подготовить пристань, провести дноуглубительные работы, планировался газопровод Тазовское—Норильск²⁹. 3 июня 1964 г. СНХ Средне-Уральского экономического района даже принимает распоряжение «О мерах по подготовке к промышленному освоению Тазовского месторождения природного газа»³⁰, предлагая

вести его в эксплуатацию в 1966 г. с подачей в 1967 г. природного газа в Норильск.

При этом в числе вопросов, требовавших решения, были такие, как заготовка дров на зиму, выбор площадок для аэропортов в пос. Сургут, Нижневартовск, проведение изысканий трасс под зимники, строительство зимников, обеспечение безопасного движения по ним, сооружение водных переправ, заготовка и закладка на зиму картофеля, овощей, обеспечение мясом, рыбой, молоком, проблема сохранности завезенных товаров.

Несмотря на огромный комплекс проблем, план по добыче нефти в 1964 г. был выполнен на 208,9%, по добыче газа — на 123,5%, по производительности труда — на 145,0%, по капитальным вложениям — на 106,5%, получено снижение себестоимости на 376 тыс. руб., получена сверхплановая прибыль в 445 тыс. руб. В то же время отмечалось, что объединение не справилось с выполнением планов по капитальным вложением производственного назначения, вводом жилья, буровым работам, неудовлетворительной признавалась и работа по сбору попутного нефтяного газа³¹.

Объединение «Тюменнефтегаз» вступило в следующий 1965 г. с плановыми заданиями добыть 700 тыс. т нефти. В целом объем выполняемых в Тюменской области работ для становления нефтедобычи вырос. Велось строительство нефтепровода Шаим—Тюмень, развивались буровые работы, законченные бурением скважины на нефть от геологов в феврале 1965 г. были переданы объединению «Тюменнефтегаз», на месторождениях создавались системы сбора нефти, на двух месторождениях — Трехозерном и Мегионском — проводилась пробная закачка воды для поддержания пластового давления (ППД), отрабатывалось бурение, типы долот, глинистые растворы, цементирование эксплуатационных колонн, скорости бурения. Сложно обстояло дело с развитием бурения на газ, возникали аварийные ситуации, планы не выполнялись. Но в бурении на нефть отмечается начало бурения наклонно-направленных скважин кустовым способом. Рос коллектив нефтяников: если на начало 1965 г. численность рабочих составляла 5380 человек, то к концу года уже превысила 9600 человек, в два раза возросла численность ИТР и т.д. Создавались учебно-курсовые комбинаты, за год их было открыто 4, в них осуществлялась подготовка кадров. Большие трудности имелись в выполнении

планов по жилищному строительству, сооружению объектов просвещения, культуры, здравоохранения, однако план ввода жилья успешно выполнялся. Несомненно, главная задача состояла в выполнении планов по добыче нефти, с чем объединение успешно справлялось, и уже за 3 квартала план, установленный в 700 тыс. т, был перевыполнен, и добыча составила 746,4 тыс. т³². Существенно была снижена себестоимость нефти. Завершалось строительство нефтепровода, который вступил в строй 3 ноября 1965 г.

В самый разгар нефтяной навигации 12 июня 1965 г. Совет министров СССР принял решение об организации в Тюмени Главного производственного управления по нефтяной и газовой промышленности, с подчинением СНХ РСФСР (Главтюменнефтегаз СНХ РСФСР)³³, определяя его задачу как руководство «нефтяной и газовой промышленностью Тюменской и Томской областей». Распоряжением № Р-402 от 10 июля 1965 г. за подписью председателя СНХ РСФСР В.Доенина исполнение обязанностей начальника «Главтюменнефтегаза» было возложено на начальника объединения «Тюменнефтегаз» А.М.Слепьяна³⁴. Приказы по созданному управлению «Главтюменнефтегаз» в июле — августе подписывает исполняющий обязанности начальника объединения А.М.Слепьян, первый приказ датирован 31 июля 1965 г.³⁵ Тот факт, что А.М.Слепьян был назначен только исполняющим обязанности начальника «Главтюменнефтегаза», свидетельствует о том, что он рассматривался на этом посту как фигура временная. В стране в тот период начался процесс ликвидации совнархозов, освобождалось много работников этих структур. Новое назначение оттягивали до завершения периода навигации, когда основная задача, связанная с добычей нефти, будет выполнена. Так и случилось. Постановлением Совета министров СССР от 3 сентября 1965 г. № 1026 начальником Главного тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности СНХ РСФСР был назначен В.И.Муравленко, этим же постановлением он освобождался от обязанностей члена СНХ Средневожского экономического района³⁶. В стране формировалась практика заполнения основных должностей в нефтяной сфере выходцами из «Второго Баку», но с привязкой к Татарии. Начальник управления нефтяной промышленности Средневожского совнархоза с центром в г. Куйбышеве В.И.Муравленко, работавший под руководством

А.Т.Шмарева, который был тесно связан с Татарией и с все более усиливавшимся позиции В.Д.Шашиным, стал руководителем «Главтюменнефтегаза». В этот же главк был переведен и главный инженер Управления нефтяной промышленности того же совнархоза В.Ю.Филановский. А.М.Слепян стал заместителем начальника главка³⁷, как В.Ю.Филановский, что изначально делало ситуацию очень зыбкой. В.И.Муравленко привел в главк своего человека, и А.М.Слепян изначально был лишним.

Причина смены руководителей нефтяного главка тюменцами связывалась с ситуацией, произошедшей в одном из его структурных подразделений — в конторе «Снабкомплектоборудование» треста «Тюментехснабнефть» 16 июля 1965 г., когда «стрелки ВОХР», выставленные для военизированной охраны, «создали условия для хищения метилового спирта», что привело к отравлению со смертельным исходом «ряда работников»³⁸. До этого данная контора часто оказывалась в центре внимания руководства сначала объединения, а затем главка, так как имели место хищения, часто менялись управляющие конторы и треста, что, однако, не смогло предотвратить трагических событий. Вскоре после этого, 1 августа 1965 г., А.М.Слепян был вызван в Москву³⁹, ускоренно был назначен новый начальник главка, а А.М.Слепян стал его первым заместителем⁴⁰.

Назначая в июле 1965 г. Арона Слепяна исполняющим обязанности начальника главка вышестоящие лица заняли выжидательную позицию, для принятия окончательного решения нужна была ситуация, которая бы позволила потеснить А.М.Слепяна с первых ролей. Поскольку производственные результаты были безупречны, нужен был повод вне дел производственных, и он или был создан, или возник случайно. Все случилось очень странно и очень быстро.

Очень скоро в главке на первый план вышли новые люди, в то время как А.М.Слепян явно отошел на второй⁴¹. Статус А.М.Слепяна не совсем понятен по имеющимся документам. Чем занимается в это время А.М.Слепян, выяснить трудно. Он именуется то просто заместителем, то первым заместителем. Но очевидно, что первые роли как заместителя и первого заместителя начальника главка принадлежали В.Ю.Филановскому. 12 ноября 1965 г., после командировки А.М.Слепяна в Москву, он назначен председателем

комиссии по передаче управления «Игримгаз» в ведение Министерства газовой промышленности СССР⁴². Определен он в это время в приказах заместителем начальника главка, но 10 декабря 1965 г. в приказе о командировке на Украину Слепян вновь назван первым заместителем начальника «Главтюменнефтегаза»⁴³.

В этот период часто меняются и исполняющие обязанности начальника объединения «Тюменнефтегаз», которое вошло в структуру «Главтюменнефтегаза», имея в своем составе четыре треста («Тюменнефтегеофизика», «Тюменнефтегазстрой», «Тюменнефтегазразведка», «Тюментехснабнефть»), четыре управления («Сургутнефть», «Шаимнефть», «Мегионнефть», «Игримгаз»). В декабре 1965 г. (приказ Министерства нефтедобывающей промышленности от 20 декабря 1965 г.) объединение переводится в г. Сургут с постановкой задач по разработке нефтяных месторождений Среднего Приобья⁴⁴. Вроде бы ситуация с объединением «Тюменнефтегаз» никакого отношения в данный момент к Слепяну не имеет. Однако как только приказом Миннефтепрома СССР от 4 марта 1966 г. № 353 А.М.Слепян был освобожден от занимаемой должности первого заместителя начальника «Главтюменнефтегаза» и откомандирован «в порядке перевода в распоряжение Управления нефтедобывающей промышленности при Совете министров Украинской ССР»⁴⁵, начальником объединения «Тюменнефтегаз» назначается В.В.Кореяков. Все это позволяет сделать вывод о том, что А.М.Слепян до марта 1966 г. со стороны руководства «Главтюменнефтегаза» рассматривался как возможный на дальнейший период руководитель объединения «Тюменнефтегаз», которое, скорее всего, поэтому и было переведено в Сургут.

Вскоре после того как в начале сентября 1966 г. в Тюмени побывал министр нефтедобывающей промышленности В.Д.Шашин был подписан приказ о назначении А.М.Слепяна начальником объединения «Укрвостокнефть» Управления нефтедобывающей промышленности при Совете министров Украинской ССР⁴⁶.

А.М.Слепян, уезжая, оставлял после себя созданную в невероятно трудных условиях основу нефтяной промышленности, сформированную структуру управления нефтяной отраслью, успешно выполненную главную задачу периода пробной эксплуатации, связанную с подтверждением огромных возможностей нового добывающего района. Но памяти о А.М.Слепяне в этом регионе

практически не сохранилось, как странным образом исчезли все его фотографии, информация о нем в прессе того периода. Его каким-то образом миновали чьи-либо воспоминания. Может быть потому, что кому-то очень хотелось начало нефтегазодобычи в Тюменской области оставить без имени Слепяна, действовавшего в невероятно сложных условиях, без какой-либо подготовленной базы, но обеспечившего столь весомый результат.

Дальнейшая жизнь и деятельность А.М.Слепяна была связана с Украиной, где он и ушел из жизни 26 января 1986 г. в возрасте 72 лет.

Примечания

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 4. Д. 6873. Л. 1, 3 об., 5—9.

² Гурьева И. Феникс нефтяного региона // Тюменская правда. 2013. 4 декабря.

³ ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 87. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ Там же. Л. 50.

⁷ Там же. Л. 61.

⁸ Там же. Л. 52.

⁹ Там же. Д. 80. Л. 226.

¹⁰ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 41.

¹² Там же. Л. 35—36.

¹³ Там же. Д. 17 оц. Л. 24, 26.

¹⁴ Там же. Л. 45, 54.

¹⁵ Там же. Д. 28. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Там же. Д. 20. Л. 1.

¹⁸ Что сдерживает освоение недр Тюменской области // Тюменская правда. 1964. 19 мая.

¹⁹ ГАТО. Ф. 2146. Оп.1. Д. 20. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 61, 62, 65, 70, 71.

²¹ Тюменская правда. 1964. 23 мая.

²² Свершилось! // Тюменская правда. 1964. 23 мая.

²³ Тюменская правда. 1964. 2 июня.

²⁴ ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 69 оц. Л. 57.

²⁵ Там же. Д. 20. Л. 4, 6, 168.

²⁶ Там же. Д. 69 оц. Л. 86.

- ²⁷ Там же. Л. 111.
²⁸ Там же. Д. 20. Л. 46.
²⁹ Там же. Ф. 2146. Оп. 1.
³⁰ Там же. Д. 16. Л. 63.
³¹ Там же. Д. 64. Л. 50—51.
³² Там же. Д. 64. Л. 58; Д. 77. Л. 27.
³³ Там же. Д. 64. Л. 153.
³⁴ Там же. Д. 63. Л. 23.
³⁵ Там же. Д. 69 оц. Л. 2, 3, 6—10.
³⁶ Там же. Л. 57.
³⁷ Там же. Л. 29, 33.
³⁸ Там же. Д. 1. Л. 281.
³⁹ Там же. Л. 298.
⁴⁰ Там же. Д. 69 оц. Л. 86.
⁴¹ Там же. Л. 111.
⁴² Там же. Л. 173.
⁴³ Там же. Л. 230.
⁴⁴ Там же. Д. 65. Л. 12; Д. 152. Л. 7.
⁴⁵ Там же. Д. 128. Л. 201.
⁴⁶ Там же. Д. 18. Л. 62.

Глава 4

«ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА»: УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И УКРАИНЫ (К ИСТОРИИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА)

Модернизационно-перестроечные процессы середины 1980-х гг., объединенные попыткой отхода от жесткой модели политической централизации и создания гибкой регулятивной системы общественных связей, к сожалению, оказались проваленными. При этом государству отводилась роль гаранта обеспечения социально-экономической и политической комфортности развития советского общества с сохранением и реальным подтверждением прав личности, продекларированных конституциями СССР. Это позволяло, по замыслу реформаторов, создать особый механизм самораскрытия политико-экономических и духовно-нравственных потенций многонационального советского народа, обеспечив всем этносам свободный доступ к созданным социальным ценностям и экономическим рычагам формирования поистине новой «исторической общности людей».

Как показала история, не получилось. И не только потому, что к началу 1990-х гг. Россия оказалась в положении исторического заложника с разрушенной социально-экономической инфраструктурой, неработающими адаптационными механизмами народнохозяйственного воспроизводства, резким взрывом националистических выступлений и дискредитацией общественных ценностей и общегражданских приоритетов. Массовые митинги 1986 г. в Алма-Ате, военные действия 1988 г. в Нагорном Карабахе и Фергане, выступления 1989—1990 гг. в Тбилиси, Прибалтике, Азербайджане, Молдавии и Украине — все это стало фоном разраставшейся националистической волны, накрывшей институт государственности. Принятие I съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете России, где был закреплен приоритет республиканских законов над союзными, т.е. частного над целым (!), явилось пролонгацией мощного процесса распада всех институциональных звеньев, особенно

на Украине и Прибалтике. Решения Беловежской встречи в декабре 1991 г. руководителей трех суверенных государств (Б.Н.Ельцина, Л.М.Кравчука, С.С.Шушкевича) стали лишь констатацией де-факто, а затем и де-юре «логического завершения» истории конца величайшей цивилизации — Союза Советских Социалистических Республик при всех его плюсах и минусах.

Вопрос об истинных сценариях и сценографах процесса «саморазвала» («самораспада», «самороспуска» и пр.) советских структур и институтов на территории бывшего многонационального государства до конца не прояснен историками и политологами по сей день. Полагаем, что в круг обсуждения данной проблемы не включен панорамно-исторический аспект анализа наличия «третьих интересов» «третьих сторон» с разработкой «третьих долговременных сценариев» рассматриваемой трагедии — утраты государственности, а по сути — инициации состояния «исторического сиротства» России, которой «предписано» было стать евразийским метрономом, отсчитывающим «какое-то новое» цивилизационное качество современного исторического времени.

В условиях остро затянувшегося и алогично «неразрешаемого» современного военного кризиса на Украине все эти вопросы приобретают не только академический, но и прикладной интерес. Тем более, что потеря нашей страной эффективных военно-стратегических и территориальных «поясов безопасности» (а это ни много ни мало, а около 5 млн км² территорий; Варшавский Договор с его эффективной системой коллективной безопасности; четыре важнейших торговых порта на Балтике — Клайпеда, Вентспилс, Рига и Ново-Таллин; уязвимость коммуникационного анклава в Калининграде; спорные пограничные вопросы со странами Балтии о морском грузопотоке, Грузии вокруг Осетии, а теперь и Украины по вопросу Крыма и Севастополя) обостряют и без того «остро отточенные» проблемные грани внутренней и международной политики. Ожесточенная борьба за власть «на местах» и фантастически разросшаяся «коррупционная составляющая» проваленной перестройки дискредитировала саму идею возможности реформирования «чего-либо» в России без откровенного «отмыwania денег» сверху и снизу и взаимного «полоскания политического белья».

Между тем сегодня совершенно очевидно даже самодостаточной Европе, что современный кризис в Украине имеет, с одной стороны, ярко выраженный геополитически «заказной» характер (причем, возможно, затеянный сразу несколькими международными игроками), на фоне которого общеукраинские, донецкие, одесские, луганские и прочие интересы никого, собственно, не интересуют. Фактически речь идет о начале нового раунда «третьего передела мира». По мнению экономиста и политолога Михаила Хазина, кризис на Украине — следствие столкновения двух политических тяжеловесов — США и Китая, которым необходим крупный европейский рынок сбыта. Для Китая украинский транзитный «шелковый путь» в Европу открывал бы новые перспективы мирового экономического роста¹.

С другой стороны, для развертывания подобного, «жестко срежиссированного» кровавого сценария событий должны были существовать и на самой украинской земле определенные исторические предпосылки. Истоки части из них уходят в не такое уж и далекое прошлое. Во всяком случае, 10 ноября 1990 г. в разгар политических баталий группировок, сплотившихся вокруг двух ключевых фигур в КПСС — М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина, в Постановлении Секретариата ЦК КПСС «О фактах преследования коммунистов в западных областях Украинской ССР»² с тревогой констатировалось предельное обострение обстановки и резкой конфронтации политических сил в данном регионе. Это грозило нарушением общегражданского мира на Украине, особенно западной ее части. В документе подчеркивалась степень опасности сложившейся обстановки, эскалации угроз, запугивания и шантажа политических оппонентов, преследования коммунистов и членов их семей. Так, опубликование в газете «За вільну Україну» — рупоре Львовского областного Совета народных депутатов — решения президиума Львовской краевой рады «Руха» убрать коммунистов и всех прокоммунистически настроенных депутатов из органов народного представительства, вызвало волну протеста. Житель Тернополя, ветеран войны, обращал внимание властей на усиление травли несогласных, срывание боевых наград с ветеранов, избияния и оскорбления «инокомыслящих». «Мы боимся за детей, страшно пускать их в школу, ведь за детьми коммунистов идет настоящая охота», — писал он в ЦК партии³.

Учительница-пенсионерка из Ивано-Франковска обращалась в областную газету «Прикарпатська правда» с рассказом об издевательствах и угрозах в адрес своего мужа — директора восьмилетней школы, члена КПСС. «В анонимных письмах “руховцы” требуют от мужа пойти в церковь и искупить свою вину, в противном случае ему несдобровать, угрожая физической расправой, если он с семьей не выедет из города»⁴.

В постановлении подчеркивалось, что на многочисленных митингах, где предпринимались попытки рядовых коммунистов выступить перед людьми, все заканчивалось криками, оскорблениями, попытками физической расправы⁵.

В интервью секретаря Тернопольского обкома партии прозвучала тревога за будущее Украины: «Я из простой рабочей семьи, сын Галицкой земли, в ней похоронены старшие представители моего рода, мне с этой земли уходить некуда. Если события будут развиваться и дальше в таком же ключе, я вынужден буду сражаться во имя стабильности и спокойствия в каждом доме моей Тернопольщины»⁶. По его словам, «гражданский мир, согласие — святая идея, особенно для Западной Украины. У нас запутанная, трагическая история. 1939 год: со слезами радости встречали Красную Армию... Сбылась вековая мечта — Украина стала единым государством. Но вскоре пришли страшные сороковые... с их репрессиями, во многом неоправданными, незаконными. Пришло вооруженное послевоенное противостояние. Как все переплела, перепутала история, которую уже никому не изменить, не переписать. Сегодня в городе Тернополе, в области — тысячи бывших бандеровцев и полицаев. Это лица, отбывшие по суду срок заключения за совершенно конкретные и отнюдь не вымышленные преступления. Надо видеть, с каким звериным оскалом, жадной политического реванша выходят они и обманутые ими на нынешние митинги, ведь им сейчас позволительно все. ... Но как быть с теми..., которые на митингах с пеной на губах орут, что бандеровцы нас мало стреляли, мало убивали...». На вопрос, что более всего тревожит ветерана и коммуниста, был дан однозначный ответ: «То, что у нас в области, под прикрытием трескотни о демократии, правах человека и т.п..., новыми политическими силами постепенно возрождается не только антикоммунизм, но и антигуманизм... На Западной Украине появляются новые молодежные

организации открыто профашистского, националистического толка.... Но ведь это уже было в истории моего народа. Нельзя допустить новой трагедии обманутых молодых людей... Пришло время сказать...: надо сражаться! Сражаться за будущее. У наших политических оппонентов есть все. Есть деньги, ...технические средства ... Есть оружие (пока что муляжи), которым они бравируют... Они уже действуют, нагнетая страх, неуверенность в завтрашнем дне, разжигая религиозную вражду, ведя дело к установлению нового тоталитарного режима, подменяя ... здравый смысл — ненавистью»⁷.

Естественным следствием подобного развития событий становились настроения и акции протеста молодых призывников, в том числе на Западной Украине, отказывавшихся служить в советской армии. Это в свою очередь вызвало появление спустя всего несколько дней Постановления Секретариата ЦК КПСС «О неотложных мерах в связи с усилением антиармейских проявлений в ряде регионов страны»⁸.

При знакомстве с этими, ставшими сегодня уникальными историческими материалами, складывается полное ощущение, что два событийных хрономоста — между «прошлым» Украины эпохи 1990 года и ее «настоящим» 2014 — началом 2015 гг. — оказались слиты в зазеркальной проекции трагедии современного украинского народа, так кроваво растратившего свою будущность и судьбу в обмен на европейскую «иллюзию» обретенного «забугорного рая». Но ведь это же уже было когда-то, в том числе, в далекие 1920-е гг. периода гражданской войны с ее полным разорением всей страны и особенно родной нам Украины, с проникновенным итогом-констатацией, подведенным на европейской чужбине патриотом и настоящим русским офицером Антоном Ивановичем Деникиным: «Мы — чужие на этом празднике жизни!» Сколько сломанных судеб, сгинувших талантов и нерожденных детей недосчитается уже сегодня эта горемычная и такая прекрасная земля! Современный украинский кризис, длящийся практически год, до боли напоминает эскалацию прошлых событий, когда, по словам очевидца, «все переплела, перепутала история, которую уже никому не изменить, не переписать»⁹.

Примечания

¹ Хазин М. Американско-китайское противостояние на Украине. URL: mikhail-khazin.ru/na-drugih-kanalah/mihail-hazin-amerikano-kitayskoye-protivostoyaniya-na-ukraine-03-06-2014

² О фактах преследования коммунистов в западных областях Украинской ССР. Постановление Секретариата ЦК КПСС от 10 ноября 1990 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12 (311). Декабрь. 1990. С. 15—17.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 16—17.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 18—19.

⁷ Машенцев В. Сколько можно выждать? // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12 (311). Декабрь. 1990. С. 18.

⁸ О неотложных мерах в связи с усилением антиармейских проявлений в ряде регионов страны. Постановление Секретариата ЦК КПСС от 15 ноября 1990 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12 (311). Декабрь. 1990. С. 20—23.

⁹ Машенцев В. Сколько можно выждать? С. 18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Любовь Васильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Букренева Ксения Геннадьевна — директор МОСШ № 17 г. Нижневартовска.

Игнатова Надежда Максимовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар).

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске, доцент.

Колева Галина Юрьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета, доцент.

Любимов Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» в г. Ишиме, доцент.

Мошкин Виктор Викторович — кандидат исторических наук, учитель истории ОСШ п. Зайцева Речка Нижневартковского района ХМАО, студент II курса магистратуры кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Салимова Наталья Сергеевна — кандидат исторических наук, преподаватель истории Нижневартковского социально-гуманитарного колледжа.

Сапожникова Наталия Васильевна — кандидат исторических наук, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Солодкин Яков Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией региональных исторических исследований кафедры истории России Нижневартковского государственного университета.

Цысь Валерий Валентинович — доктор исторических наук, профессор, доцент, заведующий кафедрой истории России Нижневартовского государственного университета.

Цысь Ольга Петровна — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории региональных исторических исследований кафедры истории России Нижневартовского государственного университета.

Феоктистова Юлия Владимировна — учитель истории МБОУ СОШ № 8 г.Ноябрьска Ямало-Ненецкого автономного округа.

Филатов Владимир Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова».

Чорев Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований, студент I курса магистратуры кафедры истории России Нижневартовского государственного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1

ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX в.

Глава 1. ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА III (XIX) ВСЕРОССИЙСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ.....	7
Глава 2. К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СИБИРСКОМ ХАНСТВЕ	17
Глава 3. ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО РУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ	26
Глава 4. САМАРОВ ГОРОДОК (О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПРЕДЫСТОРИИ ХАНТЫ-МАНСЙЙСКА)	40
Глава 5. О ЧИСЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛАХ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.	53
Глава 6. ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.....	66

Раздел 2

ХАНТЫ-МАНСЙЙСКИЙ ОКРУГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Глава 1. МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ОБСКОГО СЕВЕРА В 1930-е ГОДЫ (СРАВНЕНИЕ НА ОСНОВЕ ТРУДОВ М.Е.БУДАРИНА И Л.В.АЛЕКСЕЕВОЙ).....	111
Глава 2. ДЕТИ КРЕСТЬЯН-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ, ОБУЧЕНИЕ И ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ).....	117
Глава 3. ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА, ОРГАНИЗАЦИЯ И МОТИВАЦИЯ, УЧЕТ И ОПЛАТА ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ХАНТЫ-МАНСЙЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	129
Глава 4. УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ДЕТСКИХ ДОМАХ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЛЕНИНГРАДА НА ТЕРРИТОРИЮ ХАНТЫ-МАНСЙЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ).....	157

Глава 5. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОВЕТСКОМ ДЕТСТВЕ В ВОЕННЫЙ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНЫХ ОКРУГОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	174
--	-----

Раздел 3

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

Глава 1. ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУМЫ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА II СОЗЫВА (1996—2000 гг.).....	183
Глава 2. ЭКОНОМИКА НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО—ЮГРЫ В ЭПОХУ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (2002—2012 гг.).....	195

Раздел 4

ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Глава 1. КРЕДИТОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ.....	207
Глава 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА В СПЕЦПОСЕЛКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В 1930—40-е гг.	230
Глава 3. ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ АРОН МАРКОВИЧ СЛЕПЯН.....	245
Глава 4. «ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА»: УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И УКРАИНЫ (К ИСТОРИИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА)	260
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	266

Научное издание

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть V

Редактор *Н.В.Титова*
Художник обложки *К.В.Латыпова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 27.04.2015
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 16,875
Тираж 300 экз. Заказ 1669

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*